

Дмитрий Быков Стихотворения (2009 г.)

Зеленый друг

Он много лет со мною рядом.
Я полюбил его до слез.
Он иногда немного падал,
А вслед за тем немного рос.
Он стал вложением надежным
В эпоху русских перемен,
И я с почтеньем осторожным
Воспринимал его как член
Семьи. Он стал мне ближе брата.
Нам либеральная орда
Дефолт устроила когда-то —
О, как он вымахнул тогда!
Пришли кранты родной культуре,
А бизнес плющился, как блин,
И на стобаксовой купюре
Смеялся Франклин Бенджамин.
Дефолта яростное жало
Грозило общею бедой,
Страна в депрессии лежала,
А он стоял, как молодой!
Но изменилась конъюнктура,
С нефтянкой всё пошло на лад,
Худела милая купюра
И стала падать, падать, пад...
Улыбку спрятал Франклин бледный,
И было горестно смотреть,
Как он, доселе столь победный,
Опал и сморщился на треть.
Его ресурсы стали слабы.

Его отвергло большинство.
Уж не бегут, как прежде, бабы
За обладателем его.
Похоже, мир его похерил.
По всей планете он просел.

1

Лишь я в него, как прежде, верил —
Но он висел, висел, висел!

И вдруг он встал. Зеленый, наглый,
Надут, как парус корабля...
Что послужило тут виагрой —
Обама? Кризис? Спад рубля?
Его величье безгранично.
Он тверже с виду, чем металл.
Хохочет Франклин так цинично,
Как никогда не хохотал.
Прошла пора болезни долгой.
Сменился вектор наконец,
И всякий, кто имеет доллар,
Сегодня — истинный самец!
Конечно, ясно и младенцам,
Что сам он кризисом тесним
И может кончить полным бенцем...

Ну что ж. Мы кончим вместе с ним.

На высший пост воссел Обама,
Недавней гонки чемпион.
Уже слегка заколебала
Обамамания, но он
Среди приветственного гама,
В каком заходится земля,
С непринужденностью Адама
Намерен всё начать с нуля:
Пусть в этом есть самореклама,
Но от зари и до зари

2

Он разгребает груды хлама
И протыкает пузыри,
И в первый день правленья прямо
Согласно плану своему
Он повелел в Гуантанамо
Закрыть военную тюрьму!

Друзья мои! Виват Обаме
За этот радостный бабах.
Он хочет править не рабами
И не нуждается в рабах.
Но как бы дружно застебали
Такого лидера бы мы,
Кто, уподобившись Обаме,
Начнет с закрытия тюрьмы!
Мы любим в землю биться лбами,
Шагать на грабли раз до ста...
Мы б не доверили Обаме
Такого важного поста.

Мулат с мулатскими губами,
Известный творческим трудом;
Сперва приспичило Обаме
Ужать бюджет на Белый дом*;
Потом приспичило Обаме
Тюрьме закрытием пригрозить...
Объесться надо бы грибами,
Чтоб тут его вообразить.
У нас бы, к власти не приблизясь,
Пропал подобный молодец...
Вот потому у них и кризис.
А что у нас?
У нас — отнюдь!

** Обама начал с резкого сокращения
зарплат американским чиновникам.*

3

Патриарх Кирилл

Вот Церковь православную возглавил
Благообразно избранный Кирилл.
Сначала президент его поздравил,
А после с ним премьер поговорил.

Он нравится собратьям и элитам,
Но если честно молвить — на Руси
Сегодня трудно быть митрополитом,
А Патриархом — Боже упаси!

Не то чтоб здесь никто не верил в Бога,

Но так распорядился ход планет:
Три четверти — а это очень много —
Живут, как будто Бога вовсе нет.

От светской власти тоже нет покоя:
По ходу дела, Господи прости,
Благословлять приходится такое,
Что хочется руками развести.

Отечество понуро и разбито,
Его душа угрюма и тиха,
Всем всё равно, и, кажется, из быта
Ушло само понятие греха.

Морзянке проще выучить гориллу,
Чем продолбить бездушия кору.
Дай Бог долготерпения Кириллу
(Владимиру Гундяеву в миру).

В такие межеумочные годы,
Когда ликует только паразит,
Я не хотел бы тут пасти народы.
По счастью, это мне и не грозит.

4

Демидов-обозник

Повидав немало видов,
Пережив немало гроз,
До Кремля довез Демидов
Музыкальный свой обоз.

За общественные пакты,
За центральную печать
И за внешние контакты
Там он будет отвечать.

Будет он взирать сурово
На дела твои, страна,
Под водительством Суркова,
Под рукой Говоруна*.

Умиляясь и рыдая,
Приседая без конца,
Дружно «Гвардия младая»
Провожает молодца:

«Наш ты, Ваня, идеолог,
Наш водитель и отец!
До кремлевских стройных елок
Ты добрался наконец!»

Знать, и впрямь висит угроза
В смысле денег и еды,
Коль герои из обоза
Призываются в ряды.

Славен год две тыщи девять!
Поредела ваша рать.
Новых не из чего делать,
Старых некуда убрать.

С виду вождь, душой лакей, —
Чтоб среди години грозной
Нам внушить, что всё о'кей.

Да ещё, напрягши память
И включив былую прыть,
Не забудь очки натянуть —
Взгляд от зрителя прикрыть.

** Олег Говорун — куратор направления,
на которое брошен И. Демидов.*

Победитель

Янковский отмечает юбилей.
Попробуем без слез и без соплей.
Поскольку он всю жизнь играл мужчину,
Сражающего всех в конце концов, —
Из одиночек, умниц и бойцов, —
Нам следует воздать ему по чину.

Никем не побежден его герой —
Хотя и он проигрывал порой,
Как жуткий Стэплтон, сгинувший в болотах,
Или Дракон, распластанный в снегу,
Или Макаров, спрятавшись в стогу
В известных балаяновских «Полетах».

Такой герой — будь он хоть Пален-граф —
Способен быть суров, жесток, не прав,
Он может знать, что век напрасно прожит,

Что всюду ложь, что чудища кругом,
Что станет лучший друг его врагом, —
Всё так; но быть ничтожеством не может.

Пока другие превращались в баб,
Янковский твердо задавал масштаб.
Полезно знать, что есть такие люди,
Которые не знают слова «страх»
И держат нити действия в руках,
Как он держал в «Обыкновенном чуде».

Ярлык «Колдун» давно к нему прилип,
Но есть другой — митрополит Филипп,
Которого — по прозе Иванова —
Он только что сыграл у Лунгина:
Когда его увидит вся страна,
Дышать в ней станет легче, право слово.

Что юбилей? Допустим, юбиляр
Уже не молод, но отнюдь не стар;
Развеяв опасения и слухи,
Он снова появляется в строю,
И мы, твердя признательность свою,
Просили бы продолжить в том же духе.

Олег Иваныч! Тут сплошная жесьь,
А из героев только вы и есть.
Позвольте без особенной причины
Обнять вас в красный день календаря —
За всех, кто вырос вам благодаря
С негибким позвоночником мужчины.

И это всё устроила Морарь!

Довольны ли радетели свободы,
Владельцы либеральных, сытых харь,
Наймиты и моральные уроды,
Пытавшиеся к нам пустить Морарь:
Любители дешевых балаганов,
Властями обанкроченных уже —
Лесневская, Альбац и Барабанов,
И сотни обитателей ЖЖ?
У нас и так-то всё на честном слове,
Обвал, развал, дурная полоса —
А было бы совсем как в Кишиневе,
Где до сих пор считают голоса.
Там полстолицы попросту пылают,
В истерике законный государь,
Разгромлен обезлюдевший парламент,
И это всё устроила Морарь!
Уж если там, где нет дуумвирата,
Где коммунисты правят, как цари,
Всё выглядит настолько хреновато, —
Про нас уже ваще не говори.
На штурм пошли б десятки миллионов,
Свалили бы правительство, как встарь... Владеют ли
Каспаров и Лимонов
Такой убойной силой, как Морарь?
Мне кажется, она как Поттер Гарри —
Особенный, магический юнец...
А если б две Морари? Три Морари?
А если бы четыре, наконец?!
Я с ужасом припоминаю, братцы,

Недавние, по сути, времена,
Когда в столицу русскую прорваться
Пыталась в Шереметьеве она.
Какая злость была в её оскале!
Страна была к истерике близка.

8

Три дня её спецслужбы не пускали —
Отборные, элитные войска!
В конце концов на полосе нейтральной,
Пока висела утренняя хмарь,
Избавились от слабости моральной
И в Кишинев отправили Морарь.
Её унес в заоблачные выси
Надежный ТУ, как было решено.
Конечно, лучше было бы в Тбилиси —
Уже бы Мишу скинули давно;
А впрочем, для России лучше Миша.
У них и оппозиция — не мед:
Когда освободится эта ниша,
Глядишь, её вменяемый займет.

...Ах, если бы одумался Воронин,
Явил коммунистическую прыть —
И вход туда ей был бы заборонен*,
Как мы его сумели перекрыть!
А если бы и прочие режимы —
Меж коими не прерывалась связь —
Поставили заслоны и зажимы,
Стоцветных революций убоясь, —
Какой бы славный опыт был проделан!
Приюта не найдя, не зная сна,

Как вечный жид, как лермонтовский демон,
Над всей страной летала бы она,
На киевском и на ташкентском фоне
Пред CNN позировала всласть —
Пока б её не взяли в Вашингтоне
И там не опрокинулась бы власть.

Привычно мысли в рифму облакая,
Как многократно дельвал и встарь, —
Я думаю: но что за власть такая,
Что ей страшна какая-то Морарь?

9

И сам же отвечаю: знаем все мы,
Кому Отчизна вправду дорога, —
Что прочные, стабильные системы
Особо уязвимы для врага.
Америка, допустим, колобродит
От полноты раздувшейся мошны,
Там постоянно что-то происходит,
И ей теракты даже не страшны.
Взрывали их, гранаты в них кидали,
Противники валяли их в грязи...
Всё беспокойно в Индии, в Китае,
Во Франции, где правит Саркози, —
А мы, и суверенная Молдова,
И прочие, кто окружает нас,
Свалиться в хаос от толчка любого
На ровном месте можем каждый час.
Властитель прежний несколько прибил нас.
Мы можем рухнуть от любой чухни.
У нас такая полная стабильность,

Что всё к чертям покатит, чуть чихни.
Весь наш народ, который так громаден,
Ударится в погромы, кровь и гарь...
Кому-то не опасен и бен Ладен, —
А для кого смертельна и Морарь!
С годами суверенная Молдова,
Чья власть непобедима и крепка,
Дойдет до состояния такого,
Что будет трепетать от ветерка, —
А для России, гордой и прекрасной,
Исполненной неведомых глубин,
Настолько страшен всякий несогласный,
Что на любого нужно пять дубин.

Вы ждете утешительной морали?
Мораль проста, хотя и не длинна.
Страна, что может рухнуть от Морари, — Действительно
великая страна.

10

Аршавянка

Исполняется на мотив «Варшавянки»

Снова футбол наш могуч и державен —
Хиддинк не даром его осенял!
Прежде в «Зените» светился Аршавин —
Нынче забрали его в «Арсенал».

Что прозябать под родною осиной?
Зов «Арсенала» — особая честь.
Запад скупает со страшною силой
Всё, что в России хорошего есть.

Лучшие люди (спортсмены хотя бы,
В «Евро» попавшие в четвертьфинал),
Лучшие клоуны, лучшие бабы —
Всем пополняется их арсенал.

Только досадно, что в доблестном списке
Русской элиты никак не видать.
Им бы, пожалуй, уйти по-английски!
Их бы за фунты британцам продать!

Мы их, признаться, давно не меняли —
Нет дурака, чтобы их обменял —
И оказались не в четвертьфинале,
А прикатились почти что в финал.

Нам их хватило по самые гланды.
Терпим и терпим... Какого рожна?
Видно, элита из этой команды,
Кроме России, нигде не нужна.

Стало быть, их золоченая рота
Будет и впредь, укрепляя режим,
Бить с разворота в свои же ворота —
Так, как Аршавин лупил по чужим.

11

Министр Голикова

Хоть кризис — главный враг народа —
Берет Россию за бока,
Опять назвал персону года
Российский холдинг РБК.
Ярится буря, всех затронув —

От небоскребов до лачуг:
Непотопляемы Сафронов,
Митрополит и Бондарчук.
Но странно перед целым светом
Под блицы, водку и еду
Увидеть Голикову в этом
Непотопляемом ряду.
Она — сурова, как дуэнья,
И прямодушна, как дитя, —
Начальник здравоохраненья
И соцразвития; хотя
Мы труд её, конечно, ценим
И отмечаем каждый шаг —
У нас со здравоохраненьем
И соцразвитьем полный швах.
Хоть диктатура, хоть свобода —
А жизнь дешевле коробка...
За что ж её персоной года
Провозглашает РБК?

Подобно древнему халдею,
Я догадался, в чем успех:
Её пиарят за идею
Отправить безработных всех
На стройки сочинской деревни
В преддверье олимпийских дней:
То путь проверенный и древний,
Хоть Магадан для нас родней.

Как криминальный элемент...
А нынче их отправят в Сочи,
Вручивши тачку и цемент.
Когда пройдет Олимпиада,
Они отправятся домой...
Шутить о Сталине не надо:
Сравнили Сочи с Колымой!

Итак, благодаря Татьяне
Насельники родной земли,
Досель блуждавшие в тумане,
России образ обрели:
Суровой не пройдя проверки,
По поручению вождя
Магнаты трудятся и клерки,
Объекты в Сочи возводя.
Тепло! Паек! И море рядом!
Барак — бесплатное жильё!
И смотрит Таня кротким взглядом
С плаката «Каждому своё».

13

Шпики на пике

К негодованью внутренних врагов,
Взирающих на нас недоуменно,
По прихоти таинственных богов
Мы родились с тобой одновременно.
Нас разделяют пять десятков лет —
За это время рушилась Европа,
Дрожал Китай... и всё ж различья нет,
Хотя бы с точки зренья гороскопа.

Привычно в день двадцатый декабря
Делить с тобою именинный торт нам.
Мы бросили с тобою якоря
В пейзаже зимнем, русском, некомфортном,
Где снег колючий, и вороний грай,
И ветер, соответствующий жанру, —
Чтоб оживить собою этот край.
Добавить интересу, пылу, жару!
Чтоб посреди российской мерзлоты
Зажечь костер и озарить берлогу...
Так зажигать, как зажигаешь ты, —
Я не могу. И, может, слава богу.

Что говорить, любезная ЧК, —
Я не гонюсь за красотой слога:
Ты не нашла во мне ученика,
Но сходства между нами очень много.
Мы бескорыстны. Нам не нужен куш —
Мы в этом смысле истинные россы.
Мы оба, в общем, инженеры душ.
Мы оба любим задавать вопросы
(Я хитростью беру, ты — сапогом,
Но мы об этом никому не скажем).
Мы с внутренним сражаемся врагом:
Я — с совестью, а ты — со шпионажем.

Интеллигентской нету в нас гнильцы:
Нас бесит декаданс и злит упадок.
Вдобавок оба мы с тобой стрельцы
(Хоть ты стреляешь лучше на порядок).

Мне радостно, что мы в таком родстве.
Пусть у меня специфика иная —
Порою сладко думать, что в Москве
Стоит твоя избушка лубяная.
Ты не смыкаешь бдительных очей,
Просвечивая мысли и деньжищи.
Пусть сердце у меня не горячей
И мозг не холодней, но руки чище.
Ты, правда, провела своих во власть:
Твой отпрыск восемь лет баранку крутит,
А мой пока не смог туда попасть...
Но знаешь, чем в России черт не шутит!
Он выучит немецкий, вступит в брак,
Приобретет профессию вторую...
Сейчас он, правда, мстителен не так,
Но я его ещё потренирую.

Я рохля, как меня ни укоряй:
Мешает добродушие тюленья.
Но помнишь, что заметил Николай,
Когда задумал Третье отделение?
Вручая Бенкендорфу свой платок,
Он смог теоретическую базу
Подвести под исторический виток —
И выдал историческую фразу:
«Не нужно дурно думать ни о ком.
Сатрапствовать мы вовсе не хотели.
Чем больше слез отрешь ты сим платком,
Тем более моей послужишь цели».
С тех пор мундир небесно-голубой
Всегда считался символом угрозы...

Но дело-то одно у нас с тобой:
Нам дан платок! Мы осушаем слезы!
И кто же виноват, что свой платок,
Врученный для решения задачи,
Накидывать ты любишь на роток,
Я я его использую иначе?

Спецслужба дорогая, пью за нас,
За наше сходство. Выразусь короче:
Мы родились с тобою в темный час,
В холодный вечер самой долгой ночи.
Не стану проливать на нас елей,
Не развожу привычные кажденья —
Но факт, что мир становится светлей
Буквально после нашего рожденья.
В окне цветут морозные цветы,
Но день продлился — значит, лето скоро!
Кто этот свет приносит — я иль ты?
Конечно, ты. Я уступлю без спора.
Я стар, а ты всё так же молода.
Мне кажется, для моего же счастья
С тобой не надо спорить никогда,
А лучше бы и вовсе не встречаться.
Нам в день один родиться привелось
Под матовым, ущербным лунным диском, —
Но думаю, что жить нам лучше врозь,
Как типа близнецам в кино индийском.
Не говорить. Не спорить ни о чем.
Пока я не больной и не убитый,
Хочу я быть с тобою разлучен,
Как памятные с детства Зита с Гитой.

Я как-нибудь стерплю разлуки боль,
Ничем тебе по жизни не мешая...
Поздравить наконец тебя позволь.
Что мне сказать тебе? «Расти большая»?
Но ты и так, сказать не премину,
На зависть всем другим спецслужбам в мире,

16

Давно уже размером со страну,
А если с резидентами, то шире...
Какое счастье — жить в такой стране,
В такой большой, родной каменоломне...

Будь весела. Не думай обо мне —
И, если можно, адреса не помни.

Кризисная баллада

*Почему хочется повесить себя,
несчастливого, на крюк.*

Да, этот кризис как-то странен.
Тоска, под ложечкой сосет,
Сажу на льдине, как Папанин,
И жду, куда её снесет.
Страна, к депрессии приблизясь,
Шумит за стенкой, как прибор, —
А между тем такой ли кризис
Переживали мы с тобой?!
Тогда, в начале девяностых,
Равно в столицах и глуши,
Страна, в ушибах и коростах,
Жила на медные гроши:

Её с Гражданской не швыряло
В такой неслыханный провал.

Соседка должность потеряла,
Сосед носками торговал,
А мы с тобой про это в прессе
Писали, корчась от стыда.
(Тогда не ведали «рецессий»,
«Издержки» — думали тогда.)
Страна услышала впервые
Про легендарные дела:
«Старуха деньги гробовые
На свадьбу внуку отдала!».
«Студент ушел из вуза в рэкет».
«Ребенок продан за рубли»...
Какой бы Босх, какой бы Беккет
Такой набор изобрели?!
Мороз бежал по каждой жиле,
И страшно было за отцов,
И денег не было — и жили!
И был кураж в конце концов!
Кому не лень, пугали ростом
Затрат, инфляций и т.п. —
И в это время, в девяностом,
Родить приспичило тебе!
Да, нас крутило хуже бревен
В водовороте — но гляди:
Всё время кто-то был виновен.
И что-то было впереди.
Тогда от каждого удара
Мы оправлялись в пять минут:

Сначала свалят на Гайдара,
Потом Чубайса помянут...
Никто не ждал, конечно, чуда —
Что, мол, нирвану обретем, —
Но мнилось: полшага отсюда,
Ну шаг, ну два... и всё путем.

18

А как потом прижало снова?
Дефолт уставился в упор.
От девяносто, блин, восьмого
Я содрогаюсь до сих пор.
Казалось, ангелы трубили,
И мир пожаром озарен;
Кого доселе не убили,
Тот оказался разорен.
Бывало не во что одеться,
На жрачку собирали медь —
И надо ж было нам младенца
В канун дефолта заиметь!
Но так не жег вселенский холод
На предыдущем вираже.
Не знаю, может, был я молод?
Так я не молод был уже!
Уже мне было тридцать с гаком —
По русским меркам староват...
Напомню, что в событье всяком
Тогда был Ельцин виноват,
И было легче на порядок
Тянуть логическую нить —
Что я и сам, конечно, гадок,
Но можно Ельцина винить.
А впереди виднелось благо,

И жизнь казалась дорога:
Я даже думал — ну, полшага...
Ну, два шага... ну, три шага...

А нынче бенц случился снова —
И все в депрессии лежат,
Хоть всё ещё не так хреново,
Как двадцать лет тому назад.
Да и не так ещё, как десять,
Когда зеленый вырос вдруг...
Но как-то хочется повесить
Себя, несчастного, на крюк.

19

На что надеяться осталось,
На что направить Божий дар?
Легко сказать, что это старость, —
Но я не так ещё и стар.
Устал я, что ли, бедный воин
В тени потрепанных знамен?
Звонит приятель — «я уволен»,
Другой приятель — «разорен»...
В соседнем доме окна желты,
Как говорил другой поэт.
Сперва распад, потом дефолты,
Потом болото восемь лет —
И в этот миг из светлой дали
К нам донеслась благая весть,
Что рай, которого мы ждали,
Вот это именно и есть!
Как повелось на эти звуки
Всё население страны —
Что вот теперь за наши муки

Мы наконец награждены!
Но даже дружное «Не надо!»
Не спрячет правильный ответ,
Что это лучшая награда
За то, как жили двадцать лет.

Настало то, что хуже боли, —
Тупой, бездейственный покой.
И кто виной — Медведев, что ли?
Но кто он, собственно, такой?
Десятилетие второе
Опять потрачено зазря.
Валить возможно на героя,
На Бога или на царя,
И это дело нам знакомо,
Мы все им тешились порой,
Но данный менеджер «Газпрома»
Не Бог, не царь и не герой.

20

Тупик — и никуда не деться.
Повсюду черная дыра.

Исход один — завесь младенца.
Бог любит троицу. Ура!

Картина

Путин ушел по цене Ван Гога

Хочу, одно событие затронув,
Преодолеть разруху и разор:
За тридцать семь рублевых миллионов

Ушла картина Путина «Узор».

На первый взгляд цена ей — два червонца:
На зависть всем художникам иным,
Премьер рисует зимнее оконце,
Покрытое узором ледяным.
Пусть большинство подумает: «Не много ль?»
Я не согласен с этим большинством:
Пикантность в том, что темой служит Гоголь,
Фрагменты «Ночи перед Рождеством».

21

Недаром Путин, пред мольбертом стоя,
Так улыбался: мне — и то смешно.
Писали же, что это не простое,
Что это украинское окно!
И занавески — местные всецело,
С узором, как ведется искони;
И потому оно заиндевело,
Что не хотят за газ платить они!
На стеклах же, противникам на горе,
Читается заслуженная мзда:
Вглядитесь — в недвусмысленном узоре
Видна пятиконечная звезда,
Привычная, как над кремлевской башней.
В России любят быструю езду.
Не зря мороз — союзник наш всегдашний —
Вас тычет носом в красную звезду.
Напрасно Киев долгих три недели
Упорствовал: «Не сдамся, мол, не сда...»
(Меняю стиль, не то на самом деле
Я исчерпаю рифмы на «звезда»).

Едва об этом замысле прознал я,
Сначала легкомысленно заржав, —
Мне стал понятен новый вид посланья
К народам окружающим держав.
Пора менять застойную рутину —
Протесты, ноты МИДа и т.п. —
И лидеру страны вручать картину
С автографом заветным «ВВП».
Настанет экономия бюджетов,
И штаты можно будет сократить,
Тем более у Гоголя сюжетов
Должно на все события хватить.
Какие темы для программы «Вести»,
Какой для комментария простор!
Грузинам слать картинку к «Страшной мести»,
Опальным олигархам — «Ревизор»,

22

А всем послам — из Оста ли, из Веста,
От финских скал до пламенных Таврид, —
Вручать бы «Заколдованное место»,
Чтоб знали, где работать предстоит.

Но главное для нас — цена картины.
За полчаса сварганена, она
Ушла за три трехкомнатных квартиры,
И это не предельная цена.
Художникам — и Глазунову тоже —
Не удержать завистливой слезы.
(А подпись, говорят, ещё дороже:
Наверное, красивее в разы.)
Лишь живопись Ван Гога, инородца,

Так ценится на «Сотбис» иногда...
А мы боимся с кризисом бороться.
Да это же спасенье, господа!
Уж если при всеобщей дешевизне
Так продается наш Владимир-князь —
Он больше пользе принесет Отчизне
Рисуя, а не с кризисом борясь.
Ведь это покупал не шизофреник,
А человек, доросший до высот...
Да никакая нефть подобных денег
Бюджету никогда не принесет!
Допустим, экономика буксует,
Допустим, безработица кругом,
Инфляция... А Путин пусть рисует,
Не помышляя ни о чем другом!
Пускай рисует снег, мороз и солнце,
Коньки и лыжи, баб, еду, питье —
И, может, экономика спасется,
Коль он не будет думать про неё?...

Я сроду не желал России злого.
Врагов полно — я не из их числа.

23

Я думаю, что живопись Грызлова
Нам тоже бы немало принесла.
Пусть краски на холсте перетасует
По способу патрона своего...
Пускай Сурков чего-нибудь рисует —
Писал же он стихи, и ничего!
Пускай рисует, страстен и неистов,
Пока движенье «Наши» — на мели.

(Он любит, говорят, сюрреалистов?
В стране уже и так сплошной Дали...)
Избавившись от имиджа злодеев,
Пуškai с утра рисует ФСБ;
Пуškai рисуют Эрнст и Добродеев,
Впервые отпуск разрешив себе...
Пуškai рисует весь бомонд московский,
Всяк политолог, и каждый патриот,
Пуškai в Чите рисует Ходорковский
(А деньги пусть в бюджет передает) —
А также и Каспаров, и Лимонов,
Любой из них талантлив и умен:
Их живопись не стоит миллионов,
Но лучше так, чем если бьёт ОМОН.
Мы выручим на этом деле много.
Любому хватит прокормить семью.

Пуškai они рисуют, ради Бога!

А мы пока наладим жизнь свою.

24

Вечная Раша

Мелькнула весть по новостям,
Мозги расквашивая в кашу,
Что Светлаков и Галустян
Прикрыть решили «Нашу Рашу».
В иной момент такая прыть
Им жизни стоила б, героям.
Нашли момент, когда прикрыть!
Бюджет в клочки, а мы — «прикроем»?

Весь мир в надежде щурит глаз
И жадно ждет, чтоб мы прикрылись.
Мол, кризис творческий у нас...
А у кого сейчас не кризис?
Закрыть «Раши» в дни невзгод
Подобно бегству из окопа.
У нас тут кризис каждый год,
И раз в десятилетье — сильный.
Для нас депрессия — как мать,
Мы из неё выходим краше,
А если «Рашу» закрывать —
Совсем останешься без Раши!

Нет, раз впряглись — пускай творят,
Вселяя зависть в тех, в которых...
У нас повторы, говорят?
Да в них-то вся и суть, в повторах!
За это дело целый свет
Глядит на нас с привычной злобой:
У нас повторы тыщу лет,
Они и есть наш путь особый!
Всё дичь, да чудь, да волчья сыть...
Уж за повторы-то, заметим,
Проект бы стоило прикрыть
Ещё при Александре Третьем —
Но сердцу мил такой режим!
Мне предсказуемость любезна.

25

По кругу вечно мы бежим —
Но мир бежит туда, где бездна.
Такое время подошло,
Что ни налево, ни направо...

Они горюют: «Несмешно».
А что смешного? Сверхдержава!
И так уменьшились на треть,
Броня ветха, ракеты ржавы...
Кому смешно на нас смотреть,
Тот, знать, не любит сверхдержавы.
Признаем честно: целый свет,
Смотря, как мы разгульно шутим,
И так смеялся десять лет,
Пока шутить не начал Путин.
Не обижайтесь, если что.
Имперский дух ещё не умер.
Теперь мы шутим несмешно,
Но в этом, собственно, и юмор.

Но тут по русским волостям
Промчалось вроде урагана,
Что Светлаков и Галустян
Не закрывают балагана.
Канал сказал, что это бред,
А кто распространяет слухи —
Несет ему моральный вред:
Всё будет длиться в том же духе.
Тут есть какой-то парадокс.
Он, впрочем, изначально был там.
Закрыться могут «Городок»-с,
«Аншлаг», «Прожекторперисхилтон»,
Любая, в сущности, байда,
И даже «Вести», для примера...
Но «Раша» — это навсегда.
По сути, это их галера.

Так, верно, хочется властям —
Чтоб приравнять формат к оковам.
И поседевший Галустьян
С согбенным, дряхлым Светлаковым
Всю жизнь протрутся рядком,
С репертуаром сплошь знакомым,
И будут вечно длить ситком
Пред возродившимся обкомом...
Уйти бы на другой канал —
Они давно о том долдонят, —
Но как, пардон, такой сигнал
Коварным НАТО будет понят?!
Патриотическая честь,
Крутая гордость сюзерена...
Да, наша. Да, какая есть.
И это даже суверенно.
Мы отраженье видим в ней
Своих роений и борений.
И чем страшней и несмешней —
Тем это будет суверенней.

Конечно, кто у нас не жил,
Тот не поймет проблемы «Раши»,
Но этот случай обнажил
Черты заветнейшие наши.
С такой наглядностью давно
Не представляли мы без грима:
Россия — это не смешно,
И кризисно, и повторимо.
Скучны черты её лица.

Ей положить на всю планету.

Но ей реально нет конца.

Всему он есть, а Раше — нету.

27

Синоптическое

Всё это скоро кончится: зима,
Рассветы в полдень, скользота, сугробы
И вечная, сводящая с ума
Родная смесь бессилия и злобы,
И недосып, и утренняя дрожь,
И грязный транспорт — с давкой без единства, —
И пакостная мысль, что хошь не хошь,
А вытерпишь, поскольку здесь родился.
Об этом, брат, написаны тома:
В других краях меняется погода,
А здесь полгода — русская зима,
И страх перед зимой — ещё полгода.
Оглядываться в вечном мандраже,
Трястись перед пространством законным...
Но, кажется, повеяло уже
Каким-то послабленьем незаконным.
В причины углубляться не решусь,
Но ясно, в чем на улицу ни выйди,
Что у зимы закончился ресурс
Поддерживать себя в суровом виде.
Она опустошила закрома.
Уже медведю капает в берлогу...

Подчеркиваю: это всё зима
И никакой политики, ей-Богу!

Почуялся какой-то перелом.
Попутчики взглянули друг на друга,
Как будто их сейчас задел крылом
Беспечный ангел, следующий с юга.
На миг забылась уличная стынь,
И голый парк, и ледяная крупка —
Повеяло естественным, простым,
И стало ясно, как всё это хрупко:
И страх, и снег, и толстые пальто,
И снежные, и каменные бабы...

28

Циклическая жизнь имеет то
Простое преимущество хотя бы
(Тому порукой круглая земля,
Коловращеньем схожая с Россией),
Что где-то начиная с февраля
Всё делается чуть переносимей.
На всем пространстве средней полосы
Пройдет смягченье воздуха и быта:
Не будет страха высунуть носы
На улицу, что снегом перекрыта;
Коварство чуть присыпанного льда
Прохожему внушить уже не сможет,
Что это жизнь, что будет так всегда,
Что век наш скудный так и будет дожит
И что любой, кто колет этот лед,
Пространство отвоевывая с бою, —
Проплаченный, ничтожный идиот,
Рискующий другими и собою.

Удастся всеми легкими вздохнуть,
От свитера освободивши тело...
Нет, я не о политике, отнюдь.
Политика давно мне надоела.
Что проку — добавлять ещё мазок
В картину обоюдного позора?
Могу я о природе хоть разок?
Тем более что скоро, скоро, скоро...

Конечно, как весну ни приукрась,
Она грозна и несводима к негам.
Я знаю сам, что это будет грязь.
Что всё дерьмо, которое под снегом,
Запахнет так, что мама не горюй;
Что птичий гвалт не услаждает слуха;
Что кроме первых трав и вешних струй
На свете есть и слякоть, и разруха;
Что чуть поддастся снег, а хрусткий наст
Покроется незримой сетью трещин —

29

Как первая же оттепель предаст
Высокий строй, который ей завещан.
Я слыхивал весенний первый гром.
Я знаю — всем отплатится по вере:
Ведь зло не побеждается добром,
А худшим злом (у нас по крайней мере).
Но эта влажность! Эта череда словес
О доброй сладкой вольности гражданства!
Кто раз вдохнул апреля, господа,
Тот всё-таки уже не зря рождался.
Мне тоже ведом этот дух свиной,
Навозный дух весенней черной жижи —

Но всё-таки! Но хоть такой ценой!
И это время ближе, ближе, ближе...

Я менее всего хочу прослыть
Фельетонистом, тянущим резину,
И как мне вам, упрямым, объяснить,
Что это не про власти, а про зиму?
Браниться я не стал бы и в бреду —
Мы как-никак не в Северной Корее...

А то, что вы имеете в виду,
Закончится значительно скорее.

30

Злорадное

Я третий день хожу как именинник,
Ликую, как последний сукин сын —
Как будто я просил сушеный финик,
А мне вручили сочный апельсин;
Как будто получил внезапных денег
С запиской от начальства: «Не грусти!»;
Как будто шоу «Честный понедельник»
Доверили Сорокиной вести!
Как будто два десятка одалисок
Летят со мной кутить на океан...
Всего-то дел — опубликован список
Десятка богатейших россиян.

Рассеялся меня томивший морок,
Скукожились зеленые рубли:
Миллиардеров раньше было сорок,

А нынче еле десять наскребли!
Мне даже стало жаль миллиардеров.
Кто часто разорялся — те поймут.
Почти восьми лишился Алекперов,
Совсем ушел из рейтинга Мамут...
Я с января уже слежу с опаской,
Услышав кулуарную молву,
За страшно обедневшим Дерипаской,
Но он пока остался на плаву.
А мог бы повторить судьбу Мавроди...
Керимов обнулился — жаль смотреть!
Боюсь за Абрамовича, но вроде
Он похудел пока всего на треть.
Всё в топе, как шутил сатирик Ардов.
Где стол был яств — разлегся общий труп.
Усманов сбросил десять миллиардов,
Пятнадцать — Фридман (лидер Альфа-

Групп).

31

Урезан Лисин. Рыболовлев ранен.
Существенно прижало их, чертей!
Особо секвестирован Потанин:
Он трех недосчитался четвертей.

Да, Родина! Дела твои угрюмы,
Но люмпены и в кризис на коне,
И счастлив я, как будто эти суммы
Не погорели, а достались мне.
Бывало, экономику обвалишь —
И как-то легче дышится опять.

Нам справедливость ведома одна лишь:
Не нам раздать, так хоть у них отнять.
Мы пляшем, как еврей при виде голя,
Промокшего до нитки под дождем.
Нам греет душу вид чужого горя,
Поскольку счастья мы уже не ждем.
Вот, помню, Ходорковского судили —
И полстраны, забыв про нищету,
Плясали, будто их освободили,
А не его отправили в Читку.
И я дошел до радостного воя,
На форбсовских взирая молодцов, —
Как будто не они худеют вдвое,
А я разбогател в конце концов!
Да, пусть простых попробуют сосисок
Те, кто жевали устриц до поры.
Как вовремя, ей-Богу, этот список!
Не то б уже взялись за топоры,
Поскольку мы уже не видим жизни-с,
В буквальном смысле стоя на краю...
Но глядя, как худеет крупный бизнес, —
Мы стерпим деградацию свою.

А тут недавно, вертикаль настроив,
Российский вождь наделал громких дел:

32

Уволены Потапенко и Строев,
И Кузнецов с Воронежа слетел.
И так доволен я, и так приколен
Мне этот шаг, загадочный, как сон, —
Как будто бы не кто другой уволен,

А я в каком-то смысле вознесен!
Казалось бы: да мало ли героев?
Российская политика мертва:
Подумаешь, с утра уволен Строев,
А вечером назначен Строев-два...
Но радостно, ей-Богу, как когда-то,
Когда монарха кляли стар и млад —
Без всякого, заметим, результата...
Но что у нас имеет результат?

Родная власть! За это озаренье
Ты можешь мне прислать медаль на грудь:
Устраивай почаще разоренья
Для тех, кто здесь имеет что-нибудь!
Преподноси заводы им на блюде,
Приказывай не думать ни о ком,
Сперва давай как следует раздуться —
А после грохай твердым кулаком!
Иному губернатору, пожалуй,
На десять — двадцать лет вручай штурвал,
Чтоб от его фигуры обветшалай
Народ уже тихонечко блевал, —
А после сбрось! Кремлевские авгуры
Твоё решенье долго будут грызть,
И крах его внушительной фигуры
Заменит нам осмысленную жисть.
Мы головами радостно покрутим,
Похлопаем друг друга по плечу...
На крайний случай есть в резерве... Боже!

Нет, никогда. Молчу, молчу, молчу.

Рассасывающий

Собираюсь мучительно с духом,
Не могу уложить в голове:
Анатолий Кашпировский, по слухам,
Возвращается на НТВ.

Неподкупного этого взгляда,
Что, бывало, пронзал как стилет
Иль, напротив, ласкал, если надо,
Я не видел четырнадцать лет.
Так глядят исподлобья бараны,
Чьи кровавые зенки страшны...
Он не только залечивал раны —
Он глазами рассасывал швы!
Так и ввел эту новую моду,
Покоряя останкинский зал, —
И Чумак, заряжающий воду,
С ним сравниться уже не дерзал.
Так, я помню, и в письмах писалось —
Их к нему приходил миллион:
Как и что у кого рассосалось,
Аккуратно зачитывал он.
Инвалиды, сидевшие дома,
Потирали больные места:
У одной рассосалась миома,
У другой рассосалась киста.
Издевались ученые колко,
Но в испуге замолкли потом:
Кашпировская черная челка
С горбачевским сравнялась пятном.

Начинания были неплохи,
А последствия очень горьки,
Но ведь всё это знаки эпохи,
Как варенка, Мавроди, ларьки.
Непокорное время кусалось,
Начинался крутой передел.

34

О, как много всего рассосалось!
Слишком часто он, видно, глядел.
Шло последнее действие драмы.
Почему, объяснить не берусь —
От его ежедневной программы
Рассосался Советский Союз.
Телезрители были не рады,
Что расцвел Кашпировского дар:
Рассосались советские вклады
И обрушивший вклады Гайдар...
Кровь лилась, континент сотрясался,
Потянулась такая байда,
Что и сам Анатоль рассосался,
И пропал неизвестно куда.
На какой упоительный берег
Ты приплыл, гениальный изгой?
Был как будто в одной из Америк,
Через год объявился в другой...
Но не помнила об Анатоле
Покоренная им же страна.
Да и сам посуди, до того ли,
Если так рассосалась она.
Не осталось ни мяса, ни сала,
Оборонка — и та уплыла.
Лет за восемь нас так засосало,

Что торчали одни купола.

Всю страну соблазнил лжемессия.
Ничего нам помочь не могло.
Без стыда рассосалась Россия:
Кто нефтянку сосал, кто бабло.
Супостаты в затылках чесали,
От испуга белее белил:
Все в стране непрерывно сосали,
Даже те, кто при этом рулил.
Производство стояло на месте,
Энтропия брала города.

35

Рассосалось понятие о чести,
Ум, свобода, остатки стыда.
Брак, культура, поэзия, проза —
Всё, что было ещё на Руси.
И никто не придумал наркоза,
Чтобы крикнуть: «Уймись, не соси!»
Потому, с неуклонностью близясь,
Над страной послышался SOS,
Для приличия названный «кризис»,
Чтоб прервать коллективный засос.

И тогда, на последнем развале,
После всех переделок и драк,
Кашпировского снова призвали:
Без него оказалось никак.
Налетела такая зараза —
Пострашнее, чем швы и лишай:
Ты при помощи третьего глаза
Хоть какой позитив повнушай!

Ты лечить и морочить любил нас —
И теперь по велению элит
Повнушай, что продлится стабильность,
Что в дуэте царит монолит,
Что стоит незакатное солнце,
Что не нужно бояться химер...
Может быть, как-нибудь рассосется?
Ты же это когда-то умел!
Помоги: без волшебного слова
Мы лишимся последних портов.
А для съёмок Лолита готова
И Пореченков даже готов.

И, прищур устремляя шпионский
На последствия собственных дел,
Вновь с экрана глядит Кашпировский,
Как ещё в перестройку глядел.

36

Он глядит, презирая усталость,
Из-под шапки упрямых волос.

Знать, судьба, чтобы всё рассосалось,
Унеслось и с нуля началось.

Мамо, не горюй!

Напрасно «Евровиденье» бранил
Иной патриотический чудила —
А мне такой расклад, признаться, мил.
Я счастлив, что Приходько победила.
Теперь, считай, награда в рюкзаке,

К негодованью иноземных змиев, —
А что на украинском языке,
Так он же наш. Как, собственно, и Киев.
Мы — тот Союз, который всем грозил.
Имперские мы покоряем выси.
И композитор, собственно, грузин,
И тоже наш — как, впрочем, и Тбилиси.
Явив Европе синтез трех начал,
Мы поступили вдумчиво и тонко —
Там только текст немного подкачал,
Не зря его придумала эстонка.
Сегодня он повсюду на виду —
Подсуетился кто-то расторопный;
Я с мовы вам его переведу,
На ямб перелагая пятистопный.
«Ой, мамо, мамо! Вот мой злейший враг,
Рассевшийся в душе моей навеки.
Меня лишил он всех утех и благ,
Низвел меня до статуса калеки,

37

Он вытоптал меня, как сапогом,
И уподобил выжженному полю.
Златым кольцом я скована с врагом.
Мою он долю выпустить на волю
Не хочет, нет. Не в радость мне еда,
Не лечат ни гештальт, ни психодрама:
Теперь я знаю, что любовь — беда.
Моя судьба поломана. Ой, мама!
Я похудела, столько претерпев.
Судьбину поломали, как травину.
Любовь — беда» (опять пошел припев).

Я где-то понимаю Украину,
Которой этих жалоб череда
Недаром показалась слишком хмурой.
Теперь их представляет Лобода —
Виагровская девушка с фигурой.
Ведь это «Евровиденье», увы, —
Сплошная европейская витрина,
Там надо показать, что Украина
Упрямо не склоняет головы,
И Лобода для зрителей Москвы
Споет про День святого Валентина.

Приходько может души потрясать
Своим фольклорным басовым надрывом,
Но всё же надо текст переписать
И сделать, что ли, более счастливым.
Он, может, для Москвы сойдет и так,
Но там же вся Европа зубы скалит...
Поется там, что есть какой-то враг,
Который нас на волю не пускает.
Прошу прощенья, это как понять?
Мне кажется, что здесь намек на власти;
Момент, сейчас я буду сочинять
Нормальный, суверенный текст для Насти.
«Есть у меня надежный, верный друг,
Я от любви к нему ночами вою.

38

Он нашу волю отнял как-то вдруг
И поместил в уютную неволю.
Что воля, что неволя — всё одно.
Была бы я строптива и упряма —
Уже давно увидела бы дно,

А так я свет увидела. Ой, мама!
Он приковал меня златым кольцом,
Я кризиса не чувствую нимало,
Я округлилась станом и лицом,
Мои мозги скукожились. Ой, мама!
Идет по телевизору одна
Годами неизменная программа;
Поют попы, как будто у одра,
Но это всё от радости. Ой, мама!
Мы замирили буйную Чечню,
Мы разогнали воинов ислама,
История закончилась вничью,
Настало что-то новое. Ой, мама!
Все говорят, что будет нищета —
Ни копий, ни щита, еды ни грамма, —
Но я не верю, я пока сыта,
А дальше мы уж как-нибудь. Ой, мама!
Враги, конечно, ропщут, как всегда,
Но мы тверды, Отчизну карауля.
Иные говорят: «Любовь — беда».
Так это ведь смотря к кому, мамуля!».

С такую песней «Мамо, не горюй!»
Хоть сам на «Евровиденье» поеду.
Все конкурсанты там получают «пфуй!»,
А мы получим верную победу.
Россия вновь воспрянет, победив,
И сможет оглядеться горделиво.

А что надрыв — не страшно. Пусть надрыв.
Какая же лояльность без надрыва?

Ты понимаешь нас, Ражуелина?

Меня томит судьба Мадагаскара.
Полиция расстроила ряды.
Мне страшно от кровавого оскала
Быстыдно разгулявшейся орды.
ООН бесславно губы поджимала,
Пока, под крики ярости слепой,
Законный лидер Равалуманана
Сражался с разъяренной толпой.
Не перечить подробностей ужасных. Польстившись на
зеленые лавэ,
Там буйствовала кучка несогласных
С Андре Ражуелиной во главе.
Естественно, смутьянам там — малина:
ОМОНа нету, в головах туман...
Я сразу понял, что Ражуелина
Обрушит всё, что Равалуманан
С соратниками создавал годами.
Он верный путь к спасенью отыскал.
Он четким курсом, стройными рядами
К стабильности повел Мадагаскар;
Он нищету уменьшил вполовину,
Он подобрал послушный кабинет, —
Но было видно, что Ражуелину
Всё это не устраивало. Нет!
Разнузданный корсар с серьгой в ухе,
Он тьму головорезов приласкал,
Он заскучал, он захотел движухи,
Он к хаосу ведет Мадагаскар!
Народ доволен, сыт — ему всё мало.

Он, видимо, грустит по старине.
Он обвиняет Равалуманана,
Что нету демократии в стране.
Ему судьба народная близка ли?
Мулата не отмоешь добела:

40

Где видел он, чтоб на Мадагаскаре
Когда-то демократия была?!
Цветет мадагаскарская долина,
В ней поспевают финик и банан —
Однако им не рад Ражуелина.
Он говорит, что Равалуманан,
Чьи преобразования в разгаре, —
Устроил натуральный произвол,
Коррупцию развел в Мадагаскаре!
Когда её там не было, козел?!
Ты посмотрел бы, что в сухом остатке:
В столице дым, в провинциях разброд...
Уж лучше процветание и взятки,
Чем нищета и видимость свобод!
Теперь в Мадагаскаре полный финиш.
Разнузданно ликует пироман.
Вот так всегда, когда всерьез не примешь
Борцов с режимом, Равалуманан.
Давно уже известно из анналов:
Не стоит церемониться с врагом.
Сперва бунтуют десять маргиналов —
А после р-р-аз, и буйствует кругом
Подобная весеннему разливу,
Сносящая и честных, и блатных,
Калечащая Антананариву

«Цветная революция» цветных...

Покуда Русь ликует, строит, кроет,
Ведет сквозь кризис строй народных масс —
Мадагаскар нас так же беспокоит,
Как прежде беспокоил Гондурас.
Пора спасать народ Мадагаскара,
Не дожидаясь высшего суда.
Послать туда российского фискала,
Российскую милицию туда!
У нас бы никакой Ражуелиена
Не вылезал из водометных струй.

41

У нас ему сказали бы: иди на —
Окраину, и там помитингуй!
У нас бы, посягнув на статус царский
И дерзко спровоцировав аврал,
Каспаров этот, блин, мадагаскарский
Давно бы в зоне в шахматы играл.
Попавши в климат пасмурный московский, Уверен я, за
первых пять минут
Мадагаскарский этот Ходорковский
Уже забыл бы, как его зовут.
Задолго бы до бурного финала —
Когда столица мечется в дыму —
От нашего бы Равалуманана
Послали б метку черную ему.
Дивимся мы неслыханному диву —
Как допустили, кто позволил, блин?!
Зато уж в нашей Антананариву
Не будет никаких Ражуелин.
Мы не допустим выборов и бунта.

Мы доведем до самого конца,
Чтоб им накрылись власть, министры, хунта, Народ и
обитатели дворца.
Мы так и сгинем — вместе, заедино,
Но ничего не будем тут менять!

Ты понимаешь нас, Ражуелина?

Не понял, гад? Да где тебе понять...

42

Мне хочется избратъся в мэры Сочи

*«Я вышел и умом, и животом, и возрастом,
и наглостью — короче, подходит всё»*

Д. Быков

Как в анекдоте том, который тесно связан
с прошлым веком,

Но до сих пор уместен и нелжив:
«Алло, ЦК! Желаю быть генсеком!»
— «Вы что, больны?» — «О да, и еле жив!»
Пускай моя известность местечкова,
Зато напор — на сотни киловатт.
Я не могу плясать, как Волочкова,
Но тоже, говорят, тяжеловат.
Как Лебедев, разведкою пригретой
И славою обласканный сполна,
Я тоже связан с «Новой газетой»
(Хотя он платит ей, а мне — она).
Как Б. Немцов, я очень разнопланов
И крут по части мощи боевой,

Не менее забавен, чем Богданов,
И обожаю чай, как Луговой
(Хотя при этом в скобках замечаю,
Чтоб успокоить Англию слегка, —
Из множества со мной попивших чаю
Никто не умирал ещё пока).
Хотя я враг горкомов и обкомов,
Но я не чужд лояльности Кремлю,
И я люблю Россию, как Пахомов, —
Единую, единую люблю!
Да, я готов амбиции припрятать,
Вести южан на штурм любых преград.
К тому ж меня, как прочих кандидатов,
Не любит Суверенный Демократ,

43

Хотя по мне — он всех милей и краше.
Вдобавок, между нами говоря,
В душе уверен я, что секта «Наши»
Готова мне отлить нашатыря.
Гожусь по всем параметрам, короче.
Запасся барабаном и трубой.
Признаемся себе, что мэрм Сочи
У нас сегодня может быть любой,
Коль он не до конца ещё задавлен,
Уверен кое-как в себе самом
И чем-нибудь умеренно прославлен:
Полонием, иль танцем, иль умом.
Давно уже известно из анналов:
Российский быт устроен по уму,
Мы нация непрофессионалов
И выживаем только потому.

Ведет эфиры бывшая путанка,
От гордости раздувшись, как паук;
Работает бомбилкой клерк из банка,
Ремонтом занят кандидат наук,
На льду артисты прыгают нередко,
Пиарщик философией рулит,
А государством — внешняя разведка,
Пока остатки свергнутых элит,
Безропотны, хотя ещё не стары,
Нашлепнув на уста себе печать,
Тачают за границей мемуары,
Чтоб только рукавицы не тачать.
Я думаю, подобные примеры,
Понятные и пьяному ежу,
Всех убеждают: в сочинские мэры
Я даже лучше прочих подхожу.
И если бы, упорно факты роя,
Стахановец эфирного труда
А. Хреков обо мне бы снял «Героя», —
Он тоже не прошел бы никуда.

44

А правда, что бы стал я делать в Сочи,
Когда бы стал на самом деле мэром?
Да мне не хватит дня и даже ночи,
Чтоб изложить готовый комплекс мер
Подобно храбрецу Алкивиаду,
Я усмирил бы местное жулье;
Не отменил бы я Олимпиаду,
Но лишь осовременил бы её.
Я игры бы провел такого сорта,
Каких другим не выдумать в бреду:

Я русские, родные виды спорта
В программу олимпийскую введу.
Представьте, как по трассам обветшалым,
Лавируя меж боссом и Кремлем,
Несется Кудрин: чем не русский слалом?
Причем Стабфонд, естественно, при нем,
А олигархи, правящие классы
И те, кто им по статусу близки,
Построились вдоль олимпийской трассы
И отрывают жирные куски.
Вот тоже спорт, что выглядит опасным:
На лыжах покоряя горный склон,
Охотится ОМОН за несогласным,
И это будет русский биатлон.
А несогласный, этакий иуда,
Затеявший всю эту кутерьму,
Выкрикивает лозунги, покуда
Спортсмены попадают по нему.
А вот и главный спорт, в сравненье с коим
Все остальные выглядят кислей:
Весь средний класс с горы несется строем,
И это называется бобслей.
Работодатель с выкриком «Иди ты!»
Пинает их под рудимент хвоста —
И вслед за ними вниз летят кредиты,
Надежды и рабочие места.

45

Вам нравятся такие испытанья?
Ведь мой проект ничуть не нарочит!
Вот пресса — вид фигурного катанья —
Скользит по тонкой кромке и молчит...

И, наконец, соперников проредив,
Назло любому внешнему врагу —
Ведут команды «Путин» и «Медведев»
Борьбу нанайских мальчиков в снегу.
Уверен, на такой Олимпиаде
Не будет провокаций и атак.
Меня назначьте мэром, Бога ради!

А Сочи пропадать и так, и так.

No escapan (Они не уйдут (исп.))

Единственный сколько-то ясный итог
Скандалов на почве кино,
Которые вышли на новый виток,
Хоть всё обнажилось давно:
Всех этих собраний, «приду-не приду»,
Ещё в декабре-январе,
Всех этих тусовок в Охотном Ряду,
Точнее в Гостином Дворе,
Всех этих потешных покуда боев
И драк в исполнении звезд,
Борцов, стукачей, стариков, холуев, —
Суров и достаточно прост.

46

Припомним шумиху последних недель,
И ложь, и визгливую лесть:
Пред нами наглядная, в общем, модель
Отечества как оно есть.
Гордясь до истерики, выпятив грудь,
Искусно себя разозлив,

Оно триумфально вступило на путь,
В финале которого взрыв.
Ещё далеко неизбежное дно,
Не сдался последний редут,
Не пахнет разрухой, но ясно одно:
Что сами они не уйдут.

Свой лоб расшибать, как об стенку баран, —
Наш метод с начала времен.
Был лозунг в Испании — No pasaran!
Теперь он слегка изменен.
В России в избытке имеется газ,
О нём голова не болит,
Но не было, нет и не будет у нас
Ротации местных элит.
Вот так и вертелось у нас колесо
Последних веков десяти:

Начальники могут практически всё,
Однако не могут уйти.
Диктатор, пока он во власти сидел
(Гарантии тут не спасут),
Наделал таких сверхъестественных дел,
Что если уйдет, то под суд;
На троне сменивший его либерал,
Которому жизнь дорога,
Такого наделал и столько набрал,
Что если уйти — то в бега;
Вояка, пришедший на смену ему,
Являлся таким смельчаком,

Что если уйдет — то уже не в тюрьму,
А просто в петлю прямым.
А ежели после годов тридцати,
Не внемля чужим голосам,
Он всё же однажды захочет уйти,
Поскольку устанет и сам,
Уйти без оглядки, не важно куда,
Свободно, как дикий нарвал, —
Его никуда не отпустит орда,
Которую он же набрал.
Они окружат его плотным кольцом,
Как самая липкая слизь,
И будут кричать перед царским крыльцом: «Родимый,
казни, но вернись!»

Воистину глуп, кто смущает умы
Мечтою о смене простой.
Они доведут до войны, до чумы,
До сладкого слова «застой»,
До скуки, что тянется дольше веков,
До бури, что выбьет окно,
До дна, до террора, до большевиков,
До смуты, до батьки Махно,
Они доведут, наконец, до того,
Что туже сожмется кольцо,

Что взрослые все и детей большинство
Им будут смеяться в лицо,
Их будет в анналы вносить Геродот,
Атаку задумает Брут,
Они попадут в саркофаг, в анекдот,
В пословицу — но не уйдут.

Они водрузят искупительный крест,
Безжалостно выморив нас;
Они проведут разделительный съезд,
Свезя представителей масс,

48

Они призовут благодарную рать,
Являя нежданную прыть,
Наймут матерей, чтобы громче рыдать,
И нищих, чтобы жалобней ныть,
Псарей, чтобы громче кричать «Загрызу!»,
Попов, чтоб явить чистоту, —
И взвоют, и вовремя пустят слезу,
И вовремя крикнут «Ату!»,
И вновь, на посмешище прочих сторон,
Пошлют нас на бой и на труд,
И задом вгрызутся в завещанный трон,
И кончатся. Но не уйдут.

Тут сломит башку аналитик любой,
Очкастый знаток теорем.
Так воин врага забирает с собой,
Так с шахом сжигают гарем —
Для них унизителен выход иной,
Он просто немислим, верней.
Они согласятся уйти со страной,
Со всеми, кто мается в ней, —
Они приберут стариков, дошколят,
Горланов и преданных звезд,
Но лишь уничтоживши то, чем рулят,
Покинут насиженный пост.
Отчизна очнется на том рубеже,

Где вновь продолжается бой.

Мы можем их скинуть, так было уже, —
Но, кажется, вместе с собой.
А нам остается утешиться тем
(Другой компенсации нет),
Что в случае гибели сложных систем
Широкий останется след,
Что будет потомков презрительный смех
И высший предсказанный суд,
От коего, при ухищрениях всех,
Они уж никак не уйдут.

Чрезвычайщик

Одно мечтанье роковое
Волнует кровь мою давно —
И тут я понял, отчего я
Мечтаю с детства о кино:
Не потому, что киномуза
Мне исключительно близка,
А ради гордого союза
С названьем доблестным СК*.
Мое перо его прославит.
И если, честно говоря,
Его начальник нагло правит
В манере батюшки-царя —
Союз, не чувствуя колдобин
И не боясь ничьих финтов,
Переизбрать его способен
И обновить себя готов.
Пусть переизбранный начальник,
Творец с широкою душой,

За всё Отечество печальник
И друг нацлидера большой,
Кем долгий срок в искусстве прожит
(Считай, с неполных двадцати) —
Кричит в ответ, что он не может
Вот так, поруганным, уйти;
Пускай суров, как ангел падший,
Он продолжает твердо гнуть,
Что он уйдет как оплевавший,
А как оплеванный — отнюдь;
Пусть новый съезд созвать решает
И обещает страшно мстить —
Всё это вряд ли помешает
Его, болезного, сместить.
А если вдруг и помешает —
Ведь власть российская жестка, —

50

Всё это только повышает
Сопротивляемость СК.
Вот в том-то, граждане, и дело.
Раз порешило большинство,
Что при царизме надоело, —
Они и сдвинули его.
В параличе общенародном,
В стране, уснувшей, как треска,
Одна возможность быть свободным:
Снимать кино и быть в СК.

* *Союз кинематографистов.*

Приходь-ка!

На Евровиденье Приходько
Попала доблестно в финал.
Её враги кричат: «Погодь-ка!»,
А я победы ей желал.
Двадцатилетняя дивчина
Споет, кружась на сквозняке,
Балладу русского грузина
На украинском языке.

51

Пускай ругается Пригожин
И вся его большая team*,
Но мы по-русски петь не можем,
А по-английски не хотим.
Пускай ярятся киевляне
Среди своих бесплодных драк:
Они ей счета предъявляли,
А нам сгодилая и так!

Теперь Юща, Майдан и Раду
Представит Света Лобода.
Я услышал её балладу —
И это, в общем, лабуда.
Пускай себе поют грузины
(Коварен мстительный Восток!)
Свой хит, тягучее резины,
Со словом «Путин» между строк.
А мы собрали воедино
Культуры доблестной послов:
У нас Батум, и Украина,

И плюс эстонка — автор слов.
Виват, Приходько, наша муза!
Ты воплощаешь, заблистав,
Всю мощь Советского Союза —
И жаль, не весь его состав.
Тебе бы надо непременно,
Чтоб песня стала хороша,
На подтанцовку взять туркмена,
А на подпевку латыша,
Позвать дизайнера-казаха
И молдаванский «Флуераш».
Плюс белорусская рубаха —
И плюс «калаш». Который наш.

* *Команда (англ.)*.

Решительные мэры

Из Украины важная подробность:
Устав от хора вражьих голосов,
Чтоб доказать свою дееспособность,
Мэр Киева разделся до трусов.
Он показался публике в спортзале,
На беговой дорожке, на волне —
И те, кому всё это показали,
Поверили, что он ещё вполне.

Пора ценить подобные примеры.
У нас порядок, в Киеве бардак,
И наши избалованные мэры

Давненько не выделявались так.
Как ни старайся, сколько ни рисуйся,
Чего ни вякни прессе во хмелю —
Здесь побеждают лишь за счет ресурса,
Безликости и верности Кремлю.

Царит веселье на днепровском берегу —
Азарт непрекращаемой игры...
Ах, если б нам увидеть их забеги,
Их бицепсов железные бугры!
Не надо тут искать иной причины,
Помимо ностальгии по борьбе.
Мне неприятны голые мужчины,
Я равнодушен к ним, да и к себе,
Но чем-то мне любезен Черновецкий,
Который смог в решительный момент
Соратникам явить довольно веский,
Обтянутый трусами аргумент.
А шутики! А уменье жечь глаголом!
А всяческих приколов миллион!
У нас лишь Путин снялся полуголым,
Да и шутить настроен только он.

53

У нас давно исчезли все химеры,
Но бодрый дух испытанных бойцов
Вернется, если в сочинские мэры
Пробьется оживившийся Немцов.
Мы все воспрянем с ним, даю вам слово, —
Он яркое, живое существо.
В одежде шансы есть у Лугового,
Но без одежды — только у него!

Второй том

Откушав чай, Господь с утра
Осведомляется о Гоголе:
«Где том второй? Давно пора.
Он пишет двести лет, не много ли?
Читал я «Нос», читал я «Мечь»,
И я желаю просмотреть его,
Вдобавок хочется прочесть
Хотя бы пару глав из третьего».

Меж тем творец сидит в раю,
Где вместе с ним коллеги прочие,
Всё ту же рукопись свою
В камине кочергой ворочая.
«Кончать поэму не берусь.
В стране всё те же повторения» —
То взглянет с облака на Русь,
То снова жжет свое творение.

54

— Когда ж?! — Когда-нибудь потом.
Мне и при жизни все заметили,
Чтоб я добавил в этот том
Хотя б немного добродетели:
Расправу правды со скотом,
Победу умника над неучем...
Но сочинять подобный том
Мне всё ещё, признаться, не о чем.

— Ты выраженья выбирай! —

Кричит Господь на это классику.
— Ведь я тебя отправил в рай,
Устроил домик, сад и пасеку,
И фрукты, чтобы витамин,
И чай, и всяческое печево!
А ты кидаешь всё в камин,
И мне читать сегодня нечего!

— Да, — отвечает Николай
Васильич, длинным носом шмыгая.
— Да, ты меня отправил в рай,
Чтоб дописал скорее книгу я.
Да, у меня в избытке груш,
Блинов, галушек целый воз, поди...
Но там, помимо мертвых душ,
Нет ни одной души, о Господи!

Как пригляжусь к родным местам —
Всё те же рыла, делать нечего.
Ты измени хоть что-то там —
И всё напишется до вечера!
Все просят: я, Толстой и Блок.
У всех терпение кончается...

— Нет, не могу, — вздыхает Бог.
— Две тыщи лет не получается.

Бестселлерное

Сенсация на книжном рынке, блин:
Тут встретились надясь Барак и Уго,

Крепыш-мулат и смуглый исполин,
И по плечам похлопали друг друга.
Венесуэлы гордый старожил,
Её народ отстаивая рьяно,
Обаме в руку Чавес положил
Творенья Эдуардо Галеано.
За сутки автор скромного труда
Стал знаменитей, чем Агата Кристи.
И те, кто не слышали никогда
О пылком уругвайском журналисте,
Кто сроду не читал его статей,
Без всякого особого резона
Теперь несутся с пылкостью детей
На сайты «Амазона» и «Озона»
И яростно спешат приобрести
Эссе, которых лично я не вынес, —
О том, как Штаты, Господи прости,
Неутолимо грабили латинос.
Нормально, Чавес! К ногтю их, ловчил!
Явись к тебе Ольмерт во время оно,
Я думаю, ему бы ты вручил
Историю о мудрецах Сиона.

Но главное — воздвигнулся кумир.
Ведь вкус у массы гибок, как лиана.
Шестые сутки весь крещеный мир
Читает Эдуардо Галеано:
Испанец, русский, чукча, киприот,
Еврейка, итальянка, украинка...
Открывшийся маркетинговый ход
Меняет махом всю структуру рынка:

Повсюду — от Сиднея до Курил —
Прочтут ваш опус, шевеля губами,
Лишь сделайте, чтоб Чавес подарил
Его во время саммита Обаме.
Его весь мир раскупит в тот же час,
Властительскому вкусу потакая.
Коллеги! Я не знаю, как у вас,
А у меня возможность есть такая.
Вот книга, например, моих баллад:
Забвение не будет угрожать ей.
Доказано: от тех, что всем рулят
Нас отделяют пять рукопожатий.
Муратов вообще редактор мой:
Хотя он с виду несколько растяпист,
Но ходит к президенту, как домой,
И долго с ним беседует под запись.
(Переворот в стране: ей-ей, не вру!
Под это дело спасся и Гонтмахер:
Он как бы снова призван ко двору,
А думали уже, что послан в рифму.)
Берет Муратов мой, допустим, том
И говорит, с Медведевым встречаясь:
Пожалуйста, когда-нибудь потом...
Когда на огонек заглянет Чавес...
Наш автор хоть и молод, да удал,
И не оттянет Чавесу кармана.
Скажите, чтоб Обаме передал!
Ей-Богу, это лучше Галеано!
Потом венесуэльский патриот
Барака ловит где-нибудь в Европе,

Мои стихи ему передает —
И тут же я оказываюсь в топе.
Снимают фильм, печатают плакат,
Работает рекламная машина,
А коль Обаме хочется откат
(У них же кризис) — это разрешимо.

57

И вообще — какой открылся путь,
Вульгарные бестселлеры раздвинув,
Нормальную словесность протолкнуть
В унылый рейтинг книжных магазинов!
В эпоху самиздатских муз и лир
Шутил учитель наш, Андрей Степаныч:
Чтоб школьник прочитал «Войну и мир» —
Давать её в машинописи на ночь.
Накрылся самиздат, но в наши дни,
Похоже, нужен метод тот же самый:
Чтоб прочитали классику они —
Прогнать её сквозь Чавеса с Обамой!
Тогда прочтут и школьник, и студент
Всё то, на чем положено учиться
(Нефть подрастет — и русский президент
К их начинанию сможет подключиться).
Мне это крайне важно самому,
А то уже невежды задолбали...
«Войну и мир», «Обломова», «Муму»
Пуускай вручают пачками Обаме.
Реклама, так сказать, из первых уст,
Торжественная акция «Бестселлер»:
Ведь есть ещё Тургенев, Кафка, Пруст,
Капоте, Фолкнер, Мейлер, Хеллер, Веллер!

Кто не следит за модой — тот дурак.
Спасем, ребята, книжную торговлю!
Встречайтесь чаще, Уго и Барак.

А я покуда список подготовлю.

58

Дмитрий и Гарри

*Сцена изображает зал приемов
Букингемского дворца. Главы
«Большой двадцатки» обедают
со звездами культуры и шоубизнеса.*

МЕДВЕДЕВ (*склоняясь к Роулинг*):
Джоан, я вас читал и всё такое.
Я даже в интервью упоминал.
Одна деталь мне не дает покоя:
Финал, вы понимаете...

РОУЛИНГ (*недоумно*):
Финал?

МЕДВЕДЕВ:
Ну, типа да. Он всё же очень гадок.
Припомните последний ваш роман:
При Волдеморте всё же был порядок.
Он всё же государственный, Джоан!
Хотя свобода лучше несвободы,
При ней вокруг немало гнусных морд.
Ведь надо же в узде держать народы?
И это может только Волдеморт!

Чтоб люди это лучше понимали,
Чтоб это стало общее must read*,
Давайте вы напишете в финале,
Что Волдеморт герою говорит:
Мол, Гарри, ты решил свою задачу,
Потратил много нервов и труда,
И я тебя преемником назначу...

РОУЛИНГ (*недоумённо*):
Преемником?!

59

МЕДВЕДЕВ:

Ну да!

Все говорят, что я ужасный демон,
Но власть — такое бремя! Кровь и пот...
Короче, мы должны рулить тандемом...

РОУЛИНГ (*недоумённо*):
Тандемом?

МЕДВЕДЕВ (*воодушевлённо*):

Да! По кличке Волдепот!

Подумай, вариант какой удобный:

Не будет революции в стране,

Я буду злой, ты будешь как бы добрый,

И всё у нас пойдет, как шло при мне!

Прислушавшись к такому монологу,

Ваш Гарри доказал бы ум и стать...

Гораздо лучше выглядит, ей-богу!

РОУЛИНГ (*потрясённо*):

Подумаю...

МЕДВЕДЕВ (*удовлетворённо*):
Куда вам чек прислать?

* *Обязательное чтение (англ.)*.

60

Доставший Воронин*

На главной площади Молдовы
Бушует нервная толпа,
Чьи настроения бредовы,
А ярость, кажется, слепа.

Толпа кричит: «Уйди, Воронин!
Иначе будешь похоронен».
«Ты надоел, — кричат студенты.
— Уйди и мозга нам не парь!»

«И партия, которой член ты,
Пускай уйдет, — кричит Морарь.
— Твое правление, Воронин,
И так длиннее макаронин!»

Уже огонь ползет по зданьям,
А раз пошла игра с огнем,
То даже западным изданьям
Уже понятно, что погром.

Повстанцев бьют, но твой, Воронин,
Авторитет уже уронен.

Москва следит за этим делом,
Скрывая тягостный испуг.

Притом Воронин, глядя в целом,
Ей не союзник и не друг,
Ей, в общем, по фигу Воронин,
Но он, по крайности, законен!

Народ — не меньше половины —
Терпеть Воронина устал.
Нет, тут не Штаты, не румыны —
Он просто очень их достал!

61

Наш курс, конечно, неуклонен...
Но вдруг достанем, как Воронин?
Рулить строною любит каждый.
Привычка к этому — не грех.

Но наступает миг однажды,
Тот миг, когда достанешь всех.
И он — пример тому Воронин —
Порой бывает проворонен.

** ...а может, не Воронин...*

Их не догонят

Давая Отечеству жару,
Беснуясь на сцене в поту,
Вдвоем Пугачева с Ротару
Исполнили песню «Тату».

Их лозунг, я думаю, понят:
Страна на таком рубеже,
Что их никогда не догонят:
Подобных не будет уже.
В пространстве родного эфира
Вольготно шумит мишура:
Валерия будет, Земфира,
Распутина, «Мумий», Шура,
«Блестящие» будут с Биланом
И прочие кони в пальто,
Но что Пугачева дала нам,
Не даст уже больше никто;

62

Пусть век наш покуда не прожит
И край наш не выжжен дотла —
Но даже Земфира не сможет
Такого, что Алла могла.
Поэтому мне и тревожно:
Уходит эстрадная знать.
Быть лучшей, я думаю, можно,
Но можно ль единственной стать?
Мы просто не знали иного.
Мы жили в советском бреду.
Ни Сенчина, ни Толкунова
Не мыслились в этом ряду.
Россию никто не затронет,
Я думаю, так глубоко.
Теперь же никто не догонит —
Все пули летят в молоко.
Ропщите на горькую долю,
Являйте напрасную прыть...

Чтоб стать настоящей звездой,
Должны вы единственной быть.
Виват, Пугачева с Ротару!
Мы помним наш душный эдем.
Вы создали звездную пару,
Наш первый элитный тандем,
Вы были любимы до всхлипа
И всех оставляли в тени —
Как Путин с Медведевым типа.
Их тоже поди догони.

63

Папа и батька

*Сцена изображает собор Св. Петра. Президент
Белоруссии Александр Лукашенко впервые
в жизни общается с Бенедиктом XVI.*

БЕНЕДИКТ:

Я слышал, вы приехали сюда
Поговорить о судьбах Беларуси...

ЛУКАШЕНКО (*интимно*):

Да ладно, папа. Это ерунда.
Какие судьбы, Господи Иисусе?
У нас народ безропотный, простой,
Не требует ни логики, ни права,
Застой ему устраивай, отстой —
Есть бульба, сало есть, и Богу слава.
Пятнадцать лет рулю, что твой генсек,
И не предвижу нового этапа...

БЕНЕДИКТ (*осторожно*):
Но это, вы же в курсе, не навек...

ЛУКАШЕНКО:
Так я затем к тебе и ехал, папа!
Ты знаешь сам, я не боюсь труда,
Могуч, здоров, как мишка косолапый, —
Нельзя ли сделать так, чтоб навсегда?

БЕНЕДИКТ (*озадаченно*):
Совсем? Не знаю. Станьте римским папой!

ЛУКАШЕНКО (*с досадой*):
Я думал, да. Прошу меня простить —
Я больше подхожу для этой роли;
К тому ж никто не может вас сместить,
Каких бы вы делов ни напоролы...

64

Мне Ватиканом править по плечу,
Но даже при правленьи самом строгом
Все папы смертны. Я же — не хочу.

БЕНЕДИКТ (*задумчиво*):
Действительно. Ну что же... Станьте Богом!

ЛУКАШЕНКО (*радостно*):
Ты всё усек! Вот я и говорю:
Крепить харизму надо понемногу.
Сначала уподобиться царю,
А после — папе, а в итоге — Богу!
Уже я полубог в моей стране,
А так совсем дойдет держава наша...

К кому мне обратиться?

БЕНЕДИКТ (*сдержанно*):
Не ко мне.

ЛУКАШЕНКО:
Тогда к кому?!

ГОЛОС СВЫШЕ (*утомленно*):
Иди отсюда, Саша!

65

Повапленное (Покрашенное (церк.-слав.))

Мы в новом мире очутились.
В нём полноправно правит цвет.
Раскрашенный Исаев-Штирлиц
Спасает крашеную Кэт.
Страна, от старца до плейбоя,
Глядит, махнув на всё рукой:
Какое небо голубое!
А Мюллер розовый какой!
А краски — словно от Диснея!
Герой предстал во всей красе
И врет, нимало не краснея:
В разведке так умеют все.
Эффект покуда не изучен.
Какие планы, Боже мой!
Давайте Чаплина озвучим,
А то ведь бегают немой...
Зачем смотреть благоговейно
На купола-колокола

Из кинофрески Эйзенштейна?
Покрасить их, и все дела!
Желаем зрителю добра ведь:
Чего он пялится во мрак?
И, кстати, Грозного поправить,
А то одет незнамо как.
Пускай его причешет Зверев,
Российской моды ветеран,
И зритель купится, поверив,
Что Грозный стильный был тиран.
Увы, краситель сериала забыл
(Его ли в том вина?),
Что фильм Лиознова снимала
Уже в цветные времена.
Мы упустили между делом,
Маркетингом увлечены,

66

Что он задуман черно-белым,
Каким был мир в конце войны:
Там многоцветие не в моде,
Лубочных красок не видать...
И коммунисты даже вроде
Хотят на это в суд подать —
Но не получают перевеса.
Родная партия, прости:
Навряд ли на пути прогресса
Барьер возможно возвести.
Тут поле мощное такое,
Что дела хватит на века:
К примеру, есть «Каприччос» Гойи —
Их не покрасили пока;

Расцветим в будущем для пробы,
Не опасаясь суда,
Офорты Рембрандта? Ещё бы!
Гравюры Дюрера? О да!
Кто пожелает нос расквасить,
Трудясь на новом рубеже?
Гораздо проще перекрасить
То, что имеется уже.
И что мы скромничаем, братья,
Свой имидж втоптывая в грязь?
Детей любимое занятие —
Игра полезная «Раскрась».
Раз в десять лет, по зову сердца,
Мы перекрашиваем всласть
Былые доблести и зверства
Из черной — в розовую масть,
Давно устав дивить планету,
Устав искать благую весть...
Раз ничего другого нету —
Давайте красить то, что есть.
С одной догадкой нету сладу —
Пусть я за это огребу:
Мы все давно — лет тридцать кряду —
Живем в повапленном гробу.

На нём, как прежде, надпись «Russian»,
Внутри отделка из Европ,
Он лакирован, он подкрашен,
В нем нефть и газ, но это гроб.
Соседи плят без опаски
Глаза бесстыжие свои.
На нём лежат различной краски
Несовместимые слои:

Он черным был и краснокожим,
Он примерял защитный цвет...
Его мы только красить можем,
Но переделать — нет и нет.
Страна моя! Я твой поклонник.
Но почему передо мной
Лежит покрашенный покойник,
Моей зовущийся страной?!
Отсюда, верно, наша злоба,
Скопившаяся в тайниках, —
Что из повапленного гроба
Нам всем не вылезти никак.
Раскрашен фильм, озвучен Чаплин,
Родная нефть идет в трубу,
Престол незыблем, гроб поваплен,
И в нём стабильно, как в гробу...
А впрочем, есть у этой меры
Резон, придуманный давно:
Коль все вокруг настолько серы —
Пусть краски будут хоть в кино.
Я был ребенком оробелым,
Но суть вещей открылась мне:
Был телевизор черно-белым,
А мир вокруг — цветным вполне.
Отчизна, выцветшая снова,
В который раз за тыщу лет!
Лови хоть Штирлица цветного,
Раз ничего цветного нет.

*Сцена изображает город Минск.
Перед потрясенным народом публично
дискутируют президент Белоруссии
А. Лукашенко и вице-премьер России
А. Кудрин.*

ЛУКАШЕНКО:

Во мне ты будишь леопарда!
Ужель мы больше не дружны?!
Вы нам должны полмиллиарда!

КУДРИН:

Пардон, но это вы должны...

ЛУКАШЕНКО:

Да мы с премьером вашим раньше
Договорились обо всем!
Мы попросили вас о транше,
И вы ответили: «Несем!»

КУДРИН:

Но это было до потопа...
Зачем вы бьете пяткой в грудь?
У вас сейчас такая бездна —
Как вы надеетесь вернуть?!

ЛУКАШЕНКО:

Да что ж мы панику-то сеем,
Волну ненужную гоня?!
О чем мне спорить с Алексеем,
Когда Владимир за меня!

КУДРИН:

Наш средний класс буквально вымер,
По всем параметрам завал,
И мне как раз сказал Владимир,
Чтоб я вам больше не давал.

ЛУКАШЕНКО:

Ты врешь! Пуста у вас казна ли?!
Да вы ж лопатой гребли!
Да мы б Абхазию признали б!

КУДРИН:

Ну ладно, ладно... Но — рубли.

ЛУКАШЕНКО:

Рублей у нас самих полно, нах!
Мы ж договаривались, нах,
Что за Абхазию — в зеленых,
А за Осетию — в евраѢх!
Да я тогда пойду к Обаме,
Чтоб НАТО взять в поводыри!

КУДРИН (*пожимая плечами*):

Коль хочешь брать — бери рублями,
А коль не хочешь — не бери.

ЛУКАШЕНКО (*в гневе*):

Москве враждебной потакая,
Мы делим горький каравай!
Иди отсюда, тварь такая!

(Остывая.)

А, черт с тобой! В рублях давай.

70

Медведев. Год

Медведев правит ровно год.
Увы, прорыва я не видел:
Над ним, как некий черный кот,
Висел национальный лидер.
Мерси за то, что в этот год
Он всё же правил в скромном стиле:
Не рушил рубль. Не отнял льгот.
Не захватил Саакашвили.
Не превратил свою страну
В одну казарму боевую.
Пустил на волю Бахмину
(Причем, что значимо, живую)...

Не то чтоб он казался слаб,
Но по законам русской жизни
Он как-то задал свой масштаб
Всему, что делалось в Отчизне.
Наш имидж несколько померк,
Его же стилю потакая:
Держава — но никак не сверх.
Свобода — да, но вот такая.
Медведев-style как будто прост:
Всё уменьшается, принизясь.
У нас ничто не в полный рост —
И слава Богу, даже кризис.

Отмечен первый юбилей
Пожаром газовым немалым,
Игрой блистательной в хоккей
И Евровиденья финалом.
Наглядный выстроился ряд
Для стиля властных коридоров:
Уже окраины горят,
Но в центре царствует Киркоров;

71

Страна лепечет «Одобрям»,
Тая подспудную тревогу...
Гордиться нечем, буду прям.
Но есть хоть Быков, слава Богу.

Наш рыбак

Какой воцарился на свете бардак!
Смешался земной экипаж.
Любимец Европы — норвежский Рыбак —
И тот, как доказано, наш.

Когда раскололся Советский Союз,
Компартией загнанный в гроб,
Мы все раскатились подобием бус
По странам окрестных Европ.

Потом — в результате утечки мозгов —
Без пауз и без выходных
Мы стали спонсировать бывших врагов
Элитою вузов родных.

А если при этом имеешь в виду,
Что мы этим нормам верны
И, скажем, в семнадцатом бурном году
Уехала четверть страны, —

Окажется, в общем, что каждый герой
В науке, кино и попсе —
Ну, может, не каждый, но каждый второй —
Они же советские все!

72

Один убежал от локальной войны,
Другой от кубышки пустой,
А третий хотел колбасу и штаны
И выехал в самый застой,

Одним надоел удушающий страх,
Другим — неразумная власть...
И все они в мире — на первых местах,
И все они — русская масть!

Мы первые в музыке, в спорте, в еде —
Такой мы народ заводной.
Ах, кто бы сейчас ни лидировал где —
Взгляни и увидишь: родной.

Взгляни на героев футбольных полей,
На рейтинги книжных продаж:
Лидирует если не наш, то еврей,
А значит, опять-таки наш.

Ты правильно делаешь, Родина-мать:
Теперь убеждается свет,
Насколько полезно своих разгонять
Без отдыха тысячу лет.

73

Честь имеют

Был обвинен во взятке Но Му Хен.
Корейские традиции жестоки:
Страшнее государственных измен
Такое обвиненье на Востоке.

В шестимиллионной взятке обвинен,
Он написал предсмертную записку —
И со скалы высокой прыгнул он,
Чтоб честь его не подвергалась риску.

Он попросил прощенья у семьи.
Все обвиненья сразу точно сдуло.
Теперь букеты скромные свои
Приносят к дому жители Сеула.

«Экс-президент погиб, спасая честь!» —
Вся пресса повторяет эту фразу.
Ах, почему у нас такая жесть
Ещё ни с кем не сделалась ни разу?!

У нас пускай любые голоса
Чиновника винят во лжи и краже —
Всё это будет божия роса
И рейтинги его поднимет даже.

Верхи у нас бодры и веселы,
Как правильно сказал Илларионов.
У нас никто не прыгнет со скалы —
Особенно из-за шести лимонов.

Российскому чиновному уму
Немыслимо представить кару эту:
Не потому, друзья, не потому,
Что совести у наших больше нету,

74

А потому, как знает целый свет,
Что кризис ввел особые порядки
И взятки в шесть лимонов нынче нет:
Все терки начинаются с десятки.

А если б кто-нибудь и отыскал
Подобный выход (правда, не поверю) —
Так ведь у нас в России мало скал.
Не ехать же для этого в Корею!

Разборное

Нацлидер! Хвала тебе, Отче.
Ты всем рассказал наконец,
Что вскорости в городе Сочи
Построят разборный дворец.
Дал отповедь вражьи́м мыслишкам
Глава огненосных творцов:
Для южного города слишком —
Пятерка ледовых дворцов.

Закончится время кошмара,
Ослабнет потемкинский зуд —
И в Сочи останется пара,
А три, разобрав, увезут.

75

Куда — догадаться не смею:
Меня нелегко удивить.
Должно быть туда, где хоккею
Вниманье пора уделить;
Где, чужд государственным тайнам,
До зрелищ и выпивки лют,
Взволнован фигурным катаньем
Лишенный политики люд;
Туда, где хотят карнавала —
И просто, в конце-то концов,
Туда, где ещё не бывало
Разборных ледовых дворцов.

Вдобавок при нынешнем строе
Удобнее, кажется мне,
Возить их в порядке гастроли
По всей необъятной стране.
Событий же, в сущности, нету.
Чуть что — получаешь в торец...
А тут открываешь газету —
Приехал ледовый дворец!
Но главное — денег всё мене.
Писал ещё граф Воронцов:
Нельзя же по всей ойкумене
Настроить достойных дворцов!
Их надо построить десяток —

А после, как минет страда,
Возить олимпийский остаток
По рельсам туда и сюда.

О благе Отчизны радея,
Добавлю без чувства вины:
Мне видится в этом идея
Какой-то разборной страны.
Коль вас оскорбит она — бросьте
Немедленно этот листок...

76

Приедут заморские гости,
Допустим, во Владивосток —
От танкеров вспенятся воды,
Вагонов пойдет череда,
Дворцы, магазины, заводы
Синхронно поедут туда.
Появится сборно-разборный
Летающий город сквозной,
Где вплоть до публичной уборной
Всё будет сиять белизной;
Там будет комфортно до стресса,
Там улица будет чиста,
Там будет свободная пресса,
Рабочие будут места!
Поселок, сияющий гляncем,
Нетрудно собрать по частям,
Возя не к одним иностранцам,
Но даже к столичным властям.
Поедет куда-нибудь лидер —
Раскинем всё это кругом!

Он даже не вспомнит, что видел
Подобное в месте другом, —
Он только подумает: «Браво! —
Разборный жуя ананас. —
Как много построили, право,
Элитных поселков у нас!»

А чтобы противник упорный
Камней не кидал в огород —
Устроить бы сборно-разборный,
Бродячий, цыганский народ,
В количестве нескольких сотен,
В компании псов и котов, —
Чтоб каждый дороден и плотен,
Однако всечасно готов!

77

Народ наш уютен, покорен,
Не помнит понятия «честь»
И, в сущности, сборно-разборен:
Что вложат в башку, то и есть.
Так думал профессор Усольцев* —
Да многие так говорят...
Нетрудно набрать добровольцев
На этот элитный отряд,
Чтоб сразу — по плану ли, с ходу ль, — Стремительно
впрыгнув в штаны,
Они заселяли бы модуль
Своей совершенной страны,
Всечасно готовые к счастью
(И счастье водилось бы там!).

Как пул президентский, за властью
Возили бы их по пятам.
Вот город людей настоящих:
Спортивны, богаты, незлы...
А после их клали бы в ящик
И снова куда-то везли —
Привычной дорогою торной,
По рельсам, по синей волне...
Для этой России разборной
Бюджета хватило б вполне.
Гастрольный построили график —
И возят, как цирк-шапито.

А прочая — ну её на фиг.
Её и не вспомнит никто.

** Ф.А. Усольцев — один из основателей российской психиатрической школы.*

78

Фальсификация

В России нынче бдительность утроили.
Желает коллективный Саурон
Карать фальсификацию истории,
Отчизне наносящую урон.
История... О, как должно икаться ей,
Едва в стране наметится развал!
Что станут называть фальсификацией?
Медведев пригрозил, но не назвал!
Наука изыскания ускорила,
Стирая наши бывшие грехи...

Я понимаю, почему история
Сегодня озаботила верхи.
Не то чтобы в стране иссякли ценности,
Но кризис прет в Россию напролом.
Не стоит говорить о современности:
Уместней оттоптаться на былом.
Поднимем наконец до райских кущ его!
Мы жили в исключительной стране.
Да, мы не в силах изменить грядущего —
Но прошлое подвластно нам вполне.
В конце концов, накоплен опыт ретуши
И навык пропаганды боевой.
На нем и так живого места нет уже —
Но ничего, потерпит, не впервой.

Тем более для процветанья вящего
И наведенья шмона в голове
Фальсификациями настоящего
Исправно занимается ТВ,
И от его камлания истошного
Краснеют все, кто не лишен стыда, —
Но всё-таки о чем-нибудь из прошлого
Поспорить можно было иногда.

79

О Византии, помнится, поспорили,
О Ржеве Пивоваров снял кино...
Теперь уже, глядишь, и об истории
Два мнения иметь запрещено.
Возможность пересмотра проворонена.
Бдит агитпроп, нацелясь сотней жал.
Мне даже как-то страшно за Солонина* (Суворов, как вы

помните, сбежал).
Историк не забросит больше невода:
За ним следит особый легион.
Что было, а чего, простите, не было
В истории — теперь решает он.
А то, глядишь, соорив рожки постные,
Нас очерняет всяческая слизь...
Уже не помню: были девяностые —
Иль сразу нулевые начались?
Не стану вас забрасывать цитатами, —
Ей-Богу, ситуация смешна:
Две тысячи восьмой с восьмидесятыми
Сливается практически без шва.
Двадцатилетья не было проклятого!
Чуть зашатался душный наш Эдем,
Как сразу после восемьдесят пятого
Устроился спасительный тандем
И окаянская, заокеанская когорта
Тогда же получила по рукам...
А для дискуссий есть война Троянская:
Россия не участвовала там.
Оспорьте всё, что было до Московии, —
Упрек не воспоследует ничей!

...Когда-нибудь с учебником истории
Ко мне заглянет внучек-книгочей:

— Скажи мне, дед, сияющая лысина, —
Он скажет, усмехнувшись на бегу,

Но я поверить в это не могу
Неужто в трудный час, в разгаре кризиса,
Когда страна захлеб пила этил,
Ваш лидер на историю окрысился
И в прошлом разбираться запретил?
Неужто было это время странное,
Ни разу не бывавшее допрежь,
Когда носили только иностранное —
И постоянно кляли зарубеж?
Вранье звенело, как коровье ботало,
И все в душе смеялись над враньем;
Притом ничто, как надо, не работало,
И это выдавалось за подъем;
Сидела без работы вся провинция,
А силовик жирел, как василиск;
В сравненье с анекдотами про Вицина
Культура деградировала вдрызг;
Страна спала, нимало не разгневана,
Верха пилили сырьевой барыш...
Скажи мне, это было или не было?

И я отвечаю: — Не было, малыш.

Ты мог заметить: не люблю трепаться я.
То время было страшно и смешно,
И под названием «фальсификация»
Оно теперь в историю вошло.

** Марк Солонин, специалист по истории
Великой Отечественной войны.*

Баллада о другом месте

Российский лидер, толкая речь,
Заметил, от гнева розов,
Что надо общество поберечь
От слишком дурных прогнозов.
А то, допустим, один министр,
Считая сухой остаток,
Сказал, что кризис не будет быстр,
А выход не будет краток;
Иные в панике голосят,
Дешевых сенсаций ради,
Что только лет через пятьдесят
Мы будем вновь в шоколаде...
Долой мрачнейший колорит.
Сей страх недостоин мужа-с.
Конечно, ужас, кто говорит,
Во всё же не ужас-ужас.
У труса валится всё из рук,
Но мы из другого теста,
А тот, кто мрачно глядит вокруг,
Пусть ищет другое место.

Среди отечественных равнин,
Как прежде, полно колдобин.
Мишенью, видимо, был КудрИн,
Который стал неудобен.
В другое время подобный жест
(Вы помните слово «Мечел»?)
Уют не столь отдаленных мест
Министру бы обеспечил.

В какие нынче идти места
Тому, кто попал во фронду,
Кто первым скажет: «Казна пуста»
И следом: «Кранты Стабфонду»?
Я сам, товарищи, не пойму,
Попавши в родные клещи,

82

Какое место найти тому,
Кто трезво глядит на вещи,
На вал проблем, на бесплатный труд,
Инвес-ти-ци-онный климат...
На телевиденье не возьмут,
В газету уже не примут.
Уж коль на ком-то поставлен крест
В порядке дурной приметы —
Тебе в России не будет мест,
Будь даже вице-премьер ты.
Поехать в Штаты разрешено,
Они КудринУ любезны, —
Но там, ей-Богу, своих полно,
Не видящих дна у бездны.
Карьера, стало быть, на кону,
Прогноз представлялся смутен,
И я сочувствовал КудринУ...

Но тут проявился Путин.

Когда Медведев волну погнал,
Он мог постоять в сторонке —
Но дал преемнику стоп-сигнал,
Избравши формат колонки.
В России любят смущать умы

В обход родных агитпропов —
И он сегодня, совсем как мы,
Освоил язык эзопов.
У нас на троне любой Нерон
Мечтает исправить нечто.
Уволить просто, заметил он.
А толку? О том и речь-то!
Пусть лидер скажет себе: «Не трожь»,
Забывшись в чиновном раже.
Поставишь нового — будет то ж,
А может быть, даже гаже.

83

Допустим, кто-то кого-то съест,
И это одобрит Дума, —
Но что дает перемена мест,
Когда прохудилась сумма?
Достойных нету. Душа болит.
И главное, если честно, —
Россия, в сущности, монолит,
Одно огромное место;
Она — особое вещество,
Текуча, но крепче стали;
В ней не изменится ничего,
Хоть всех поменяй местами!
Один разительный контрпример
Припомнить необходимо:
Я был верховный, а стал премьер,
И что изменилось, Дима?
Хоть всей элитой овладей —
Преемник, в чем интерес-то?
В России нету других людей

И нету другого места.

Сигнал услышан. Смещен прицел.
Приемник считал подстрочник.
Кудрин пока остается цел,
Сказал кремлевский источник.
Ему не время ещё пока
Бежать из родного треста —
Медведев лишь, пожутив слегка,
Ему указал на место.
И пусть обидеться мог иной,
Припомнив понятье чести, —
Но мы давно уже всей страной
Находимся в этом месте
Смешно бороться, интриги плесть,
Сбираться на марш протеста...
Другое место, конечно, есть.
Но это чужое место.

84

Пикалёвская порка

Сцена изображает кабинет премьер-министра России В. В. Путина. Перед ним смиренно стоит Олег Дерипаска.

ПУТИН:

Что мне сказать разгневанному люду?
Они не реагируют на речь.
Прости меня, Олег, но должен буду
Тебя я показательно посесть.

ДЕРИПАСКА (*потрясенно*):

Я если и виновен, то невольно...
Я всё отдам... Но порка на миру...
При пацанах...

ПУТИН:

Да не бойсь, не больно!
Я для начала только наору.
Всем олигархам надо сделать стойку —
А ты назначен правою рукой!
Скажу: «Ты превратил завод в помойку...»

ДЕРИПАСКА (*обиженно*):

Владим Владимыч, он и был такой!

ПУТИН:

Да хватит, блин, оправдываться бойко!
Я знаю сам, что дорог нефелин!
Помойка – что... У нас везде помойка...
Но там же трассу перекрыли, блин!
Я должен дать острастку местным крысам.
Что делать мне? Я тоже человек!
Потребую, чтоб был контракт подписан...
Но для тебя он выгоден, Олег!

85

Заставлю там поставить закорючку,
Подав тебе бумагу на весу,
И попрошу, чтоб ты вернул мне ручку...

ДЕРИПАСКА (*в отчаянии*):

Нет, этого я не перенесу!

ПУТИН:

Олег, я просыпаюсь от кошмаров!
Кругом уже смеются мне в глаза.
Уже меня ругает не Каспаров,
Но дерзостный Рахимов Муртаза!

ДЕРИПАСКА:

Но я же самый верный...

ПУТИН:

Ах, иди ты!
Ты предан государству и царю.
За это я продлю тебе кредиты,
А после даже ручку подарю!
Такая ручка — высшая награда.
Тогда умолкнут злые языки.
Но нынче надо, понимаешь, надо!

ДЕРИПАСКА (*поворачиваясь*):

Ну, если очень надо... то секи.

86

Сказ про казака

Рыдает Украины половина,
Как прежде не рыдала ни о ком.
Как Ярославна, плачет Украина
И машет Черномырдину платком.

— Прощай, прощай, посланник

сверхдержавы!

Кого бы к нам судьба ни занесла,
Какого ни подложите ежа вы —
Нам не видать подобного посла!

Таких людей не выпускают ныне.
Россия измельчала в наши дни.
А как он был подобен Украине!
Он был ей даже несколько сродни!

Он был не враг горилке и закускам.
Мы в нём признали брата, в казаке:
Как мы, он говорил почти на русском,
Но всё же не на русском языке.

Он был нам близок, хлопец черноокий,
Российский газовик с тугой мошной,
Как местные характеры, широкий,
Как местная политика, смешной.

В его лице, свободном от гордыни,
Хоть он слывет проверенным бойцом,
Россия повернулась к Украине
Буквально человеческим лицом.

Здоровая душа в дородном теле,
Новейшей дипломатики звезда!
Чего бы мы и впредь ни захотели,
Всё будет получаться, как всегда.

87

Доказывай и дальше правду эту,
Успешно пребывая много лет
На должности*, которой в общем нету,

При общности, которой тоже нет.

** Советник президента по вопросам
экономического сотрудничества со странами СНГ*

Зурабов – посол отсюда

*Сцена изображает секретный тандемный кабинет
Дмитрия Медведева и Владимира Путина,
где принимаются главные решения.
Перед тандемом стоит Михаил Зурабов.*

ПУТИН:

Когда-то ты едва не сдал на слом
Минздрав. Ты превратил его в руины.
Теперь хотим послать тебя послом
В таинственные недра Украины.

ЗУРАБОВ:

Охотно. Я покладистый мужик,
Два года места жду, ничем не занят...
Но для меня загадка — их язык
И как они там с газом партизанят.

МЕДВЕДЕВ:

Да мы почти решили там про газ,
Но ты, политик с чуткими ноздрями,
Ты сделай там, чтоб было, как у нас.
Чтоб стало там, как при тебе в Минздраве.

ПУТИН:

Чтоб без лекарств сидело большинство,
Чтоб старики от страха очумели...
Поставить там у власти своего
Не можем мы — пока, по крайней мере.
Мы перебрали множество коллег —
У нас полно отставленных пасется...
Но есть в резерве главный человек:
Он губит всё, к чему ни прикоснется.

МЕДВЕДЕВ:

Мы пару зайцев, кажется, убьем,
Указ о назначенье накорябав.
Мы Украину слопаем живьем,
Когда туда отправится Зурабов!
Мы им устроим худшее из зол,
Мы их лишим последнего достатка.
Ведь там, где ты, — разруха, мор, позор,
А здесь у нас и без тебя несладко.

ЗУРАБОВ:

Да, у меня талантов до фига.
Хвалю тебя, тандем: нашел посла ты.
Но раз мы мочим внешнего врага —
Нельзя ль меня послать хотя бы в Штаты?
Я думаю, что в считанные дни
Там лопнет доллар и уедет крыша...

ПУТИН:

Нет, в Штаты мы не можем. Извини.

МЕДВЕДЕВ:

От Штатов мы пока зависим, Миша.

89

Кавказский пасьянс

Бурлит, негодую, Кавказ многоустый.
Каким же ты будешь, верховный ингуш?
Задача про волка с козой и капустой
В сравнении с этой задачкой — чушь.

Вот Аушев славный — герой из героев.
За ним — население и весь Интернет.
Но он прогадал, федералов расстроив:
С Масхадовым дружит, с Кадыровым — нет...

Вот славный Кадыров, любимец чеченцев,
Которого любит в Кремле большинство, —
Он может с собой привести ополченцев,
Но что-то в Магасе* не любят его.

Кадыров — кумир полевых командиров,
Опора Кремля на кавказской земле,
Но ежели станет всемогущим Кадыров —
Немногие счастливы будут в Кремле.

Вот Аушев гордый — кумир либералов,
И он будоражит народ, не дремля;
Но ставить у власти таких генералов —
Опять же плохой вариант для Кремля.

Нехилую яму Отчеству вырыв,

Кремлевские бонзы не верят ушам:
Кремлю, безусловно, подходит Кадыров,
Но он не подходит самим ингушам.

Пасьянс получается очень серьезный.
Дыра не сшивается, сколько ни шей.
Рамзан — в Ингушетию? Аушев — в Грозный?
Кремлевских — к Рамзану, а в Кремль —

ингушей?

90

Кавказцев нельзя разводить, как младенцев,
А как бы легко рубануть от души:
В Чечню – ингушей... Но куда же чеченцев?
Рамзана – в Магас... Но ведь там ингуши?

А вот вариант компромиссного плана —
Борьба бы тотчас завершилась вничью:
Пускай ингушам предоставят Руслана,
Кадырова — в Кремль, а кремлевских — в

Чечню.

** Столица Ингушетии.*

Перезагрузка

У нас Обаму ждали, как мессию.
Как Ленина, что въехал на вокзал.
Зачем он едет, собственно, в Россию —
Уверенно никто бы не сказал.
Привыкши не давать друг другу спуску

В течение последних лет шести,
Мы все теперь хотим перезагрузку,
Не зная, как её произвести.

Я искренне уверен, что Обама
Охотно всё бы перезагрузил,
Но как тут быть, когда Россия-мама
По-прежнему сердита на грузин,
Намерена душить Европу газом,
Когда уже не действуют слова,
И крайне подозрительна к рассказам
Про всякие гражданские права?

91

Россия тоже кнопку бы нажала*,
Но перед нею выбор роковой:
Держава ли она, иль сверхдержава,
Иль мировой придаток сырьевой?
Её публичный стиль привычно жесток,
Она теперь в имперской полосе,
И всё не может выбрать, как подросток:
Охота быть, как все – и не как все!

Она ещё грозит и воеет трубно,
Как ставший лилипутом исполин;
Ей хочется хамить — но дружелюбно,
Ей хочется пугать — но кризис, блин!
Провинция, а впрочем, и столица
Застыли в ожиданье гвоздеца,
Давно уже пора перегрузиться —
Но хочется не потерять лица!

А впрочем, у Обамы те же вилы
И тот же кризис, как ни назови.
Как с ними говорить? С позиций силы?
С позиций всепрощающей любви?
Россия раздражительна, упряма,
Угрюма, несвободна и горда...
И если б я, допустим, был Обама —
Мне очень не хотелось бы туда.

92

МЭРило поэзии

И се! Лужков слагает оду
«Полтавской битвы юбилей»,
Внушая братскому народу,
Что вместе будет веселей.
Он вспоминает о Мазепе
И проклиняет подлый час,
Когда друзья порвали цепи,
Что прежде связывали нас.
Не жить отдельно Украине!
Хотя сейчас она не та,
Какую знали мы доньше, —
«Так сгинь, злодейская мечта!»
Опомнись, для тебя Европа ль!
Вернись к обиженной Москве.
Уже и байки в Севастополь
Летят с Хирургом во главе,
Колонна бодрая являет
Воинственный, упругий вид,
И Путин их благословляет,
И Патриарх благодарит, —

И боевую нашу славу
Перелагая в звон стихов,
Московский мэр поет Полтаву.
Смесились Лужкин и Пушкин!
Я вдохновлен таким примером.
Товарищ критика, прикинь:
Каким бы Пушкин был бы мэром?
Я полагаю, никаким.
Он потерял бы тут ни за что
Свое арапское лицо,
Он не сумел бы так изящно
Построить Третье кольцо...
Он промелькнул, как астероид,
Как вихрь бумаги и чернил...

93

А вот Лужков — и кольца строит,
И про Полтаву сочинил.
Я думаю, к концу недели,
Не пропустив такой момент,
Святая успеет Церетели
Изрядный новый монумент:
Пусть Опекушина создание —
Кумир кудрявый в сто вершков —
Стоит потомкам в назиданье,
А рядом бронзовый Лужков.
Пускай он хлопает кумира
Рукою пухлой по плечу
И молвит, улыбаясь мило:
«Старик! Я тоже так хочу».

Светлана-булава

Сцена изображает зал Кремлевского дворца. Президент России проводит заседание Госсовета, посвященное молодежной политике.

МЕДВЕДЕВ:

Ого! Я вижу Хоркину Светлану.
Она теперь в политике рулит.
Согласно государственному плану,
Идет омоложение элит.
Вы — человек медведевского клана,
Вы палец государевой руки...
Хотите в губернаторы, Светлана?
Ведь вы у нас гимнастка. Вы гибки.

94

ХОРКИНА:

Для нас закон — желанье президента.
Могла бы я пройти и по ножу.
Гимнасткам иногда покорна лента,
Так я и область в узел завяжу!

МЕДВЕДЕВ:

В вас видим не спортивную звезду мы,
А самый светлый ум родной земли.
Вас, может, сделать спикером Госдумы?
Мне кажется, вы тоже бы смогли!

ХОРКИНА:

Я справилась бы с этим безусловно.
Тем более что в Думе я давно.

Мне покорятся там любые бревна,
Как покорялось некогда бревно.

МЕДВЕДЕВ:

Я восхищаюсь вашим ростом быстрым,
Решительностью взглядов и манер...
Не сделать вас чего-нибудь министром?
Культуры? Обороны, например?

ХОРКИНА:

Когда-то в спорте защищала Русь я,
Могу и в министерстве славить Русь.
Как опиралась некогда на брусья,
Теперь на бюрократов обопрюсь!

МЕДВЕДЕВ:

А вообще, проблем у нас хватает.
Мне Тимакова сводку подала
О том, что постоянно не взлетает
Новейшая ракета «Булава».
От этих взлетов я буквально вою.
Пора давать за вредность молоко.

95

Работали же вы же с булавою?
Она у вас взлетала высоко?

ХОРКИНА:

Я тоже, Дмитрий, слышала про это.
Мой принцип – прыгать выше головы,
И я сама, как некая ракета,
Взлететь готова вместо «Булавы»!

(Хоркина окутывается дымом и стартует.)

МЕДВЕДЕВ *(потрясенно)*:

Взлетела! Вот что значит труд упорный.

Светлана, объясните без вранья:

У вас там, что ли, все такие в сборной?!

ХОРКИНА *(откуда-то сверху)*:

Нет, только две. Кабаева и я.

Кирилл и Ровно

В поездке пастырской Кирилл

Был принят вежливо и ровно

И резких слов не говорил,

Но не сумел заехать в Ровно.

Он многократно объявлял,

Что будет там, — простите, пане.

Винит Россия киевлян,

Винят Россию киевляне —

Никто не знает, почему

Кирилла не пустили в Ровно,

Хотя до этого ему

Сдавались все беспрекословно.

96

Восток и Запад, Львов и Крым

Ему открыты полюбовно,

И даже Ющенко открыл

Ему объятья — но не Ровно.

Что может быть такого там?

Чего от нас Украина скрыла?

К каким святым её местам
Не могут допустить Кирилла?
Не доказал ли он вполне,
Что мы ребята неплохие,
Что новой, так сказать, волне
Пришла пора в Патриархии —
Туда в избытке завезли,
Как это все увидят скоро,
Дипломатизма, новизны
И комсомольского задора;
Иначе и нельзя в стране,
Когда такую власть имеешь.
Понятно, правда, не вполне,
При чем тут Бог... но это мелочь.
Вот Патриарх — не зол, не лют,
И лишь бесчувственные бревна
Ему осанну не поют, —
Но для него закрыто Ровно.
Быть может, этот град — святой,
В нем население воспарило
И со славянской прямою
Не хочет видеть там Кирилла?
Или святые там гостят
И всех одною мерой мерят —
Туда не внидет, кто не свят,
И не доедет, кто не верит?
Ах, как бы это, господа,
Нам проторить туда дорогу?
Я сам поехал бы туда.

На выздоровление Евкурова

Выписан Евкуров из больницы.
Пресса поднимает кутерьму,
Бодрые врачи и медсестрицы
Машут с умилением ему.

Только что он был почти за гранью,
На краю, и вряд ли большинство
Сразу после взрыва под Назранью
Верило в спасение его.

Лишь Медведев высказался сразу —
Он публично, перед всей Москвой
Повторил уверенную фразу,
Что Евкуров возвратится в строй.

Путин посетил его тогда же,
Тронув пациента и семью,
И сказал увереннее даже —
Мол, вот-вот окажется в строю!

И герой, назло любим угрозам,
Приступил к решению проблем.
Можно верить, стало быть, прогнозам,
Что дает Отечеству тандем.

Видим мы, что кризису конца нет,
А они с улыбкою простой
Говорят, что рубль опять воспрянет
И что ВАЗ ещё вернется в строй...

Стало быть, не зря они считали,
Что всеобщий кризис отступил?
Правда, есть отдельные детали,
Сильно охлаждающие пыл.

98

Чтобы предсказания авгуров
Впрямь сбылись — хотя б за пару лет, —
Надо быть здоровым, как Евкуров.
В нем уверен я. А в прочем — нет.

Взаимность

МЕДВЕДЕВ (*в оперной позе, влоборота
к Ющенко, с патетической жестикуляцией*):

Ничтожные! Презренные! Плохие!
Не чтущие святого ничего!
В волнах демократической стихии
Вы позабыли давнее родство!
Вы отвернулись, рожу скосоротив,
Не помните вы нашей доброты!
Я вас не против, но тебя я против.
Противный ты! Меня не любишь ты!
Порядочность твоя — пустая фраза.
Не веришь ты ни газу, ни Кремлю!
А я тебя, скотина, дрянь, зараза,
Вонючий, гнусный, я тебя люблю!

ЮЩЕНКО (*с дрожью в голосе и
благородным негодованием*):

Не надо так уж, Дмитрий Анатолич!
Забылся ты, презрением сочась.
Кого ты колешь? Не меня ты колешь,
А весь народ обидел ты сейчас.

99

Имперцы вы, враги чужой свободы,
Народ ваш доведен до нищеты,
А вы с икрой едите бутерброды!
Несносный ты! Меня не любишь ты!
Мерзавцы вы, тираны вы, холопы,
Ты срок свой увеличил до шести,
Вы сделали посмешищем Европы,
А мы вас любим, Господи прости!

ХОРОМ, оборачиваясь к мировому сообществу и
указывая друг на друга пальцами:
Ужасные, ничтожные кретины,
Презренные, пугливые кроты,
Прогнившие до самой сердцевины,
Невкусный ты! Меня не любишь ты!
Не чтите вы ни власти, ни свободы,
Не верите ни гривне, ни рублю,
Захватчики, предатели, уроды,
Изменники, я так тебя люблю!

Отпускник

В отпуск ушел на неделю Барак.
Много ли толку приветствовать это?
В отпуск — не главное. Главное — как.
Он умудрился не тронуть бюджета.

Вывез на виллу Обама семью,
Будет неделю валяться на пляже
И шиковать на зарплату свою,
То есть за счет самого же себя же.

100

Я не сказал бы, что этот сюжет,
Внятно озвученный мастером жеста,
Сразу спасет вашингтонский бюджет
Или утешит лишившихся места.
Думаю, много воды утечет,
Прежде чем кончится общая драма...
Просто приятно: за собственный счет
В отпуск ушел на неделю Обама.

Мы-то, конечно, живем веселей.
Дым, как положено, валит клубами.
Бурные новости с наших полей
Дали бы мощную фору Обаме.
С виду Отечество — так-перетак! —
Жило насыщенной всех демократий:
В Грозном по «Тереку» врезал «Спартак»,
«Первый» простился с Андреевой Катей,
Что-то ломается, рвется, течет,
Власти молчат, оппозиция бредит —
Только уж в отпуск за собственный счет
Наше правительство вряд ли поедет.
Даже и в самые стрёмные дни —
Фонд на исходе, похвастаться нечем —
Мы не настолько бедны, как они:
Сами подохнем,
Но власть обеспечим.

А что у вас?

*Краткий конспект статьи Владимира Путина
в Gazeta Wyborcza*

Господа! Исчадьем ада
Нас не надо называть,
А историю не надо
Из контекста вырывать.
Мы ответим всем Европам:
Мы когда-то, в грозный час,
Подписали с Риббентропом некий пакт.
А что у вас?

А у вас гораздо хуже,
Объективно посмотри:
Сговор мюнхенский снаружи
И предательство внутри.
Кто сдавал Судеты фрицам,
Соблазнял Адольфа блицем
И натравливал на нас?
Это раз.

Спекулировать негоже
С привлечением святынь.
Про Катынь не надо тоже.
Мы признали про Катынь.
Вы не делаетесь краше
От дежурных громких фраз.
Мы не спорим: это наши.
Это грех. А что у вас?

Разве ваши в Белостоке
Или, скажем, в Осовце
С нами не были жестоки
В ту, гражданскую, в конце?

102

В двадцать первом и в двадцатом
Не теряли вы лица там?
Оглянулись бы сперва!
Это два.

Да, история России
Нелегка и непроста.
Наши местные мессии
Не похожи на Христа.
Нелояльных сразу гасят,
Несогласных сразу в глаз,
Вообще, своих дубасят,
Как чужих. А что у вас?

Запад хищный, враг проклятый!
Помним мы со школьных парт:
Ричард Третий, Карл Девятый
И Мария, блин, Стюарт,
Бисмарк, ночь Варфоломея,
Инквизиция, Вандея...
Просто плюнь и разотри!
Это три.

И хорош копаться в прошлом!
Я, конечно, прилечу,

Но занятъем этим пошлым
Заниматься не хочу.
Вы не любите Россию,
Мы такие, мы сякие...
Но зато имеем газ.
А что у вас?!

103

Сборная России

Виват, виват тебе, Отчизна!
Кого сегодня ни спроси —
По всей Европе плач и тризна,
И ликование на Руси.
Итак, по Божьему решению
(Он сам болел, «Оле!» крича)
Мы закатили Лихтенштейну
Шутя всухую три мяча.

Прикинь, мы мяли их, как бабу.
Отчизна тем и дорога,
Что выбирает по масштабу
Себе и друга, и врага.
Грузин мы гнали, как отару;
Когда ж солдат отвоевал —
Мы с Никарагуа на пару
Сухум признали и Цхинвал!
Страна в экстазе совершенно —
Ее защитники — етить! —
Смогли титанов Лихтенштейна
Мгновенно в бегство обратить!

Пускай припомнит вся планета,
Как мы умеем удивлять.
Не стоит в области балета
Примеры доблести являть;
С ракетой париться зачем-то,
Товар какой-то произвести...
Вполне довольно Павлюченко,
Чтоб защитить России честь.
В Андорре знают, в Бенилюксе,
В Монако помнят искони,
Что мы гораздо больше, лучше
И много чище, чем они!

104

Виват, Отечество! Прицелься
К мишеням нового витка.
Команду грозного Уэльса
Размажешь ты наверняка.

Кавказский пленник

Среди России в наши времена —
Не прячьте глаз, ушей не затыкайте —
Опять идет кавказская война:
На этот раз за сына Орбакайте.

Суды, скандалы, руганью обмен —
Как диалог космических пульсаров.
Войну ведет чеченский бизнесмен,
Московский друг Кадырова — Байсаров.

Война не может кончиться вничью,

Хоть прошлая закончилась ничьёво.
На этот раз Байсаров — за Чечню,
А за Россию — Алла Пугачева.

Болельщикам сторон не по себе,
И тот, и та кричат о нападение.
Сочувствовать кому в такой борьбе —
Не понимаю: разве только Дени.

А главное — что не видать конца
Безудержной всеобщей невралгии.
В такой борьбе не потерять лица
Ни те уже не смогут, ни другие.

105

Хотя в Чечне смирилось большинство
Непримиримо-злобных командиров —
Вопрос таков, что разрулить его
Не смогут ни Медведев, ни Кадыров.

Коль мы хотим, чтоб разрешился он
Успешно, безболезненно и скоро —
Есть выход: наблюдателям ООН
Отдать предмет родительского спора.

Да что там! На Руси полно семей —
И было так ещё во время оно, —
В которых, сколько денег ни имей,
Друг с другом не поладят без ООН.

ООН спасет раздрызганную Русь,
И власть за это с радостью заплатит,

И детям радость. Одного боюсь —
Что ихних наблюдателей не хватит.

106

ПРО и контры

*Сцена изображает президентские кабинеты
Барака Обамы и Дмитрия Медведева.*

МЕДВЕДЕВ:

Друзья мои! Я сделал вам добро!
Недаром я, ребята, ваш любимец.
Обама размещать не будет ПРО
В Европе, братцы! Это мы добились!

Я ткнул его, простите, под ребро,
Я говорю: бросай, мол, штуки эти!
Когда в Европе разместится ПРО —
Пеняйте на себя, мол, сучьи дети!
Мы вам такой устроим контрудар,
Что будет вам действительно хреново!
И он убрал из Чехии радар.
И это я устроил! (Оглядываясь.)
Ну... и Вова...

ОБАМА:

Ребята, что вы верите ему?
Россия, к счастью, не указ для НАТО.
Мы убираем ПРО не потому,
Что он хотел, а потому, что надо.
Ещё бы не хватало, чтоб нажал
Медведев на хозяев Пиндостана!

Вам наш радар ничем не угрожал,
И лучше без радара вам не стало.
Мы рады, так сказать, что рады вы,
Без дружелюбья кашу не заваришь,
Но всё-таки влияние Москвы
Грешно преувеличивать, товарищ!

107

МЕДВЕДЕВ:

Ребята, правда, он не виноват,
А про самостоятельное НАТО
Он говорит, чтоб обмануть сенат,
А так-то он послушался, ребята!
Я понимаю всё его нутро,
Ведь он, как я, сказать не может прямо...
Но я ему сказал: не надо ПРО!
И он убрал. Ну правда же, Обама?

(Усиленно подает сигналы.)

ОБАМА:

Неправда, Дима. Лучше б ты не лез.
И свой радар мы убираем, Дима,
Не потому, что ты имеешь вес,
А потому, что так необходимо.

МЕДВЕДЕВ *(полушепотом)*:

Барак, опомнись! Слышит вся печать!
А мы в ответ, допустим, примем меры,
Чтоб «Искандеры» тут не размещать...

ОБАМА *(в изумлении)*:

Мне как-то по фиг ваши «Искандеры»!

МЕДВЕДЕВ (*в отчаянии*):

Я говорил, что ты на нас кладешь!

Как царствовать в таких пределах узких?!

Скажи уж, что хотя бы этот дождь

Устроил я!

ОБАМА (*подумав*):

Ну ладно. Дождь — от русских!

108

Всё в Тине

Тут кое-кто распространяет враки —
Мол, русским век свободы не видать,
А между прочим, будет Канделаки
В Общественной палате заседать.

Ведущая программы «Самый умный»
С грузинским темпераментом в очах,
Которая по части жизни шумной
Опередила Ксению Собчак,

Своим явленьем доказать смогла ты
(О чем и так писало большинство),
Что сущностью Общественной палаты
Был шоубизнес, только и всего.

В родном пространстве, зябнущем и сером,
Всё это — затянувшийся ситком,
Игра «Кто хочет стать миллионером»

С прожектор-перис-хилтонским видком.

Я мало удивлюсь, прошу прощенья, —
В сиянии браслетов и колец
Узрев тебя министром просвещения,
А то и замсуркова, наконец.

Пока же мы любуемся картиной,
Как наша власть с премьером во главе,
Со всех сторон облепленная Тиной,
Играет в ящик с надписью «ТВ».

109

Рулевой

Сцена изображает кабинет Путина в Белом доме. Перед ним на ковре стоит Д. А. Медведев

МЕДВЕДЕВ:

В России кризис, всё хреново,
От тяжких дум теснится грудь...
Утешь меня хоть чем-то, Вова,
Дай порулить хоть чем-нибудь!
Текущий год напрасно прожит,
Хана и курсу, и рублю...
Меня одно утешить может —
Что я хоть чем-нибудь рулю!

ПУТИН:

Ты на меня проблем не вешай.
И так бунтует кабинет...

МЕДВЕДЕВ:

Ну хоть политикою внешней!

ПУТИН:

Давно сказал тебе, что нет!

МЕДВЕДЕВ:

Да мне ведь многого не надо.

Нужна преемственность элит!

Хоть малость самую, хоть нано...

ПУТИН:

Нет, там Чубайс уже рулит.

МЕДВЕДЕВ:

Уже моя команда ропщет!

Я юн, конечно... Ну и что ж?

Когда бы мне бомбардировщик...

110

ПУТИН:

Ещё чего! Бомбить начнешь.

МЕДВЕДЕВ:

Ну как при этом скользком типе

Бороться с натиском ворья?

Ну, хоть на танке... хоть на джипе...

ПУТИН (*холодно*):

На джипе, Дима, езжу я.

МЕДВЕДЕВ:

Хотя б чего-нибудь, но дай нам!

У нас ведь общий каравай!

ПУТИН (*ехидно*):

Не хочешь порулить комбайном?

МЕДВЕДЕВ (*обескураженно*):

Комбайном? Свёклу?

(*Махнув рукой*):

Ну, давай!

111

Резервист

*Сцена изображает кремлевский кабинет
Дмитрия Медведева. Перед ним,
вытянувшись во весь баскетбольный рост,
стоит министр юстиции Александр Коновалов.*

МЕДВЕДЕВ (*раскрывая «Независимую газету»*):

Зачем я вас зову на этот раз?

Причина, милый друг, незаурядна.

Вот пишут... я хочу назначить вас

Главой администрации.

КОНОВАЛОВ (*машет рукой*):

Да ладно!

МЕДВЕДЕВ:

Мне тоже странно это перечесть.

Уже и повторили по «Свободе»!

У нас же там как будто кто-то есть?

КОНОВАЛОВ:
Нарышкин вроде...

МЕДВЕДЕВ:
Что-то в этом роде.
Но если обсуждает вся печать,
Что я намерен вас поставить первым, —
Что сделаешь. Придется назначать.

КОНОВАЛОВ:
Зачем?!

МЕДВЕДЕВ:
Займетесь кадровым резервом.

112

КОНОВАЛОВ:
О чёрт. Во мне напрягся каждый нерв.
Я был и так работой перегружен...
А что, вам нужен кадровый резерв?

МЕДВЕДЕВ (*нерешительно*):
Не думаю. Но пишут, будто нужен.

КОНОВАЛОВ:
А кто имеет шанс туда попасть?

МЕДВЕДЕВ:
Да кто угодно. Дело не во вкусе.
(*Понижает голос*):
Я вами, пишут, укрепляю власть...

КОНОВАЛОВ (*тревожно*):

А что, она шатается?

МЕДВЕДЕВ (*пожимая плечами*):

Не в курсе.

Там Ремчуков, скажу вам тет-а-тет,

Он знает всё. Но главная досада:

Тут пишут, будто ваш приоритет —

Победа над коррупцией.

КОНОВАЛОВ (*умоляюще*):

Не надо!

МЕДВЕДЕВ:

Я сам не знал — какого бы рожна

Бороться с тем единственным, что как-то

Работает. Нам всем она нужна.

Но пишут! Не переть же против факта?

Я подпишу указ своей рукой.

113

КОНОВАЛОВ:

Да я-то что... Конечно, воля ваша...

Но смысл-то в этом, собственно, какой?

Не пишут там?

МЕДВЕДЕВ (*просматривая газету*):

Увы. Не пишут, Саша.

Три богатыря

Московскую гордому осмотрев
И для себя не обнаружив места,
СР, ЛДПР, КПРФ
Покинули парламент в знак протеста.

Не принимая чрезвычайных мер,
Но не смирившись с этим прецедентом,
СР, КПРФ, ЛДПР
Потребовали встречи с президентом.

Им из Пекина высказал премьер
Недоуменье, как директор в школе:
— КПРФ! СР! ЛДПР!
Вы что, ребята? Вы серьезно, что ли?

Но, временно немного забурев,
Ушли от сопалатников отсталых
СР, ЛДПР, КПРФ,
Хоть ВВП послушными считал их.

114

Они ушли, суля под нос себе
Озвучить неприятные детали:
— В СССР во время КГБ
И то честней на выборах считали!

Выходит, взяли нас на разогрев
И выбросили, не скрывая фальши!
СР, ЛДПР, КПРФ
Сопят, не зная, что им делать дальше.

Поднять народ на митинг, например?
Политику вернуть на камни улиц?
ЛДПР и верная СР
Подумали немного — и вернулись.

А там, глядишь, с протестом прогорев,
Брыкаясь, как усталая кобыла,
Вольется в их ряды КПРФ,
И всё у них останется, как было.

СР, КПРФ, ЛДПР!
Смиритесь, блин, и возвращайтесь смело.
Для тех, кто дал себе отрезать «...»,
Жалеть о волосах — пустое дело.

115

Брат Сильвио

Один Берлускони — наш истинный друг,
Готовый всечасно отстаивать с бою
Поставки российского газа на юг
И пылкую дружбу с российской трубойю.

Судами задавлен, врагами тесним,
Он с Путиным дружит, беспечно болтая,
У всех на глазах обнимается с ним
И лазает с ним по чащобам Валдая.

Пусть пишут, что руки его нечисты
(В Италии нет с журналистами сладу),
Он это признает, не прячьась в кусты,

Да это и видно по первому взгляду.

Ах, если в Италии взятку не дашь —
Не скажется слово, не сдвинется дело,
И в этом он тоже проверенный, наш,
И мы его стиль одобряем всецело.

Да что там! Из прочих премьеров один
Он как-то возлюблен отечеством сразу.
По сути, он истинный наш гражданин,
Что предан коррупции, Путину, газу.

Он всё нам простит за нефтянку и газ,
Он ангел почти на обамовском фоне,
И всех россиян образцовых у нас
Лишь двое сейчас — Берлускони
И Кони.

116

Майор на миг

*Сцена изображает кабинет Владимира Путина.
Перед премьером отчитывается министр
внутренних дел Рашид Нургалиев.*

ПУТИН:

Твой контингент ужасно распустился.
Один Дымовский — кажется, майор —
Ко мне вот так вот прямо обратился,
Как будто я полковник до сих пор!

За это я сажать его не буду,

Но ты бы объяснил своим бойцам...
Он говорит, коррупция повсюду.
Он думает, что я не знаю сам?

Я не люблю майоров многословных.
Ну, жалуйся, но как-нибудь в тени.
Он говорит: сажают невиновных.
А где их не сажают, извини?

Про это всем известно, даже в школе,
Про деньги тоже ясно и ежу,
Но ты устрой у них проверку, что ли.

НУРГАЛИЕВ: Уже устроил! Можно, доложу?

ПУТИН:

Я рад, что ты такой оперативный.
Мне симпатичен твой служебный пыл.

НУРГАЛИЕВ:

Майор Дымовский — глупый и противный,
Развратничал и очень много пил.
Он связан с педофилами, террором,
Бежал от алиментов и суда.

117

ПУТИН: И как такой противный стал майором?

НУРГАЛИЕВ (*не теряясь*):

Майором он и не был никогда!
Сойдя с ума — от блуда, от вина ли, —
Он жалуется всем который год.
Его четыре раза увольняли,

На пятый он обиделся — и вот...

ПУТИН:

Да, хорошо, что он погрязнул в блуде.
Но что у них за люди в УВД?

НУРГАЛИЕВ:

Прекрасные, проверенные люди!
Святые, в общем, люди! Как везде!
Они ему сказали, что нельзя так,
Что он оклеветал опасный труд.

Там не берут ни бонусов, ни взяток
И невиновных тоже не берут!

ПУТИН:

Какие парни! Право слово, любо.
Их славно воспитал советский строй.
Ещё вопрос по поводу «Ю-туба»*:
Уж ты его, пожалуйста, прикрой.

Страна уже пузырится от счастья,
Узрев во мне всеобщего отца,
А если каждый будет обращаться...

НУРГАЛИЕВ: Уже прикрыл!

ПУТИН: Спасибо. Молодца.

*Сцена изображает Георгиевский зал
Большого Кремлевского дворца.
Дмитрий Медведев выступает
с посланием Федеральному собранию.*

МЕДВЕДЕВ:

Товарищи! Развитие наше вяло.
Плывем мы, как корабль без парусов.
В Отчизне инноваций очень мало,
Зато ужасно много поясов.

*(Общее недоумение. Медведев отрывается
от текста, вдохновенно импровизируя.)*

Я много думал, граждане, об этом.
Страна у нас длинна, как колбаса.
Я поглядел, прислушался к советам...
Да ну их на фиг, эти пояса!
Их как-то не представишь, не упомнишь...
Неравенством измучена страна.
Допустим, на Камчатке вечно полночь.
Как радио включаю — всё она!
Обидно же! Вдобавок я считаю,
И в том со мной согласно большинство,
Что следует прислушаться к Китаю:
Там время лишь одно, и ничего!
Мне очень ясно видится отсюда,
Что в этом и скрывается ответ,
Что их экономическое чудо
Зависит лишь от пояса...

ПУТИН (*из первого ряда, шепотом*):

Медвед!

Ты что несешь? Скандал на всю планету!

Ты порешь ахинею полчаса!

119

Я написал тебе, что денег нету

И пусть страна затянет пояса!

МЕДВЕДЕВ (*заглядывая в текст*):

А... да... на самом деле что-то вроде...

Но, собственно, на стадии такой —

Скажи, какая разница, Володя?

ПУТИН (*безнадежно*):

Да, в общем, никакой. Махну рукой.

МЕДВЕДЕВ:

Ну вот. Я убеждаюсь не впервые,

Что цел тандема нашего костяк.

Товарищи! Затянем часовые,

А прочие затянутся и так!

(*Аплодисменты.*)

120

Медвед и Гус

*Сцена изображает кремлевский кабинет
Медведева. Дмитрий Анатольевич и Гус
Иванович пьют горькую после пролета
в Словении.*

МЕДВЕДЕВ:

Ты опустил меня морально.
Ты обокрал меня, как тать.
Туда летел я специально...

ХИДДИНК:
Не надо было прилетать.

МЕДВЕДЕВ:
Я о тебе, о троглодите,
Получше думал, как на грех.
Я думал: вы же победите
И это будет мой успех.
А ты меня подставил, Хиддинк!
Тебе понятно самому?
За это дело, по kidding*,
Тебя я с должности сниму!

ХИДДИНК:
Снимай меня откуда хочешь,
Пускай я крупно огребу,
Но этим самым напророчишь
Себе такую же судьбу.
И твой приход сопровождали
Надежды среднего звена;
И от тебя немало ждали —
И не дождались ни хрена.
Предположу в порядке бреда,
Что ты услышишь в свой черед —

Вот, мол, при Путине победа,
А при тебе лишь крик «Вперед!»

МЕДВЕДЕВ:

Да, это очень вероятно,
Хотя я страшно берегусь...
Но это будет неприятно!
Скажи, чего мне делать, Гус?!

ХИДДИНК:

Ах, суть вещей непобедима,
И я сказать не премину:
Менять команду надо, Дима.
А по возможности — страну.
Я старый воин и помятый,
И это мой тебе совет:
Нельзя выигрывать с командой,
Где мотиваций больше нет.
Иначе близок час расплаты —
И кризис, и потомков суд,
И никакие Адвокаты
От их оценки не спасут.

МЕДВЕДЕВ:

Я знаю сам, что всё в развале.
Никто не ждал судьбы иной.
Тебя в Нигерию позвали,
А мне куда?

ХИДДИНК:

Айда со мной!

Вещий Олег

Из мудрецов, авгуров и халдеев,
Руливших телевиденьем в стране,
Один Олег Борисыч Добродеев
К полтиннику остался на коне.

Он в НТВ работал в девяностых
И ампула стяжал новостника
(Тогда у нас, при ельцинских прохвостах,
Ещё имелись новости пока).

Но ужиматься начал частный сектор —
Такой исход, по сути, предreshен, —
И угадав печальный этот вектор,
Он на канал «Россия» перешел.

Он и на нём остался славным малым,
Кумиром журналистов всех мастей:
Быть надо суперпрофессионалом,
Чтоб делать «Вести», если нет вестей.

Не зря истфак закончил Добродеев.
Он понимает: нрав России крут,
Нет у неё героев и злодеев,
А есть один нерасторжимый круг.

Гусинский-бес и Березовский-демон
Сорвались на недавнем вираже,
А Добродеев делает, что делал,
Хотя и делать нечего уже.

Взамен свободы слова — жирный прочерк.
Страна впряглась в привычное тягло...
Историк он! И знает лучше прочих,
Что быть иначе здесь и не могло.

123

Любой прогресс в Отечестве нестойк,
Все бредни либеральные — мура.
Здесь будущее знает лишь историк.
Олег Борисыч, с праздником. Ура.

Сейчас ТВ трепещет, как осинник,
Тандем его, по сути, доканал...
Желаем вам прожить ещё полтинник —
Тогда страну возглавит Подрабинек,
А вам придется, славный именинник,
Возглавить независимый канал!

Сон папы

Сцена изображает Ватикан.

ПАПА РИМСКИЙ (*один*):
Достиг я наивысшего этапа,
Я воссиял превыше всех светил,
Я всё могу — на то я римский папа —
И только одного не воплотил.
В моем пути, расчисленном и славном,
Исполнились заветные мечты,
Но если б пообщаться с самым главным!

*(По кабинету разливается сияние,
в нем появляется Некто).*

124

Не может быть! О Боже, это ты?
Ей-ей, такое чудо беспримерно!

НЕКТО:

Да, это я. Перед тобою тот,
О ком никто не знает достоверно,
Но от кого любой чего-то ждет.
Во мне начала все и все финалы,
Мужчинам я отец, для дев — жених,
Я знаю всё, я подаю сигналы,
Но сам не расшифровываю их;
Я делаю порою заявленья —
В них не проникнуть среднему уму;
Шестая часть земного населенья
Мне верит так, как больше никому!

ПАПА:

В твоём явленье нечто роковое
Мне видится. Боюсь глядеть вперед...

НЕКТО:

Нет-нет, я добрый. Нас вообще-то двое,
Я как бы добр, а он наоборот...

ПАПА:

Я так и знал! Явление Мессии!
Блаженство разливается в груди!
Входи, входи!

НЕКТО (*скромно*):
Я президент России.

ПАПА (*со вздохом разочарования*):
Какой облом! Ну ладно, заходи.

125

Возвращенцы

Ужасна мнительность поэтава:
Я опасался, господа,
Что чудо-памятника этого
Мы не увидим никогда
И что в конце две тыщи третьего
Снимали этот монумент,
Не чтоб слегка переодеть его,
А чтобы отразить момент.
Что вас, рабочий и колхозница,
Не будет больше ни черта,
А будут только Опт и Розница,
Идиотизм и Нищета;
Что нам поставят ради символа
Взамен труда, что заклеямен,
Кого-нибудь невыносимого
Из наших нынешних времен:
К примеру, сутенера шлюхина
В обнимку с жрицей dirty love*,
А ваш шедевр, товарищ Мухина,
Отправят тихо в переплав.

С годами бросил сомневаться я,

Что всё в России так и есть:
Подзатянулась реставрация
Сперва на год, потом на шесть,
И всё гламурное величие
Не избавляло от греха:
То постаumenta нет в наличии,
То сталь окажется плоха...
Казалось — что мне до железа? Но
Жить становилось всё грустней:
Ведь не колхозница разрезана
На сорок сваленных частей,
Ведь не рабочего фабричного
Свезли, от глаза схороня,

126

А всё, что было тут приличного
Из окружавшего меня.
Короче, я, прошу прощения,
Все эти годы в аккурат
Не верил в ваше возвращение,
А вы вернулись. Как я рад!

Смешна восторженность поэтава,
Но я сегодня верить стал,
Что вы вернетесь после этого
Не только, блин, на пьедестал,
А в этот мир на грани гибели,
В котором накренилась ось:
С тех пор, как вы отсюда выбыли,
Тут много дряни развелось.
Вернитесь в эту жизнь угрюмую,
Добейтесь выстраданных прав...
А остальные — так я думаю —

Пускай пойдут на переплав.

* *грязная любовь* (англ.)

127

Битый Сильвио

*Сцена изображает кабинет Сильвио Берлускони.
Итальянский премьер, весь в зеленке, разговаривает с
руководителями России
по прямому проводу.*

БЕРЛУСКОНИ (*рыдая*):

Прикиньте, блин: ударил прямо в нос
И выбил зуб — такая вышла бойня!
Во-первых, унизительно до слез,
А во-вторых и в-главных, очень больно.
У всей Европы, сволочь, на виду!
При всей моей охране знаменитой!
Теперь же, блин, куда я ни приду,
Все сразу скажут: вот пришел побитый!

ПУТИН:

Советую в ближайшие же дни
С крутой мерой выйти на экраны.
Ты выборы сначала отмени...

МЕДВЕДЕВ:

Нет, ты уволь начальника охраны!

БЕРЛУСКОНИ:

Начальник-то, конечно, обречен,

Он оказался полным раздолбаем...
Но я не понял: выборы при чем?

ПУТИН:

У нас как что — мы сразу отменяем.

БЕРЛУСКОНИ:

Какой позор, друзья, какая боль!
Теперь и власть уже не так мила мне...

128

МЕДВЕДЕВ:

Так ты ещё кого-нибудь уволь!
Устрой им там как следует в Милане!
Уволить всю полицию — не грех,
Такой вопрос иначе нерешаем.
Я как чего — снимаю сразу всех...

ПУТИН:

А мы ещё тарифы повышаем.

БЕРЛУСКОНИ (*растерянно*):

Какая связь?

ПУТИН:

Конечно, связи нет,
И пресса это тоже отмечает,
Но подними тариф на газ и свет —
Больному зубу сразу полегчает!

МЕДВЕДЕВ:

А лучше к нам езжай! У нас уют,

Повсюду пицца, мафия и паста...
Премьеров никогда у нас не бьют!

ПУТИН:

У нас свергают сразу. Но не часто.

129

Юбилейное

*На 130-летие отца народов и лучшего
друга физкультурников*

Товарищ Сталин был, конечно, глыба,
Гигант и вообще герой труда,
И я хочу сказать ему спасибо —
В кавычках, да, и с оговоркой, да,
И не за то, что любят макашеры
И прочих баркашовых легион,
Крича, что было очень хорошо бы
Вернуть его и всё, что делал он.
Не за ГУЛАГ, не за полвека страха,
Не за портрет, где трубкой он дымит,
Не за террор, что стал залогом краха
Всех помыслов его и пирамид,
Не за года, когда в садистском раже
Топтал он волю дедов и отцов,
Не за метро, не за победу даже —
Не он же победил, в конце концов,
Не за парад военный и спортивный,
Который так любило большинство,
И не за пресловутый эффективный
Неэффективный менеджмент его,

Не за народ, покорный, как корова,
Не за дружков угодливую прыть,
А лишь за то, что Сталина второго
Не будет здесь, да и не может быть.

Не потому, увы, что страшный опыт,
Весь мир без исключения породив,
При повторенье породил бы опыт,
А то, глядишь, и социальный взрыв, —
А потому, что, правящий без правил,
В палаческом угаре ножевом,

130

Он гниль сплошную по себе оставил,
И в этой гнили мы теперь живем.

В ней могут быть и бездари, и воры,
Державный тон и недержавный вид,
Пустые дни, пустые разговоры,
Распад всего, что кое-как стоит,
Начальники, которых не уволишь,
Элита, у которой нет стыда,
Владим Владимыч, Дмитрий Анатольич...

Но Сталина не будет никогда.

131

Китайская элегия

С эвфемизмами

В июле сотрясся российский суглинок

И перекопился родной окоем:
Внезапно закрылся Черкизовский рынок,
И выгнали всех, кто работал на нём.
С чего начинался раздор исполинов?
Когда переполнилась чаша грешков?
Не слишком ли громко кутил Исмаилов,
Не слишком ли долго у власти Лужков?
Не важно. Сказал же однажды Коковцев,
Что каждый в Отечестве каждого ест...
А важно, что тыщи китайских торговцев
Лишились торговых насиженных мест.
Хватило единого царского слова,
Единого выдоха царской груди —
Сто тысяч китайцев без пищи и крова
Разводят руками Москвы посреди.
Хоть прачечных сотню открыть по старинке —
Но кончилось время ручного труда...
Они бы пошли на соседние рынки —
Но их не пускают таджики* туда...
Была им малина, а стала мякина.
И не на что выслать несчастных, прикинь!
Сто тысяч китайцев — ничто для Пекина,
Но тут озаботился даже Пекин.
В Москву полетела смущённая нота:
Простите, товарищи, так же нельзя!
Пусть вам не нравится наша работа,
И наши товары, и наши глаза;
Мы видели много ужасных картинок,
Которые вы рассылали вовне,
Мы верим, что этот злокозненный рынок —
Оплот беззакония в вашей стране,

Там чумка, холера и грипп амазонский,
 И несколько тонн контрабандных вещей;
 Там прячутся, верно, Борис Березовский,
 Закаев, Чичваркин, Яга и Кащей;
 Китай уважает правителей грозных,
 И нации нужен суровый отец,
 Но несколько тысяч китайцев бесхозных —
 Простите, товарищи, это переходит всякие

границы!

Куда им — понять наши высшие цели.
 У нас интерес поважнее мошны.
 У нас миллионы своих не жалели,
 Когда по Отчизне кампании шли.
 Великая нация желтого цвета,
 Ты помнишь ужасное слово «ЧК»?
 А если вам легче, считайте, что это
 Российский аналог Большого скачка.

И так как наличие принципов общих
 Бесспорно в последнюю тысячу лет —
 Китай для приличья, конечно, поропщет,
 Но после смирится. Ведь выхода нет!

И скоро, уверившись в новом обломе,
 Пойдет по России в мороз и туман
 Предсказанный Кашиным в первом альбоме**
 Отряд безлошадных китайских цыган.
 Отправится странствовать желтое племя.
 Кочевников любят у нас искони.

Нуждается в символе каждое время —
И символом нашего будут они.
Печально посмотрят родные березки,
Пахучий ковыль, колосющийся хлеб —
На то, как скрипучие эти повозки
Китайский везут по Руси ширпотреб.

133

В российской простой, всевбирающей жизни
Начнут приживаться степные гонцы;
Под песни о дальней китайской Отчизне
Привыкнут рыдать в ресторанах купцы;
Они завоюют любой полустанок
Гаданьем по Книге крутых перемен;
Гусары начнут похищать китайянок,
Артисток китайского театра «Ромэн»...
Угрюмый пропойца с богатым зазнайцем,
Пропившись до нитки в столичном «Апшу»,
Воскликнут под утро: «Поедем к китайцам!» —
Под стон «Невечерней» уткнуться в лапшу...
В какой-то момент, никому не известный,
А всё ж неизбежный, кого ни спроси,
Скрестится бродячий народ Поднебесной
С подпольным, подземным народом Руси.
Хватает безлюдных у нас регионов.
Единством судьбы наш союз осиян:
Сто тысяч китайцев — и сто миллионов
Таких же ненужных стране россиян.
Мы можем питаться одним «Дошираком»,
Довольствуясь водкой и скромным жильем.
Когда нас поставят начальники раком,
Мы это устойчивой позой зовем.

Нас долгие годы роднит безответность,
Привычка к лишениям под красной звездой...
В России родится такой суперэтнос,
Что Штатам придется накрыться окончательно.

И знаком слияния двух половинок,
Гордящихся новым народом своим, —
Застынет безлюдный Черкизовский рынок,
Пустынный и круглый, что твой Аркаим.

* *Варианты: узбеки, кавказцы, etc.*

** *«Песня китайских цыган» с альбома
«По небесным грядкам».*

134

ЧеТВерка смелых

*Сцена изображает студию в «Останкино».
Руководители трех главных каналов берут
интервью у президента России.*

МЕДВЕДЕВ:

Сейчас вам тут вопросы принесут,
Они хотя и острые, но в рамках.

Вносят вопросы.

ДОБРОДЕЕВ (*читает*):

«Слыхали ль вы, что есть Басманный суд?»
Не буду!

МЕДВЕДЕВ (*с досадой*):

Детский сад, штаны на лямках.

Чего вы так боитесь, РТР?
Что от вопроса рухнет телебашня?
Сам президент — заметьте, не премьер —
Вам разрешил!

ДОБРОДЕЕВ:
Я не могу, мне страшно.

МЕДВЕДЕВ:
У всех сегодня цензор в голове.
Свобода, братцы, лучше несвободы!
Ну, пусть об этом спросит НТВ:
Вы были так храбры в иные годы!

КУЛИСТИКОВ:
«Слыхали ль вы, что есть Басманный...» Нет!
Я не могу! За что нам это счастье?!
Мы всё-таки молчали десять лет —
Нельзя же так вот, сразу, в одночасье!

135

МЕДВЕДЕВ:
С души воротит от таких картин.
Все ползают по властным коридорам!
Хоть вы тогда спросите, Константин, —
Ведь вы когда-то были матадором!

ЭРНСТ (*слегка ерзая*):
Ну да, я был... Но это ж не сейчас!
А эта ваша просьба, извините...

МЕДВЕДЕВ (*сурово*):
Базар фильтруйте. Просьбы есть у вас.

У нас — приказ. Он высечен в граните.
Кто думает иначе, те сосут.
Решайтесь, Костя, как во время оно!

ЭРНСТ (*дрожащим голосом*):
«Вы слышали, что есть Басманный суд?»

МЕДВЕДЕВ (*с достоинством*):
Да, это суд Басманного района.

Немая сцена. Занавес.

136

Путеводительское

Привет тебе, Барак Хусейн Обама,
Иль попросту Барак, для простоты.
Прости, что я на ты вот так вот прямо.
Ты тоже можешь быть со мной на ты.
Мы в курсе, что у этих ваших Штатов —
Куда я скоро в гости соберусь —
Имеется довольно много штампов
Насчет страны с названьем кратким Русь.
Чтоб ты представил быт далеких россов,
Я подготовил список из пяти
Обычно задаваемых вопросов
И правильных ответов. Захвати.
Где нервы вам империя трепала —
Сейчас разверзлась черная дыра.
У вас о русских судят как попало,
А всё сложнее раза в полтора.

Начнем с того, что злобные соседи
Разносят слух (Европа ли, Орда) —
Как будто здесь на улицах медведи.
На улицах — отнюдь, а в Думе — да
Не верь, однако, их ужасной славе,
О коей все кричат наперебой:
У вас слоны сражаются с ослиами,
У нас медведь един с самим собой,
И по всему тверскому околотку
Бежит в испуге мелкое зверье...
Вот штамп другой: у нас тут любят водку.
Не любят, нет. Но как тут без неё?
Не усмотри, пожалуйста, лукавства
Или насмешки в пьяном кураже —
Мы пьем её как горькое лекарство,
А то с ума бы спрыгнули уже.

137

От многих советологов ученых
Доносится и вовсе ерунда —
Что будто бы у нас не любят черных.
Своих не любят, нет, а ваших — да.
В любом своем прорыве и провале,
В бесчисленных страстях родной земли
За то, что ваших негров линчевали,
Мы снова уважать себя могли.
Ты будешь ощущать себя как дома,
Все будут сострадать тебе притом —
У нас тут все жалели дядю Тома,
Живя стократ страшней, чем дядя Том.

Наверное, среди переполоха

Российских либералов меньшинство
Успеет крикнуть: «Здесь ужасно плохо!».
Так ты не верь. Всё, в общем, ничего.
Конечно, этот кризис бьет по нервам,
И кое-кто попал под колесо,
Но, знаешь, по сравненью с сорок первым
(А с ним у нас тут сравнивают всё)

Любая ситуация бледнеет.
Наш социум устроен по уму:
Элита никогда не обеднеет,
А прочие привыкли ко всему.
Стабфонда, может, хватит на полгода,
Воды у нас опять же по края...
Ты, может, спросишь: где у нас свобода?
Свобода есть, у каждого своя.
У нас — свобода лаяться свободно
О власти, о кинжале и плаще;
У них — свобода делать что угодно:
И с тем, кто рот открыл, и вообще.
Такой свободы даже слишком много,
Тут ею всё буквально залито, —

138

А то, что телик врет, так ради Бога.
Его давно не слушает никто.

С тревогой подхожу к другой проблеме,
Воистину проблеме всех проблем.
Тут говорили, что у нас в тандеме
Старшой — злодей, а младший — не совсем.
Оставь свои наивные идеи,

Задумайся о чём-нибудь ином.
Они в тандеме оба не злодеи,
И сам тандем, признаться, не бином.
Наверное, иной застынет немо,
Но ты поймешь. Усвой себе одно:
У нас тут всё по принципу тандема,
Поскольку у всего двойное дно.
Страна глупа, но в ней ума палата;
Не ценит слов — но ценит сильный жест;
Страна бедна — однако так богата,
Что никогда никто её не съест;
Страна слаба — и всё ж непобедима;
Страна плоха — и всё же хороша,
И наш тандем, не будь я Быков Дима, —
Орел и решка одного гроша.

На аверсе у нас орел двуглавый,
На реверсе — практический расчет,
Но ты не обольщайся громкой славой,
Что между них конфликт проистечет.
Ты давеча заметил о премьерe —
Мол, в прошлом он стоит одной ногой,
Но борется с собой по крайней мере
И в будущее топает другой.
Премьер не стал глотать твою подначку
И солоно заметил, как всегда,
Что мы стоять не можем враскорячку —
Одной ногой туда, другой сюда...

Не стану подражать ехидным рожам,
Что прекословят лидерам своим, —

Но на ухо шепну, что очень можем
И, если честно, — вечно так стоим.
В ней наш ответ на вызовы, угрозы,
На вражеские шашни и клешни...
Устойчивее шаткой этой позы
Мы ничего покуда не нашли.
Раскусишь эту главную задачку —
И всё предстанет ясным, как пятак.
Ты не сумел бы править враскорячку —
А здесь, в России, можно только так.

Услышав краткий мой путеводитель,
Который я вручить не премину, —
Ты скажешь нам: ребята, не хотите ль
Покинуть эту странную страну?
Ведь это не Отечество, а бездна,
Болотный газ, беспримесная жесь...
А я скажу, что нам она любезна,
Причем такая именно, как есть.
Какая ни угрюмая, а мама.
Так любят невезучую семью.

И Родину свою, мой друг Обама,
Мы б не сменяли даже на твою.
Мы любим наши розвальни, разливы,
Расхристанность, расплывчатость в судьбе,
И сверх того мы очень терпеливы.
Но если скажет кто-нибудь тебе,
Что будет вечным это время срама,
Разврата и бессмысленных потерь, —
То ты не верь, пожалуйста, Обама.
И я не верю, брат, и ты не верь.

Защитительное

Виктору Баранцу, с искренним состраданием

Везде — от кухонь до шалманов,
От МВД до ФСБ —
В героях дня теперь Шаманов.
И хорошо, и пусть себе!
Во всех изданиях, без изъятия,
Склоняют воинскую честь...

Но тесть, вступившийся за зятя, —
В конце концов хороший тесть!
В реалиях российских склизких,
Где всюду беспредел такой,
Любой вступается за близких
Всем, что найдется под рукой.
Могу наглядно доказать я,
Что так бывало с давних пор:
Обидят плотницкого зятя —
Берется плотник за топор;
Обидят зятя педагога —
Поставит двойку педагог,
Да что искать? — примеров много.
Найдись предлог — и, видит Бог,
Мы все ухватимся, по праву
Горячих родственных сердец,
Маньяк компьютерный — за «клаву»,
Мясник — за мясо, наконец...
Да что ж мы, дочек обесчестим,
Презрев заслуженную месть?

И сам я скоро стану тестем,
И стану весть себя как тесть —
Схвачу стопу своих романов
И стану грозно потрясать...
Что под рукой имел Шаманов?
Он под рукой имел десант.

141

Он порезвиться мог и сам там,
Поукрашать видеоряд, —
Но ограничился десантом,
И пусть спасибо говорят.
К тому ж, благодаря помехам
(Должно быть, кто-нибудь нажал),
Десант туда и не поехал,
И Целипоткин цел, а жаль!
Как всполошили б эту шоблу!
(Бандитов видно за версту.)
Какое было б «Маски-шоу» —
Не хуже «Масок» на «Мосту»!
Да ясно ж: эти все копанья
В поступках важного лица —
Одна огромная кампанья
Дискредитации бойца.
Возню разнузданную эту
Легко с заказчиком связать.
А то проблем в России нету
Важней, чем этот самый зять?
Хватает геев, наркоманов —
А для сомнительных писак
Теперь мишенью стал Шаманов,
И это всё не просто так.
Один из лучших командиров,

Отчаянная голова...
Вам больше нравится К*?
Альтернатива такова!

И, наконец, о самом главном.
Неважно — шурин, зять, свояк...
Откуда вам, шпакам** бесславному,
Известны замыслы вояк?
Вот Целипоткин думал робко,
Что цель была — его побить...
А может, это тренировка?
Игра штабная, может быть?

142

Войну представить мировую
Легко на улицах Москвы.
За подготовку боевую
Он отвечает, а не вы!
Вам план неведом целокупный!
А может, это был тренаж?
А может, этот Целопупкин —
Противник вероятный наш?
Вдобавок всё осталось цело...
Не забывайте, господа:
Переговоры офицера
Нельзя печатать никогда.
Сейчас страна на всё начхала,
Не приняла особых мер, —
Но если вам пришлют начштаба
Переговоры, например?
Совет он, скажем, адъютанта
И заявляет визави:
Пусть будут Аня, Милка, Танька,

Катюшу тоже позови,
Возьмешь «Пшеничной» сколько надо
И коньячку бутылок шесть,
И колбасы, и шоколада,
Чтоб было что-нибудь поесть.
В газетах будет столько гама,
Как будто воеет пьяный панк!
А если это шифрограмма,
Где «Милка» — МиГ, а «Танька» — танк?
«Катюшу» объяснять не надо
Тому, чья варит голова;
«Пшеничная» — синоним «Града»,
Коньяк — ракета «Булава»!
И где ваш пафос вдохновенный,
И те слова, и вопли те?
Любому ясно, что военный
Не скажет слова в простоте.

143

Проконсультируйтесь с Генштабом:
Ему секретность дорога.
Мы говорим — пойдем по бабам,
А это значит — на врага.
Не придирайтесь к нашим фразам!
«Спасите зятя», — говорим,
А смысл — пожалуйста,
Абхазам пошлите пару субмарин.
Несите расшифровок горы —
Я их к печати не приму:
Военные переговоры
Не нужно слушать никому.
Ведь их скрывают не случайно

И не с какого-то рожна:
Военная окутать тайна
Военных замыслы должна.
Пускай военный озорует,
Пускай доходит и до драк,
И если даже он ворует —
То это всё не просто так!
Секретна цель его обманов.
Грозна его разборок высь.
Прошу вас, действуйте, Шаманов!

А ты, Муратов, разойдись!

** Автор следует рекомендациям президента
быть осторожнее.*

*** Шпак (воен., жарг., снисх.) — штатский
человек.*

144

Живописное

Премьер России съездил к Глазунову.
Нашел и для искусства время он,
Хотя его, как бабы Казанову,
На части рвет проблемный регион:
Там денег нет у «Русского вольфрама»,
Там пикалевцы стонут без штанов
Но он нашел минутку и для храма,
Где русской музе служит Глазунов.
Всё в галерее было глазу ново.
Задумчиво пригубив оранжад,
Премьер страны спросил у Глазунова:

«Вот тут лежат... А почему лежат?»
Художник, покосясь на лица свиты
И опасаясь чрезвычайных мер,
Шепнул: «Борис и Глеб... Они убиты»...

— Нет, это путь не наш, — сказал премьер. —
Подобный князь не может быть опорой
И обеспечить подданным уют.
Что это за тандем ещё, который
Лежит и ждет, пока его убьют?
Я слышал эту быль, листал анналы —
Тот инцидент печален и нелеп.
Борис был должен подавать сигналы,
Посадок добиваться должен Глеб...
Так было бы полезней им и людям.
Довольно слабаков и лизунов!
Пусть как хотят, а мы лежать не будем.

— И я не буду, — молвил Глазунов. —
Я тоже, если честно, чуял лажу,
Читая летописный тот рассказ...
Хотите, я их сразу же замажу?

145

— Нет, пусть лежат... А это что у вас?

Он подбежал своим премьерским бегом
К другому полотну. Смирная дрожь,
Художник молвил:

— Игорь-князь с Олегом...

— А это что за перочинный нож? —
Спросил премьер, указывая пальцем
На меч Олега, несколько косою. —
Таким ножом разделываться с салцем,
А если хватит денег — с колбасой.
Вы всё-таки подумайте, коллега.
Я понимаю, был бы он ничей...
Но это ж символ вещего Олега!
Сейчас не время маленьких мечей.
Меч должен быть такой, чтоб враг, покорен, Дрожал при
виде наших пацанов,
Чтоб если обрезать, то уж под корень...

— Я удлиню! — воскликнул Глазунов. —
Сегодня же, буквально до ночлега,
Он вырастет, как великанья кость,
Он станет больше собственно Олега!

— Попробуйте, — кивнул высокий гость.

— Да-да! — воскликнул мэтр подобострастный. — Какой
у вас прекрасный глазомер!
Ужасно глазомер у вас прекрасный...

— Да, он у нас тово, — сказал премьер.
И, видя, как для мэтра неземного
Священно всё, что вылетит из уст Начальственных, — он
имя Глазунова
Присвоил Академии искусств.

Под этим глазомером ножевым
И даже, если вдуматься, польщенным,
Но как-то не совсем уже живым.

Благодаря российскому премьеру,
Чьи жизненные принципы просты,
Мы, кажется, вступили с вами в эру
Особенного взгляда на холсты.
Он поглядит на вас, как анаконда,
И спросит вас: «Послушай, эрудит,
Вот это кто сидит у вас?» «Джоконда».
— «Скажи, а почему она сидит?
За что она посажена, а ну-ка-с?
Она налоги, может быть, таит?
Она, быть может, основала ЮКОС?»
— «Да вроде нет...» — «Тогда пускай стоит!
А то, подумай, новая манера —
Сидеть при первых лицах в двадцать лет...
А что тут рядом?» — «Спящая Венера».
— «А почему лежит? Работы нет?
Прикрыла срам и где-то там витает,
Подобная пресыщенной звезде...
У нас тут рук рабочих не хватает,
А эта держит руки черт-те где!
А это кто, с расслабленной походкой?»
— «А это Бахус, пьяный и нагой».
— «Нагой? А почему такой короткий?
Немедленно приделайте другой!
Назад втяните ваши возраженья,
Я объясню вам после, тет-а-тет:
Нельзя иметь во вражьем окруженье
Такой короткий суверенитет!»

И на скульптуру мы имеем виды,
И Церетели надо обязать
Убрать повязку, скажем, с глаз Фемиды,
Но рот заткнуть и руки ей связать.

147

Все меры будут спешны и недолги,
Но нам нельзя без резких перемен...

И не забудьте «Бурлаков на Волге»
Назвать «Россия, вставшая с колен».

Наценочное

Наша Родина — вечный подросток —
Верит на слово только царю.
Я недавно зашел в «Перекресток» —
Очень дорого всё, говорю!
Вы бы тактику, что ли, сменили —
С населением надо добрей:
Килограмм охлажденной свинины
Продается за двести рублей.
И хоть я не Гайдар и не Ясин,
И умом недостаточно крут —
Механизм до обидного ясен:
Перед нами торговый накрут.
Опустите вы цены, ребята,
На холодных своих поросят,
Некошерную плоть, как когда-то,
Продавая по сто пятьдесят!
Продавщица, не празднуя труса,
Отвечает, горда и тверда,

Что пошел бы я в «Азбуку вкуса»,
А могу и подальше куда.

148

И потопал я, солнцем палимый,
Напевая трагический марш:
Ведь не будут же с Быковым Димой
Согласовывать цены на фарш!
Пусть он пишет, румян и беспутен,
В окружении муз и харит...

Но потом к ним отправился Путин —
Очень дорого всё, говорит!
Мы же в крепости, блин, осажденной,
Нас не любит никто, хоть убей,
А свинины кило охлажденной
Продается по двести рублей!
Улыбаясь, как внешний разведчик,
Что попал в разработку к врагу,
Кобаладзе как главный ответчик
Отвечает: «Понизить могу!»
Поглядев на исправленный ценник,
Как глядят на поганую слизь,
Удивительный наш современник
Дал команду: «Пожалуйста, снизь».
Покупатели крякнули немо,
Их глаза заблестели от слез:
Половиною лучшей тандема
Был решен наболевший вопрос!

Тем же вечером в ритме форсажа,
Чтоб не сделалось худшей беды,

В «Перекрестке» была распродажа
Уцененной премьером еды.
В магазине толпились до света,
Раскупая дешевую снедь:
Большинство понимало, что это —
Ненадолго и надо успеть.
В одобрении были едины
Даже те, что в инете тусят.

149

Килограмм охлажденной свинины
Продавался по сто пятьдесят.

Внешний мир после кризиса жёсток.
Я, однако, грущу об ином:
Почему он пошел в «Перекресток»,
А не в наш, например, гастроном?
Есть товаров значительный список,
Что особенно нравятся мне, —
Я успел бы молочных сосисок
Оторвать по премьерской цене...
Но не ради же собственно мяса
От обычных занятий своих
Я отвлекся, в течение часа
Сочиня пронзительный стих?
Километры о первом лице ведь
Сочинил я рифмованных строк:
Почему он сумел обесценить,
Что никто обесценить не смог?
Я в правительство камня не кину,
Но оно бесполезно вполне;
Он же только взглянул на свинину —

И она потеряла в цене!

Тут серьезным открытием веет.
Я открыл социальный закон:
Почему-то всегда дешевет
Всё, к чему прикасается он.
С девяноста девятого года,
По расчетам моим — с сентября,
Обесценились жизнь и свобода,
Уж о принципах не говоря;
Да и слово нисколько не весит,
И доверье к чужим голосам...
Не скажу, что меня это бесит,
Ибо я обесценился сам.

150

Сколько мышью по Сети ни кликай,
Не накликаешь вести иной.
Мы заснули довольно великой,
А проснулись дешевой страной.
Что ни скажешь — всё будет едино
Что ни сделаешь — будет мертво...

В общем, что ему, братцы, свинина?
Это семечки после всего.

Назначенческое

Только оппозиция Обаме,
Набежав в отдельный кабинет,
Молвила дрожащими губами —
Дескать, притесняют, мочи нет,

Дескать, и при Брежневе такого
Не было уже, прошу простить, —
Тотчас же назначили Суркова
Общество гражданское растить.

Экого я праздника дождался!
Тут и сомневаться не могли:
Кто у нас об обществе гражданском
Знает лучше, чём его враги?

Кто за ним следит многоочито?
Кто спешил добить его скорей?
Протестует вся правозащита,
Выгоды не чувствуя своей.

151

Мы пришли к серьезному итогу,
К радостному, в общем, рубежу.
Что вы протестуете, ей-Богу?
Радоваться надо, я скажу!
Это значит, что забрезжил выход,
Близко осыпание оков:
Разве делом, не сулящим выгод,
Стал бы заниматься сам Сурков?
Если он на это дело брошен,
А не на банальный нефтехим, —
Это дело выглядит хорошим,
А прогноз для органов — плохим.
Можно обсуждать его фигуру,
Но бесспорно, что его чутье
На родную нашу конъюнктуру
Минимум не хуже, чем моё.

Он служил когда-то в «Менатепе»,
После прессу стал сажать на цепь —
Видимо, уже ржавеют цепи,
Если он пошел в другую степь.
Может, он кому-то и противен
(Не везде же любят гордецов),
Но сказать, что он неэффективен,
Не сумел бы даже и Немцов.
Кризис, говорят, сулит напасти
Нашей вертикали — вери гуд:
Хорошо, коль менеджеры власти
В Хельсинкскую группу побегут.
Без репрессий им тяжеловато,
Как еврею трудно без мацы,
Но они нормальные ребята
(В тех делах, в каких они спецы).

Надо быть оравой остолопов,
Чтобы их ума не признавать.
Лишь представьте: если бы Андропов «Хронику»*
задумал издавать?

152

На него иные наезжают,
Попусту буравя сотней жал...
Он ведь лучше знал, кого сажают,
Потому что сам же и сажал!
Если бы в допутинскую эру
Эту диссидентскую орду
Возглавлял не Сахаров, к примеру, —
Я о нем и речи не веду, —
А рулил бы ими, подбоченясь,
Не испорчен близостью к трубе,

Сусловский лояльный порученец
Или назначенец КГБ,
Патриот со взглядом бирюзовым,
Безупречно честный офицер, —
Сколь бы лучше был организован
Плановый распад СССР!
Тут бы вся история, как милая,
По пути иному бы пошла б.
Иногда слышал, что так и было, я...
Но не верю, блин. Не тот масштаб.
Чем сражались? Марксовой цитатой,
Маршем, протестующим письмом...
А у этих восемьдесят пятый
Наступил бы в семьдесят восьмом.

Выразить боюсь в послушном слове,
Как подобострастны и тверды,
И мобильны станут при Суркове
Вялые структуры диссиды.
Станет финансированье краше
Под эгидой нового вождя.
Он ворвется, стиль движенья «Наши»
В несогласный стан переведа.
Либерал воспрянет из отбросов,
Демократ поднимется с колен,
Запустив на съезд единокороссов
Неизменный пластиковый член.

153

Тут же набежит по меньшей мере
Юных карьеристов легион,
Шахматам учить на Селигере
Будет их Каспаров-чемпион;

Будут под восторги агитпропа
Марши молгвардейцев разгонять;
Книжечки издательства «Европа»
Будут на Сорокина менять...
Диссиденты, фигли вы боитесь?
Вас же сразу станет большинство!
На подъезде Маши anaitiss**
Нарисуют не скажу чего;
Возродится прежняя нетленка —
Где другие методы найдешь? —
И машины братьев Якеменко
Станет калом мазать молодежь...
Я б другое дело подыскал им,
Чем кидать в противника говно, —
Но ведь эти могут только калом,
Видимо, у них его полно.
Можно и побить, чего ж такого?
Можно всех согласных задавить,
Если только методы Суркова
К несогласным гражданам привить.
С эффективным менеджером этим,
С тщательно причесанным вождем
Мы, глядишь, и сами не заметим,
Как во власть российскую пройдем.

Тут настанет полное приволье.
Что ж тогда я буду делать сам?
Вероятно, я уйду в подполье.
С Эрнстом. Партизанить по лесам.

* «Хроника текущих событий», бюллетень советских правозащитников.

*** Мария Сергеева (ник anaitiss в ЖЖ) — одна из самых
яростных активисток «Молодой гвардии».*

154

Парное

Представители власти двуглавой,
Возрождая Советский Союз,
Посетили овейный славой
Изумительный город Мухус*.
Здесь они развлекались красиво,
Озирая морской окоем:
Вместе выпили колы и пива
И на джипе катались вдвоем.
Был им сделан подарок во вкусе
Сладкозвучной восточной халвы:
Близнецы появились в Мухусе
В день приезда главы и главы!
Чтобы парюю непобедимой
Управлялась страна до конца —
Их назвали Володей и Димой,
Не спросивши ни мать, ни отца.
Это, впрочем, во вкусе России:
Чтобы не было лишних проблем,
Нас ведь тоже не очень спросили,
Учиняя нам этот тандем.
Этот путь укрепления власти
Из очей моих слезы исторг.
Он, конечно, магичен отчасти,
Ритуален — но в том и восторг:
Все, кто пишут стихи и романы
Как Грызлов, например, иль Сурков, —
По природе немного шаманы

И слышали про магию слов.
Чтобы правил тандем невредимый,
Не сворачивая с колеи, —
Исключительно Вовой и Димой
Называйте вы двойни свои.
Если ж мальчик и девочка, скажем,
Вам наградой за ваши труды —

155

Я скажу как родитель со стажем,
Что и в этом не будет беды:
Вам опять-таки необходимо
(Ситуация обострена!)
Обозвать их Володя и Дима,
Чтобы крепче стояла страна.
Представляется, что нефигово
Поимеют от властных щедрот
Мальчик Дима и девочка Вова
(Допускается наоборот).

А по мне, так России родимой,
Не сочтя эту меру за лесть,
Обозвать бы Володей и Димой
Всё, что в мире бинарного есть!
Вот, багрянцем светясь нездорово,
По небесному своду плывут
Марса спутники — Дима и Вова
(Страх и Ужас их также зовут).
Вот герой, Одиссей нелюдимый,
Пролагает неведомый путь
Между грозными Вовой и Димой
(Про Харибду и Сциллу забудь).

Вот астрологи, яйцеголовы,
Всё у неба узнают про нас
По созвездию Димы и Вовы
(Близнецы устарели как класс).
Живы мы не Москвою единой —
Две столицы, пора бы понять;
Назовем же их Вовой и Димой —
Чтобы раз в восьмилетье менять!
Чтобы крепла российская слава
И не трескался ядерный щит —
Заменял бы я «лево» и «право»:
«Дима-вова» — не хуже звучит.

156

Я стихи сочиняю для «Новой»,
Позабыв про воскресный покой, —
А печатаю димой и вовой,
То есть левой и правой рукой.
Пусть рассердится прапор суровый,
Образцовый службист-солдафон:
«Что вы, черти, шагаете вовой?
Димой, димой!» — скомандует он.
И ещё я похерил бы, к слову,
Все команды про «первый-второй»:
«Рассчитаться на диму и вову!» —
Вот как рывкнет новейший герой.

Приготовься, грамматик суровый,
И в порыве сыновней любви
Андрогина зови димовой,
Симбиоз вовадимой зови!

Вот уставился желто-лилово
Скромный цветик в дубовой тени —
Назовем его дима-да-вова,
А иваном-да-марьей — ни-ни.
Вот купальщица прыгнуть готова,
Показать, как положено, класс, —
Аппетитные дима и вова
Из купальника смотрят на нас.

Верь, любимая, чуткому нюху —
Никогда не обманывал он.
Хочешь ты соответствовать духу
Небывалых, блаженных времен?
Хочешь жизни простой и здоровой,
И изысканной, как бланманже?

Нам придется назвать тебя Вовой,
Потому что я Дима уже.

** Название Сухума в творчестве Фазила
Искандера.*

157

Заразное

Я не три, не четыре раза
Ездил в ихние города,
И о том, что у них зараза,
Я догадывался всегда.
Возвращаясь в край колоколен,
Где двуглаво рулит тандем,
Я догадывался, что болен, —

Не вполне понимая, чем.
Знать, покуда по Пикадилли
Беззаботно гулялось мне —
Заразили, мля, наградили.
Влили в чай, поднесли в вине.
А потом прилетишь обратно,
Влезешь в шлепанцы, снимешь фрак —
Всё не так, а что — непонятно.
Всё как было — и всё не так.
Из-за моря вернулась птаха,
И в ушах у неё свистит:
Меньше гордости, больше страха,
Иногда беспричинный стыд...
Вдруг кольнет незримое жало,
Как отравленная игла:
Хорошо бы власть уважала,
А милиция — берегла...
Где мы нынче? Делаем что мы?
Как мы прожили двадцать лет?!
Разумеется, все симптомы
За неделю сходят на нет,
Потому что в России лето,
Машет сиськами молодежь,
А родного иммунитета,
Слава Богу, не прошибешь.
Начинаешь ходить, не горбясь,
Уважать не талант, а чин,

158

Обретаешь былую гордость,
Не ища для неё причин,
Ловишь кайф от родных идиллий,

Вечерами включив ТВ,
И не помнишь про Пикадилли,
Где микроб занесли тебе.
Не впервой под британским флагом
Воровские творить дела:
Ты-то всё объяснял джет-лагом,
А ведь это болезнь была!
Ты купился, как лох, на «велкам»,
В заповедник зараз полез —
Возомнил себя человеком,
А ведь это болезнь, болезнь.

Обещаем не ради фразы —
Не водиться, не брать взаймы,
Потому что они заразы,
Лютый яд для таких, как мы.
Внешний мир угрожает гробом,
Повернемся к нему спиной:
В этом мире лафа микробам,
СПИД, холера и грипп свиной.
Вы смеетесь, но этим смехом
Не сдержать иностранный грипп.
Литвиненко туда уехал —
Все видали, как он погиб?
Там и воля, и трали-вали,
И закон справедлив и крут, —
Да. Но все, кто там побывали,
Обязательно перемерут.
Лишь Онищенко бьется, чтобы
Перекрыть роковой просвет:
Ведь у нас не живут микробы.
Мы живем, а микробы — нет.

Здоровее любых империй,
Удивительна и странна

159

Неприступная для бактерий
Обособленная страна.
Не проскочат их вибрионы
Сквозь российское решето:
Если б твердо закрыть кордоны —
Не болел бы у нас никто.

Разве мы кому заносили
Вредный вирус с родного дна?
Разве выползла из России
Эпидемия хоть одна?
Озаботься, образованец,
Напряги остаток ума:
Грипп — «испанка». СПИД — «африканец».
Из Китая пришла чума.
Несмотря на посул гарантский,
Неуемен вражеский зуд —
К нам завозят синдром голландский
И стокгольмский синдром везут...
Хоть пешком обойди планету —
Всюду сопли и кровь рекой,
А в России болезней нету,
Это климат у нас такой.
Как сказал ещё Маяковский,
Здесь, в России, особый быт.
Есть тайваньский грипп и гонконгский,
А московский не может быть.
Есть ходыньское многолюдье
И лубянский есть маховик,

Есть басманное правосудье,
Петербургский есть силовик,
Тульский пряник (спасибо, Тула!),
Газ сибирский, таманский полк,
Азиатская диктатура,
Брянский шиш и тамбовский волк,
Астраханский курник слоеный
И рязанский кислый ранет,

160

И архангельский гриб соленый —
Но российского гриппа нет.
Злой орел или серп и молот
Осеняют наш гордый труд —
Но микробы тут жить не могут.
Люди — да, а микробы — мрут.

Внешний мир на бескрайнем блюде
Разложил свои города.
Прав Онищенко — наши люди
Не должны уезжать туда.
Не покинем родную липу,
Не свернем с родной колеи,
Не сдадимся чужому гриппу.

Пусть нас лучше убьют свои!

На дне

Премьер-министр сошел на дно Байкала
При помощи проверенных бойцов.
Вся свита от волнения икала,
Но он оттуда всплыл в конце концов,

И вот теперь гадают вся планета,
В газетах обсуждается одно:
Зачем ему понадобилось это
Байкальское таинственное дно?
Зачем он опускался с «Метрополи»
В едва фосфоресцирующий мрак?
Хотел рекламу «Миру» сделать, что ли?
Но «Мир» ведь раскупается и так!
Хотел ли дать отпор невнятным слухам? —
Но им и так не верит большинство.

161

Быть может, нефть искал он чутким нюхом?
Но нефть нашли в Байкале до него...
Отвечу толкователю: дурак ты.
Россия не хлебает лаптем щи.
Всё это символические акты,
И в них прямого смысла не ищи.
Разгадки до сих пор не отыскала
Премудрая газета ни одна:
Когда премьер идет на дно Байкала —
В России кризис достигает дна.
Какая об Отечестве забота —
А мир не понимает ни черта;
И главное, прозвание пилота —
Не как-нибудь, а Виктор Нищета!
Вы как хотите, братцы, — это стильно. Эзотеричных
смыслов фейерверк:
Вот нищета сначала дна достигла,
Но после Путин дал команду «Вверх!» —
И зрители завыли «Просим, просим!»,
И был Байкал лучами осиян,

И выплыл «Мир»! (Хотя тому лет восемь
Он был заброшен в Тихий океан.)*

История темна — поди-ка вызнай,
Какой сакральный смысл имеет князь;
Но на Руси меж князем и Отчиной
Имеется мистическая связь.
Заболеванье то или иное
На весь распространяется народ:
При Сталине, допустим, паранойя,
При Брежнев — совсем наоборот:
Деменция с тенденцией к распаду...
Потом слегка воспрянули умы,
Но при Борисе лет двенадцать сряду
Фактически разваливались мы.

162

Явился Путин. Видит: масса ропщет.
Он взялся успокаивать её
И для начала сел в бомбардировщик.
И как взлетели цены на сырьё!
С тех самых пор он ползает, летает,
Бурит газогидрат и чернозем,
И мы, покуда сил ему хватает,
Вослед за ним куда-нибудь ползем,
То лезем в «Волгу», то спасаем «Ниву»,
Сжимаем сбережения в горсти...
Тут говорят, что это путь к обрыву,
Но нам не важно. Главное — ползти.
Поэтому он тщательно оформлен
В прохладные защитные цвета;

Поэтому он вовремя накормлен —
Чтоб оказалась Родина сыта;
Поэтому он мантры повторяет,
Рычит на несогласных, как койот,
На дно предусмотрительно ныряет,
На всплытие сигналы подает...
Представьте, если б он ушел из власти,
Решимостью придворных опаля?!
Наутро просыпаемся — и здрасьте:
В отставке все, включая тополя!
Мне нравится, что спуск ему по силам,
С пилотом Ниццетою заодно.
Он, между прочим, дно нашел красивым —
У нас в стране красиво даже дно;
Довольный погружением удачным,
Он на секунду впал в сердитый тон —
Байкал предстал довольно непрозрачным,
Но что поделать — офисный планктон!
Собратья заграничные дивились
Пройденному премьером рубежу;
Когда он наконец оттуда вылез,
Я выдохнул, серьезно вам скажу.

163

Всеобщего восторга не остудит
Илларионов, лузеров кумир.
Дно пройдено. Второй волны не будет.
Мы выплыли, и вместе с нами «Мир».
Теперь у нас, по милости Господней,
Всё вверх пойдет, без нефти или с ней...

Хотелось бы, конечно, посвободней.

Хотелось бы, конечно, почестней.
Хотелось бы, чтоб в нашей атмосфере
Поменьше было злобы и тоски,
А также чтоб с людьми, по крайней мере,
Порою говорили по-людски;
Чтоб этот век не зря был нами прожит,
Без страха, фарисейства и стыда...

Но он, ребята, этого не может.
На дно — легко, а это — никогда.
Всем сердцем ощущаю эту грань я —
Иллюзий у меня особых нет.
«Входящие, оставьте упования»,
Как некогда сказал один поэт,
Изгнанник из обители тосканской,
Скиталец вечный, сумрачен и сир,
Который тоже глубоко спускался,
Не прибегая к аппарату «Мир».

** Космический аппарат, затопленный в 2001 году.*

164

Десять лет спустя

Я невесел с утра по какой-то причине —
Назовем ее левой ногой.
И пока все кричат об одной годовщине,
Я хочу говорить о другой.
Я и рад бы чего сочинить веселее,
А не в духе элегий Массне,
Но хочу говорить о другом юбилее —
«Десять лет пребывания во сне».

После долгих интриг, катаклизмов подземных
И скандалов у всех на виду —
В августовские дни утвердился преемник
В девяносто девятом году.
Он кого-то пугал, он тревожил кого-то,
А иных осчастливил сполна...
Только мною на миг овладела зевота:
Я решил, что от нервов она.
И покуда чеченцам грозил его палец
Под корректное «браво» Семьи —
Почему-то глаза мои плотно слипались,
И боюсь, что не только мои.
И покуда мы дружно во сне увязали —
Ни на миг не бросая труда,
Он всё время мелькал пред моими глазами:
То туда полетит, то сюда...
Всем гипнологам практики эти знакомы,
Хоть для свежего взгляда странны.
Это было подобье лекарственной комы
Для больной, истомленной страны —
Ей казалось, её состоянье такое,
Что лечение пытке сродни,
Что она заслужила немного покоя
И долечится в лучшие дни.

165

И заснула, как голубь средь воню и гула,
Убирая башку под крыло...
Помню, что-то горело, а что-то тонуло —
Но я спал, я спала, я спало.
В этом сне перепуталось лево и право,

Ложь и истина, благо и зло —
А когда началась нефтяная халява,
Так меня и совсем развезло.

Что мне снилось? Что здесь завелись

хунвейбины

(Не за совесть, а так, за бабло);
Что кого-то сажали, кого-то убили,
Но почти никого не скребло;
Тухловатый уют в сырьевой сверхдержаве Расползлся,
халява росла,
Много врали, я помню, и сами же ржали —
Но ведь это нормально для сна!
И начальник — как Оле-Лукойе из сказки,
Но с сапожным ножом под полой —
Создавал ощущение твердой повязки
На трофической ране гнилой.
И от знойного Дона до устья Амура
Всё гнила она в эти года —
Под слоями бетона, под слоем гламура,
Под коростою грязи и льда,
И пока нам мерещились слава и сила,
Вширь и вглубь расплзлось гнилье,
И я чувствовал это, но всё это было,
Как обычно во сне, не моё.
Позабылись давнишние споры и плачи — Вспоминались
они как кино.
Я не верил уже, что бывает иначе.
Если так, то не всё ли равно?
Я не верил уже, что на этом пространстве,
Где застыла природа сама, —

Задавали вопросы, не боялись острастки,
Сочиняли, сходили с ума;
Все наследники белых и красных империй
В густо-серый окрасились цвет;
Я не верил уже, что бывает критерий,
И привык, что критерия нет.
Так мы спали, забыв о ненужных химерах,
Обрастая приставками лже-...
Между тем он работал, как раб на галерах, —
Или нам это снилось уже?

Иногда, просыпаясь на самую малость, —
Полузверь, полутруп, андрогин —
Я во сне шевелился, и мне представлялось,
Что когда-то я был и другим;
Видно, так вспоминают осенние листья,
Что шумели на майском ветру, —
Но за десять-то лет я отвык шевелиться,
Так что сам говорил себе: «Тпру!»
Я не верю, что дело в одном человеке,
Но теперь его отсвет на всём:
Я смотрю на него, и опять мои веки
Залепляет спасительный сон.

Словно старая пленка, темна и зерниста,
Словно старая кофта, тесна, —
Длилась ночь, и росла моя дочь-озорница,
И тоска моя тоже росла;
Рос мой сын — и ему уже, кажется, тесно
В этой душной всеобщей горсти;
Рос мой сон, и росло отвращенье, как тесто,

Но никак не могло дорасти,
Не могло дотянуть до чего-нибудь, кроме
Обреченной дремоты ума,
Потому что достаточно пролито крови,
А других вариантов нема.

167

Десять лет я проспал. И всё чаще я слышу Отдаленный,
томительный гром —
То ли яблоки в августе бьются о крышу,
То ли всё-таки дело в другом.
Десять лет всенародное Оле-Лукойе
Крутит зонт, не жалея труда...

А когда я проснусь, то увижу такое,
Что уже не засну никогда.

Зоологическое

В Бурятии, как нам доносит «Лента»,
Случился небывалый прибабах:
По случаю приезда президента
Перетравили множество собак.
С утра звонят коллеги: «Всё бросайте
И ознакомьтесь. Верите ли вы?»
Об этом пишет «Яблоко» на сайте,
И это правдой выглядит, увы.
Я б не поверил по большому счету,
Когда бы там у них в Улан-Удэ
К его визиту дали всем работу,
Дороги проложили бы везде,
Открыли бы в правительственной вилле

Детсад для бедных — дескать, пусть растут...
А что они собак перетравили —
Помилуйте, чему ж не верить тут?

168

Я только не пойму, чего боялись:
Укуса? Помрачения ума?
Могли бы провести экспресс-анализ
И увидеть, что бешеных нема.
А может статья, местные рубаки
Смекнули, закусивши удила,
Что президенту местные собаки
Расскажут, как в Бурятии дела?
Как можно запретить собаке шалой
Скулить, просить подачку и т.д.?
Увидит — догадается, пожалуй,
Насколько трудно жить в Улан-Удэ...
А может быть, теперь у нас в Отчизне —
Уже в течение месяцев пяти —
Ведут борьбу с любой формой жизни,
Что встретится у власти на пути?
Всех уничтожить, чтоб не возникали.
Я думал, что от хохота помру,

Когда премьера ждали на Байкале
И местную травили мошкару:
Укусят же! Смуют надсадным писком!..
Всё думаю: какого же рожна
От лидеров на расстоянье близком
Живая тварь случиться не должна?

Ужель у них такое биополе

В итоге нашей черной полосы,
Что в десятиметровом ореоле
Всё вымирает — мошки, кошки, псы,
Вот так и мрут на первой же минуте,
Завидевши живое божество,
И, чтоб никто не видел этой жути,
Их выморить желают до того?
А выжить на ужасном этом фоне,
Что создают Титан и Корифей,

169

Способны только опытная Кони
И тщательно привитый Дорофей?
Но думаю, не только в этом дело.
Я поразмыслил, и сдается мне —
Им просто всё живое надоело,
Как всякому, кто долго жил в Кремле.
Со всех сторон — предательство, разруха,
Вранье, банкротство, Господи прости...
В такой момент способна даже муха
До белого каленья довести.
Зачем она мелькает, право слово,
Мечтая о любви и о еде?
Одни проблемы власти от живого —
От пса, от гнуса, далее везде...
От их жужжанья, тьяканья и воя
Свихнется и последний троглодит.
Ужасно раздражает всё живое
Любого, кто у нас руководит.

Не могут наши правящие классы,
Привыкши гордо реять над толпой,

Не презирать всей этой биомассы,
Неблагодарной, жадной и тупой.
Какого чёрта эта биомасса,
В которой всяк — подлец иль идиот,
То пониманья требует, то мяса,
То лишние вопросы задает?!
Поэтому традиция сложилась —
Перед визитом, дня четыре за,
Спешат уничтожать любую живность,
Что может им попасться на глаза.
И в этом есть особая отрада
Для гордого охранного полка.

По совести, людей бы тоже надо.
Но разрешенья не было пока.

170

Аpocalypse now

Помнишь песню о празднике общей беды?
В прошлой жизни её сочинил «Наутилус».
Утекло уже много не только воды;
Это чувство ушло, а точнее, превратилось.
Эту песню, как видишь, давно не поют, —
Устарелость её объясняется вот чем:
Нас когда-то роднил тухловатый уют
В заповеднике отчем, тогда ещё общем.
Мы стояли тогда на таком рубеже,
Что из нового времени видится еле:
Наши праздники разными были уже,
Мы по-разному пели, по-разному ели,
Нам несходно платили за наши труды —

Кто стоял у кормила, а кто у горнила, —
Но тогда состояние общей беды
Нас не то чтобы грело, а как-то роднило.
Загнивал урожай, понижался урожай,
На орбите случалась поломка-починка —

Это всё ещё виделось общей бедой,
А не чьей-то виной и не подвигом чьим-то.
Было видно, что Родина движется в ад,
И над нами уже потешалась планета;
В каждом случае кто-нибудь был виноват,
Но тогда ещё главным казалось не это.
Над Советским Союзом пропел козодой,
Проржавевшие скрепы остались в утиле —
Стал Чернобыль последнею общей бедой,
Остальные уже никого не сплотили.

Двадцать лет, как в Отечестве длится регресс —
Череда перекупок, убийств и аварий.
Все они — от Беслана до Шушенской ГЭС —
Повторяют сегодня единый сценарий.

171

И боюсь, что случись окончательный крах —
И тандему, и фонду, и нефти, и газу, —
Перед тем, как гуртом обратиться во прах,
Мы сыграем его по последнему разу.
По Отчизне поскачут четыре коня,
Но устраивать панику мы не позволим,
И Шойгу, неразумную прессу кляня,
Многократно напомнит, что всё под контролем.
Госканалы включатся, синхронно крича,

Что на горе врагам укрепляется Раша;
Кой-кого кое-где пожрала саранча,
Но обычная, прежняя, штатная, наша.
Тут же в блогах потребуют вывести в топ («Разнесите,
скопируйте, ярко раскрасьте!»),
Что Самару снесло и Челябинск утоп,
Но людей не спасают преступные власти. Анонимный
священник воскликнет: «Молись!»
И отходную грянуть скамандует певчим; Анонимный
появится специалист,
Говоря, что утопнуть Челябинску не в чем...
Журналисты, радетели правозащит,
Проберутся на «Эхо», твердя оголтело,
Что в руинах Анадыря кто-то стучит.
Против них возбудят уголовное дело.
Не заметив дошедшей до горла воды
И по клавише лупя в эпицентре распада,
Половина вскричит, что виновны жида.
Эмигранты добавят, что так нам и надо.
Населенье успеет подробно проклясть
Телевизор, «Дом-2», социалку и НАТО,
И грузин, и соседей, и гнусную власть
(Кто бы спорил, всё это и впрямь виновато).
Будет долго родное гореть шапито,
Неказистые всходы дурного посева.
Пожалеть ни о ком не успеет никто.
Большинство поприветствует гибель соседа.

Ни помочь, ни с тоской оглянуться назад, —
Лишь проклятьями полниться будет френд-

лента;

Ни поплакать, ни доброго слова сказать,
Ни хотя бы почуять величья момента;
Ни другого простить, ни себя осудить,
Ни друзьям подмигнуть среди общего ора...
Напоследок успеют ещё посадить
Догадавшихся: «Братцы, ведь это Гоморра!»
Замолчит пулемет, огнемёт, водомет,
Оппоненты улягутся в иле упругом,
И Господь, поглядевши на это, поймет,
Что флешмоб, если вдуматься, был по заслугам.
Но когда уже ляжет безмолвья печать
На всеобщее равное тайное ложе —
Под Москвой ещё кто-то продолжит стучать,
Ибо эта привычка бессмертна, похоже.
Кто-то будет яриться под толщей воды,
Доносить на врага, проклинать инородца...

Ибо там, где не чувствуют общей беды, —
Никому не простят и никто не спасется.

173

Баллада об Arctic Sea
(Подражание Кипплингу)

Близко время великих сдвигов,
Как когда-то пропел Rammstein,
И тогда, о читатель фигов,
Ты узнаешь множество тайн.
Жутких дел коснется огласка,
Все мы знаем эти дела:
От кого родила гимнастка

И кого она родила,
Был ли кепчатый мэр московский
Чист, как ангел, иль вороват,
Чем подставился Ходорковский
И Чичваркин чем виноват...
Даже главная наша тема
Озарится в этой связи:
Кто стоял во главе тандема —
Буш, Обама иль Саркози.
Всё, о чем тогда забывали,
Отвыкая верить глазам:
Про Кокойты и про Цхинвали,
Про Каширку и про Рязань.
Всё, что ныне нас будоражит,
Как и водится на Руси.
Но о чём ничего не скажут —
Так уж точно об Arctic Sea.

Заколдованнейшее место,
Судно-призрак, спрут-исполин,
Наша, блин, «Мария Челеста»,
Наш «Летучий Голландец», блин.
Лучший символ времен тандема,
Нежелательный элемент
Во главе с капитаном Немо
(Дал подписку, чтоб онеметь).

174

Из таинственных всяких всячин
Лишь об этой идет молва:
Захватил или был захвачен?
Вез реактор или дрова?

При каком непостижном ветре,
Столько раз перейдя черту,
Он из Балтики в Кабо Верде
Шел с пиратами на борту?
Как воздвиглась глухая стенка
Перед прессой, помилуй Бог?
Почему Михаил Войтенко
В неглиже улетел в Бангкок?
Я давно смотрю, как философ,
На Россию, но, ваша честь!
У матросов столько вопросов,
Что их проще сказать как есть.

Ты признайся, Россия, мать моя
(Для меня ты всегда права):
Может быть, там оружие ядерное,
Упакованное в дрова?
Может, там ракета крылатая,
Неизносна, как ветеран,
Что Эстония или Латвия
Контрабандой возят в Иран?
Впрочем, может быть, нет ракет ничьих,
Арсенал безнадежно стух,
А страна потому секретничает,
Что неловко признаться вслух?
Может, баржа с прицепом маленьким,
Перегруженная на треть,
Доставляет дрова полярникам,
Чтобы станцию обогреть?
Как в жюль-верновской старой повести,
От которой все без ума:
Им же холодно там, на полюсе!

Там, на полюсе, дров нема.

175

Но боюсь, когда обнаружится
Эта правда, что всех скребла,
Будет мелкой она, как лужица,
И простой, как распил бабла.
Ты провидел налет романтики
В приключениях, Arctic Sea —
Позабудь эти ленты-бантики,
Успокойся и отсоси.
Как-то скучно у нас, не правда ли?
Нам бы тайны, туман, бои,

А окажется — бабки прятали,
И не чьи-нибудь, а твои.
Ты загадки хотел, а вот тебе —
Не надейся и не проси.
Так что если настанет оттепель,
Промолчите про Arctic Sea.
Жизнь лакунами и помарками
Украшается между строк.

А Войтенко пускай помалкивает.
А иначе — в Бангкок, в Бангкок.

176

Публицистическое

Писатель должен в траур облачиться
И поменять профессию к зиме.
В России три ведущих публициста,
Два маются в Кремле, один — в тюрьме.

Соревноваться с ними не рискую,
В тюрьму и Кремль подавно не хочу.
Медведев написал статью такую,
Что даже «Новой» вряд ли по плечу.
Каких стихов теперь ни замеси я,
Но мне такой крамолы не сказать.
Хоть названа она «Вперед, Россия!» —
В ней явственно читается: «Назад»,
Поскольку мы стоим у края бездны;
Всё ноет, распадается, болит,

И полумеры стали бесполезны —
Пора пойти на смену всех элит.
Некомпетентна власть. Закон двоятся.
О Родине не помнит большинство...
Какая правда! Как он не боится!
Мне даже как-то страшно за него.
Другой писатель — главный идеолог —
Литературе время уделяя,
Хотя и скрылся за узорный полог,
Пришел с памфлетом «Околоноля».
И тоже, мамма мия, сколько правды!
Как мяса в микоянской колбасе.
Гражданственности нет, элиты праздны,
Воруют все, продажны тоже все...
Роман, раскручен образом толковым,
Поверг страну в депрессию и шок.
Когда бы автор не был сам Сурковым,
Сурков его растер бы в порошок.
Мы думали: в Кремле одни сатрапы,
А вышло, что совсем наоборот, —

Вот пусть и пишут, им и книги в лапы,
А мы пойдем вскопаем огород.

А третий текст — по сути, очень близкий — Печатают
крамольные листки,
Но письма Ходорковского к Улицкой
Отнюдь не так огульны и жестки.
Он говорит как будто те же вещи —
Воруют, врут, возносят дураков, —
Но ясно, что Медведев много резче,
И много саркастичнее Сурков.
Да это и естественно отчасти:
Ведь он в тюрьме, в бесправье и грязи,
А эти двое — в самой гуще власти
И видят разложение вблизи.

И вот, пока они терзают Музу
И вся страна об этом говорит, —
Я думаю: Советскому Союзу
Был ясный путь спасения открыт.
И дело-то, сограждане, простое:
Пускай бы Брежнев, глиняный колосс,
Отнес бы в «Правду» очерк о застое,
Отдав под это дело пять полос!
О взятках. О коррупции кремлевской —
В пандан заокеанским голосам...
Писал бы это, скажем, Аграновский —
Но вряд ли и Медведев пишет сам!
И Брежнев ведь готовился, пожалуй,
Но не успел, судьба тому виной;
Не потому ль, начав «Землею малой»,
Он вскорости занялся «Целиной»?

Уверен я, что в замысле имелась
Сенсация о новых временах:
Он так бы написал про современность,
Что диссиденты скорчились бы нах!

178

Ведь нам болтать — главнейшая отрада,
А чтение — наше русское сумо;
И перестройки было бы не надо,
И как-то рассосалось бы само...
Писать, до края пропасти доехав, —
Изобретенье дедов и отцов:
Ведь «Головокруженье от успехов»
Не Троцкий написал в конце концов!
Вернейший путь к согласью и покою:
Чуть поползет тревожный холодок —
Правитель пишет правую рукою,
А левою сжимает поводок.
Ах, если бы тогда, в восьмидесятом,
Под властную диктовку аонид*
Не про борьбу за мир и мирный атом,
А про застой писал бы Леонид!

«Страна в упадке. Всё у нас в развале.
Во власти — старцы. В головах бардак».
Его бы реформатором прозвали,
Хотя бы всё и дальше было так!

А если бы соседние газеты —
«Известия», к примеру, или «Спорт» —
Печатали Буковского памфлеты
И Сахарова, чем не шутит чёрт, —

И всё, о чем сегодня пишет Млечин,
В Политбюро вонзая скальпель свой...

Тогда застой, похоже, был бы вечен.
Как будет вечен нынешний отстой.

** Аониды — музы искусства в
древнегреческой мифологии,
которые обитали в Аонии.*

179

Видеообращение

Майор Дымовский из Новороссийска,
Отечества и Путина слуга,
Крутой оперативник, гений сыска,
Хотя и приторможенный слегка,
Почувствовал, что кризис на пороге
И что дела в стране нехороши,
И разместил в своем видеоблоге
К премьеру обращенный крик души.

Он там ему сказал, что честь имеет,
Что жизнь ему уже не дорога,
Что типа у него рука немеет,
А медики не лечат ни фига,
Что долго он терпел и вот решился,
Поскольку жизнь буквально доскребла;
Что двух он жен на должности лишился
(Они ушли, поскольку нет бабла);
Что всё новороссийское начальство
Относится к майорам, как к скотам,

А так как он со многими общался,
То так повсюду, а не только там;
Что произвол начальников чиновных
В Новороссийске бешено раздут,
Что вынужден сажать он невиновных,
А то иначе денег не дадут,
Что вот ему уже не дали справку,
Хоть он зубец и будущий отец...
«Давайте вообще уйдем в отставку!» —
Он предложил премьеру наконец.

Немедля зароилось много слухов.
В Новороссийск инспекторы стеклись.
По виду наш майор — типичный Глухов,
Сбежавший, если помните, в Тифлис,

180

С той разницей, что тот сбежал с оружием,
А этот вынес мусор из избы, —
Но Родина с рыданием белужьим
Готова им обоим дать как следует.
Естественно, у этих двух диковин
Различья осязаемые есть:
Был Глухов нем, Дымовский — многословен.
Тот — дезертир, а этот всё про честь.
У Глухова движенья были ватны,
А этот брав и выправкой удал, —
Но оба до того неадекватны,
Что я бы им оружия не дал.
Майор ведет такие разговоры,
Как будто он обкуренный в дугу,
И если таковы у нас майоры —

Старлея и представить не могу.

Не думаю увлечь своим примером
Того, кто нацгерой и полубог,
Но если б я России был премьером —
Я тоже бы завел видеоблог,
Где уделял бы время разговору
С народом, не желающим лизать,
И там бы утомленному майору
Ответил симметрично, так сказать.
— Майор! Я вам отвечу, как умею, —
Сказал бы я Дымовскому тогда б. —
Я был майор, я тоже честь имею
И сам тружусь, как на галерах раб.
Безрадостно живу и небогато,
В бюджете дыры, в сердце пустота,
Меня почти не уважает НАТО
И смотрит на меня, как на скота.
В стране не видно войск боеготовых,
И преданных дай Бог найдется полк.
Порой и я сажаю невиновных,
Но это наш, майор, служебный долг.

181

К тому же в местных кражах и растратах
Виновны все, замечу не шутя.
У нас в России нет невиноватых,
Включая ваше новое дитя.
Страну пора отправить в переплавку.
Спасибо вам, коллега, за совет —
Я думаю давно уйти в отставку,
Но для таких, как я, отставки нет.
Не следует считать меня злодеем,

Хоть в этом направленья я расту.
А главное — что мы ещё умеем?
Придется нам остаться на посту, —
И вам, и мне, — смиряя буйный норов
И видя обстановку без прикрас:
Здесь нету для меня других майоров.
Других премьеров тоже нет для вас.
На стенку коммунальную не влазьте
И не сходите с бедного ума.
Мы действуем в такой системе власти,
Что вечно возрождается сама.
Не следует греховными устами
Звать к переменам Родину свою.
Хотите — поменяемся местами?
Всё будет точно так же, зуб даю.
Так сделали языческие боги,
Чей замысел суров и бестолков.
Мерси за то, что бунтовали в блоге,
И ведь могли палить, как Евсюков.
Мерси и мне: я правлю, стыд отбросив,
Зато не лицемерю ни хрена, —
А мог бы, как неистовый Иосиф.
Иль как Иван (смотрели Лунгина?).
Тогда наш век эффектней был бы прожит,
Но что уж тут поделать — не дано.
Конечно, так ответить он не может.
Но по глазам же видно всё равно.

Держа валериану наготове.
«Одной мы крови», — заявил один,
И повторил другой: «Одной мы крови».
С чего бы вдруг у нас, в родном углу,
Они подобный штамп возьми и вырой
Из Киплинга? Как Ракша и Балу,
Как лягушонок Маугли с Багирой —
Одной мы крови! Слышишь, бандерлог?
Крутой сигнал для западного мира;
Я даже догадаться где-то смог,
Кто Маугли из них, а кто Багира...
Хотя намек, мне кажется, тоньшей.
В нём кроется серьезное богатство,
Признание — но не для всех ушей,
А лишь для тех, кто сможет догадаться.
Казалось бы, в тандеме разнорой,
Он раскололся, кризис не осия:
Один доволен властью и собой,
Другой же написал «Вперед, Россия!»
Фактически он там вернул билет.
Там контур перестройки был прочерчен:
Там сказано, что в эти восемь лет
Мы были не всегда мудры, как Черчилль, —
А это потрясение основ,
Оппортунизм, развал и мягкотелость,
И значит, после этих страшных слов
Им подтвердить согласие захотелось.
Но как, скажи? Метафорой какой
Связать премьер-министра с королевой?
Назвать кого-то правой рукой?
Но кто-то ведь окажется и левой...
Нет! Чтоб связать навеки имена,

Чтоб выразить единство в кратком слове,

183

Они, как гайдуки у Кузмина,
Демонстративно вспомнили о крови.
Так подтверждают дружбу искони:
Кровавы и темны обряды наши.
Должно быть, пальцы резали они
И кровь с вином замешивали в чаше.

А может — вероятнее всего,
Поскольку правды достоверней чудо, —
Имеет место кровное родство,
Но мы о нём не ведаем покуда?
Не только клан один, но род один —
Так их признание склонен понимать я.
Не верю, что они отец и сын, —
Но, может быть, потерянные братья?
Люблю тебя, индийское кино!
Чего не сочиняет Иегова!
Итак, один, потерянный давно,
Служил в администрации другого,
В стране царил, естественно, развал,
Чреватый государственным распадом, —
Но брата брат по родинке узнал
И посадил на трон с собою рядом!
Иначе нам не объяснить никак
Метафору, что вкралась в речь обоих.
Могли припомнить питерский юрфак,
Который щедро вскармливал собой их;
Могли припомнить невскую волну,
Сенатскую с петровской бронзой веской,

И чтенья круг, и общую страну,
Которая была ещё советской,
И питерских прелестных молодух,
И общую о Родине заботу,
И общий дух... хотя при чём тут дух?
Его и нету по большому счету.
Есть только кровь и почва. Потому

184

Меж них возможно всё, разрыва кроме.
Легко разрушить связи по уму,
По возрасту, — но не родство по крови.
Они родня, и нет прочней оков.
Их разлучила лишь ошибка нянек.
(Пока не ясно, кто у них Сурков;
По слогу — брат, по методам — племянник.)

А может быть, предположу скорей,
Что варится нешуточная каша;
Что их связало кровью не своей,
Что эта кровь, похоже, будет наша;
Что, собственно, она уже течет,
А кончится, как прежде, скотобойней...
Но этот путь я не беру в расчет.

Я буду верить в братьев. Так спокойней.

Баллада о нисхождении

Я не бог, не царь, не герой, не фрик,
Я простой человек толпы,
Так я жил себе, но в какой-то миг

У меня завелись клопы.
Они пили кровь и кусали плоть,
И намерены были впредь;
Я не мог их химией побороть
И уже не хотел терпеть.

185

Но поведал мне сосед- старикан,
Скромной выпивки посреди,
Что с клопом расправится таракан —
Таракана, мол, заведи!
Поблуждав умом по материкам,
Я спасение отыскал:
Есть гигантский бешеный таракан,
Чья отчизна — Мадагаскар.
В магазин ближайший, внутри Кольца,
Я пошел нельзя веселей —
И купил там самочку и самца,
Заплатив 50 рублей.
Результат, естественно, был таков,
В назиданье для остальных:
Тараканы слопали всех клопов,
Но размножились вместо них.
Начался немыслимый балаган,
Чтоб им сдохнуть, боевикам:
Залезаю в ванную — таракан!
В холодильнике — таракан!
Чтобы тварей выморить без следов
И себе воротить бразды —
Я купил на «Птичке» пару дроздов.
У меня завелись дрозды.
Чуть крадется где таракан, как тать, —

Тут же ловят его, ловки!
Но зато они принялись летать,
Ударясь о потолки,
А потом и гадить на мой паркет,
И обои мои клевать,
И меня клевать, если корма нет
(Я его забывал давать).
Моя жизнь уже превратилась в ад,
И пометом мой дом пропах;
Иногда я думал, что виноват,
И жалел о своих клопах.

186

Был заполнен муками мой досуг,
Стал бояться я темноты...
Заведи котов, предложил мне друг,
И дроздам настанут кранты.
Но коты привыкли обивку драть
И орать до ранней звезды,
А мочились столько, едрена мать,
Что уж лучше были дрозды.
Я сбежать на улицу был готов,
Я совал их в мусорный бак,
И они назад! И на тех котов
Я решил натравить собак.
Я завел собак, настоящих псов,
Элегантных, как Жан Кокто.
Мне не нужен стал никакой засов
(Да ко мне и не шел никто).
Тут коты удрали, явивши прыть
И визжа во все голоса, —
Но теперь я шагу не мог ступить,

Чтоб не слышать рычання пса.
Словно тут их вотчина искони,
Разлеглись они на полу.
Я смекнул: хозяева тут — они,
И решил, что сейчас помру.
Но сосед наведаясь в мой бардак
И сказал мне: «Наивный ты.
Мы найдем управу и на собак».
Позвонил — и пришли менты.

С этих пор менты у меня живут,
Разговорчивы и тупы,
И своей собакой меня зовут,
И сосут меня, как клопы,
Тараканами лезут в мою еду,
Потому что больно круты,
И орут всю ночь, подобно дрозду,
И бесчинствуют, как коты,

187

И при этом бьют меня по плечу,
Скаля зубы свои, как псы, —
И уже повеситься я хочу
От такой дурной полосы,
И кормлю мундирную эту рать,
Эту дюжину жадных ртов,
И боюсь подумать, кого позвать,
Чтобы вытеснили ментов.

...Эту байку, сложенную давно,
В дни разнузданного воря, —
Попивая пиво или вино,
Иногда вспоминаю я.

Побежал бескрайний поток муры
По асфальту родных дворов:
Коммунистов вытеснили воры,
Олигархи смели воров,
Олигархов слопала вэчека,
Что была уже начеку, —
Но найдется кто-то наверняка,
Кто заглотит и вэчеку.
Оттого и водится так у нас,
Что злодеи растут, как флюс,
Умножая минусы в десять раз
И съедая последний плюс.

Эту байку вспомнил я и теперь,
Наблюдая уже без слез,
Как дурных людей задирает зверь,
А котов пожирает пес,
Как во тьму сползает моя земля
По сюжету этих стихков —
И на то, как мальчики из Кремля
Подъедают тебя, Лужков.

188

Процентное

Повсюду ты. Я больше не могу.
Фальшивою архангельской трубою
Ты каждый день звучишь в моем мозгу.
Работа и семья полны тобою.
Ты умудрилась всё моё украсть,
Но почему почти единогласно
Здесь выбрали себе такую власть,

Что ни над чем давно уже не властна,
Как будто толпы баб, рыдая вслух,
Восторженно лобзали импотентов...
Во всём, что есть, твой незабвенный дух:
Он занимает семьдесят процентов.

Таинственная цифра! С неких пор
Она — сечение наше золотое,
А этот дух и этот взгляд в упор
Страшной любого позднего застоя.
О, эти годы, лица и места,
Попавшие сегодня на скрижали;
Тогда процент гулял в районе ста,
И больше ста, и все над этим ржали!
Гляди, портреты дряхлые висят;
Гляди, ржавеют дряхлые святыни...
И всё-таки на верных пятьдесят
Всё было человеческим, а ныне?

Я тихо жил бы, Родину любя
И сочиняя лирику про это,
Но в ней процентов семьдесят — тебя,
И двадцать с небольшим — капээрэфа.
Воистину печальная юдоль,
Сплошные язвы трещины и пятна:
На двадцать стало красною бурдой,
На семьдесят прогнило невозвратно.

Включаю телик, разумом скорбя, —
А на экране прежняя короста,
И в ней процентов семьдесят тебя

(Прикроют РЕН, и станет девяносто).
Во все напитки и продукты все,
Не комплексуя, ты проникла с бою,
И семьдесят процентов в колбасе
Опять-таки заполнены тобою.
Ты воцарилась в Питере, в Москве,
На Пресне ли, в Охотном ли Ряду ли,
Преобладая в каждой голове,
Рассевшись в каждой мысли, в каждой Думе...
Спускаюсь ли в любимое метро,
Которое забито даже в полночь, —
И поезда гремящее нутро
На семьдесят процентов ты заполнишь.
Подруга, гений чистой красоты,
Которую я звал когда-то зайей, —
На семьдесят процентов тоже ты,
И стало страшно мне глядеть в глаза ей.
Теперь и сам я, злобный и глухой,
Издерганный заложник нервных центров, — Наполнен
той же самой требухой
На роковые семьдесят процентов.
Не химик я и не пойму всего,
Но наш народ — от чукчей до евреев —
Наполнило по глотку вещество,
Которого не ведал Менделеев.
Измучить дедов, обмануть отцов,
Пройти такие мороки и сети, —
И только для того в конце концов,
Чтоб стать вот этим самым на две трети?!

При сих словах воскликнет большинство:
«Какое вещество? В своем уме ты?!»

Да, семьдесят процентов — но чего?
Названья нет, но узнаю приметы,

190

И все они меня вгоняют в шок:
Подъем, равенье, нервная зевота,
Начальственной отрыжки запашок,
Стыда и рвоты, ужаса и пота.
Преобразилась Родина моя:
Почти ни до кого не достучаться.
В нас семьдесят процентов холуя
И тридцать — холуёвого начальства.
Всё сводится к утробе, к потрохам;
Я в этом духе с детства задыхался.
Двойк его носитель — раб и хам;
Чего в нем больше — рабства или хамства?
Он никого не выпустит из лап.
«Отчизны верный сын» — его личина.
На семьдесят он хам, на тридцать — раб,
А в глубине их суть неотличима.
Я знаю: не смягчится эта суть,
Каких кровавых жертв ни приноси ей.
Печальный иронист какой-нибудь
Назвал тебя единою Россией:
Вертись вокруг кренящейся оси —
Вокруг вождя, отца и господина, —
Ты не Россия, Боже упаси,
И не пойму, насколько ты едина.
У ваших интуиция точна:
Едина ты, покуда всё в порядке,
А между тем от первого толчка
Рванешься так, что засверкают пятки, —
Туда, сюда, на Запад и Восток...

В котле, покуда было всё едино,
Копился пар, напорист и жесток,
Но даже выпускать его в свисток
Тебе на ум тогда не приходило.
Единая распавшаяся рать
Пойдет по заграницам куролесить:
Все удерут, кто может удирать.
Останутся дай Бог процентов десять.

191

Им и придется, как тут ни крути,
Творить метафизическое чудо.

Похоже, ради этих десяти
Господь и терпит прочее покуда.

Историческое

На днях — исторической правде в угоду —
На «Курской» явилась золотая скрижаль:
«Нас вырастил Сталин на верность народу».
И ладно, пускай себе пишут, не жаль. Естественно,
правые взвыли: «Доколе?!»
Их очень обидели эти слова.
А что же, не Сталин вас вырастил, что ли?
Да вы на себя поглядите сперва!
Зачем ты теперь, оппозиция, гнобишь
Проклятые нравы тридцатых годов?
Едва появилась статья Литвинович,
Ты сразу по-сталински: «Вон из рядов!»
В сравненьи с эпохой колымского ада
Сегодня, конечно, почти благодать, —
Но гражданам большего счастья не надо,

Как снова кому-то руки не подать.
Как мудро сказал незашоренный некто
В начале разнузданных ельцинских лет:
«У нас из всего получается секта,
А церкви при этом по-прежнему нет».

192

Каспаровцы — секта, но «Наши» — подавно.
Свободных в России сыскать тяжело.
При Сталине всё это сделалось явно,
Но, кстати, при Ленине тоже цвело.
И так как наш социум столь неизменен,
О чём Чаадаев ещё говорил, —
В цитате на «Курской» прибавился Ленин,
Который и Сталину путь озарил.
И сызнава правые взвыли от боли,
И сызнава начали ваньку валять...
А что же, не Ленин нас вырастил, что ли?
Во всем интернете орут: «'асст'елять!»
Как будто не ждем с упоением все мы
(С заклятым врагом эти чувства деля)
Коллапса, разрухи и краха системы,
Чтоб ту же систему отстроить с нуля?
Сценарий изучен и обыкновенен,
С рождения знает о нём большинство,
И пусть уж на «Курской» засветится Ленин —
Но это же всё началось не с него!
Мне ясно к две тыщи девятому году,
Что Ленин не выдумал этот прием:
Нас вырастил Петр на верность народу,
И Меншиков был олигархом при нём.
Мы знаем конфликт государевой воли

И косного, злого родного нутра.
А что же, не Петр нас вырастил, что ли?
Да всё, что сегодня, пошло от Петра!
Хоть связи времен не понять остолопу,
Но умному проще эпохи связать:
Мы вечно окно прорубаем в Европу —
Затем лишь, чтоб ж... в него показать.
И если уж памятник делать на «Курской» —
То я предпочел бы проснуться с утра
И вязью российской, торжественно-тусклой,
Увидеть над Лениным имя Петра.

193

А в сущности, если по белому своду
Писать осчастлививших эту юдоль:
«Нас вырастил Грозный на верность народу!»
А что же, не Грозный нас вырастил, что ли?
Мы все, от мерзейших до самых приличных,
От ненцев до русских, живущих в Крыму,
Всё делим страну на своих и опричных,
А в целом она не нужна никому.
Нам слишком милы, что всего безобразней, Скачки и
прорывы в манере Москвы —
Ценой разоренья и массовых казней
(С ценою порядок, с рывками — увы).
При Грозном сбежал опозоренный Курбский,
При нем прокатилась аннексий волна...
Мне как-то без Грозного скучно на «Курской».
Признаться, она без него неполна.

Но граждане! Это заложено сроду.
Поэтому я бы вписал наверху:

«Нас вырастил Рюрик на верность народу»,
Хотя этот Рюрик неведомо who.
Славяне ленились свой ум будоражить,
Им нравились пахота, пьянка, разбой —
И Рюрика с братцем позвали покняжить
И всё, что захочется, делать с собой.
Теперь это дело проходится в школе,
Но с властью в Отечестве та же байда.
А что же, не Рюрик вас вырастил, что ли?
Хоть пару отличий найдите тогда!

В российской истории много диковин,
Отечество помнит своих протеже,
И ежели выписать всех, кто виновен, —
Там поезду места не будет уже.
Спасителям Родины нет переводу,
И мой вариант удивительно смел:

194

«Нас вырастил кто-то на верность народу»,
Чтоб каждый подставил, кого захотел.
И купол роскошный останется белым,
И меньше заботы для мэра Москвы!
Какая нам разница, кто это сделал?
Истории важно, что мы таковы:
Не помним уроков. Не любим свободу.
Привыкли выигрывать спор кирпичом.

«НАС ВЫРАСТИЛ КТО-ТО НА ВЕРНОСТЬ

НАРОДУ!»

С него и спросите. А мы ни при чём.

Ваших нет

Жизнь становится лучше и краше.
С изначальной сойдя колеи,
В День единства движение «Наши»
Марширует под ником «Свои».
Эта акция с виду безвредна,
Но, как водится, вдохновлена
Перехватом известного бренда:
«Русский марш» называлась она.
Уж такая случилась эпоха:
Занимается властный режим
Перехватом лежащего плохо.
Все мы, граждане, плохо лежим.

195

Вот и «Наши» — для правильной цели,
Ради истины, правды, добра —
«Русским маршем» пройти захотели;
Ксенофобы вскричали: «Ура!»
Неужели нацистам по-русски,
Идеологам белой кости,
Кто-нибудь на Васильевском спуске
«Русский марш» разрешил провести? Призадумались те,
кто постарше,
Из двуглавой кремлевской семьи,
Отказались от русского марша
И назвали колонну «Свои».
Майки сделали, выдали знаки...
И возглавили эту орду

Галустян, Бондарчук, Канделаки
И Хаматова в первом ряду.

Вот же кризис! Бандитов в монашек
Превращает без всяких помех.
То делились на наших-ненаших,
То «своими» обмазали всех.
В честь чего это шествие, кстати, —
«Я татарин», «Башкирка», «Еврей»...
Для кого это бурное party
На родной Бережковской моей,
И с чего бы нам всем собираться
В этот день, покидая дома?
Для меня эта истина, братцы,
Разумеется как-то сама.
Не ходите вы, братцы, ей-богу,
В эту среду на эту байду
И не верьте казенному слогу.
Сам я тоже туда не пойду.
Всем известно, что любят злодеи —
Дабы выглядеть чище-святей, —
Прислониться к бесспорной идее:
Дружбе наций, защите детей,

196

Или Родине петь дифирамбы,
Или нищему милость творить...
Мы, конечно, свои, но не вам бы,
Ах, не вам бы о том говорить!
Все мы в общей кантуемся Раше,
Перемешаны наши слои,
Все свои, — но движение «Наши»
Мне, простите, никак не свои.

В нашей плотно заваренной каше,
В необъятном родном шапито
Всё, к чему прикасаются «Наши»,
Превращается чёрт-те во что.
Негодяя, лакея и труса,
Будь он с виду почти голубок, —
Изначальным отсутствием вкуса
Отличает, как правило, Бог.
Если скажут медийные лица,
Собираясь под нашенский флаг,
Что верна умноженья таблица, —
Я подумаю: что-то не так!
Сразу ясно, что строится стенка
Лицемерия, фальши, вранья...
«Добрый день!» — говорит Якеменко.
«Нет, недобрый», — подумаю я.

Туго верится в светлые дали.
Ведь реальность теперь какова?
Все права мы торжественно сдали,
И в разгаре борьба за слова.
Как когда-то писал Донелайтис*,
Люди летом не те, что зимой.
Вон Сурков говорит: «Обновляйтесь».
Ах ты, Господи, Боже ты мой!
Как у наших меняются кожи,
Как покрасился правящий класс!
Ведь Гонтмахер и Юргенс за то же
Чуть не в Троцких ходили у вас.

Как люблю эту гибкую власть я,
Как мне сладко сигналы ловить!

Разве можно при вас обновляться?
Прежде следует вас обновить.
Обновленье, бессмертные боги!
До того уже нас развезло:
Президенту приходится в блоге
Признавать, что репрессии — зло...
Сущий праздник у нас в околотке:
Демократия, значит, жива...
Есть слова. Но не эти бы глотки
Говорили нам эти слова.

Мне не жаль демократии. К чёрту.
К этим выборам в нашем краю
Я ещё равнодушной, чем к спорту,
И с рожденья на этом стою.
Мне и бизнес, товарищи, по фиг.
Мне была бы здорова семья,
И бумага, и ручка, и штофик,
И страна за окошком своя.
И за телик не слишком обидно:
Ведь не прессой Россия жива.

Но не смей, безголовая гидра,
Перехватывать наши слова.

**Литовский классик, автор поэмы «Времена года».*

Зачем сегодня встал в такую рань я?
Затем, чтобы раскрыть газетный лист

И текстом федерального посланья
Проникнуться, как честный журналист.
Читаю в сотый раз, глаза ломаю,
Зову жену, припахиваю мать —
И как-то всё равно не понимаю,
Каким умом мне это понимать.
Повеяло забытым ароматом —
Программой «Время», «Новостями дня»...
Речь Брежнева на съезде двадцать пятом
Была сенсационней для меня.
Ищу меж строк, доискиваюсь смысла,
Включаю запись и сверяю с ней —
Добро бы стало горько или кисло,
Но остается пресного пресней.
Где истина? Куда её загнали?
Как выглядит медведевская Русь?
В искусстве расшифровывать сигналы
С Павловским и Белковским не сравнюсь,
Но всё-таки... хотя б по части стиля...
Какой посыл желателен властям?!
Задачи этой в целом не осия,
Попробуем дознаться по частям.

Вот, например, приковывают взоры
И смутною тревогой полнят грудь
Нажимные, но праздные повторы
Каких-то слов, не значимых отнюдь.
Наверное, пришла такая фаза,
Что надобно с какого-то рожна
«Культуру» повторить подряд три раза
И намекнуть: культура нам нужна.

Затрачиваю долгие усилия
На плоскую, как масленичный блин,
Цитату из Леонтьева Василья:
На этом месте мог бы быть Ильин!
На что он намекает, так запутав
Простейшие понятия: «Вместе с тем
Развитие гражданских институтов
Возможно лишь для развитых систем»?!
Узнает ли читательская масса,
Какой резон, забалтывая суть,
На масленность промасленного масла
С трибуны осторожно намекнуть?
Мне видится отвага в главной фразе —
Как кочерыжка, спрятанной в кочне:
Не всё у нас нормально на Кавказе
И даже, страшно вымолвить, в Чечне!
Вдобавок начинаю сомневаться,
Как всякий просвещенный индивид,
Что нам потребно много инноваций:
О них он слишком часто говорит.
Как некогда учил ещё Гораций,
Назойливый повтор похож на ложь.
Боюсь, что нам не нужно инноваций,
А что нам нужно — разве разберешь?
Пускай я как пророк немного стою,
Но если инновации творить
Мы вздумаем с решительностью тою,
С какой он стал об этом говорить —
Посредством бесконечных эквивоков,
Сигналов и намеков с полным ртом
(Так робкое дитя, стакан расковав,

Сказать боится матери о том), —
В две тысячи, быть может, девяностом,
Когда пойдет мой правнук под венец,
Об интернете четырехполосном
Узнает Подмосковье наконец.

200

Посланье прочитав четыре раза,
Я начал недвусмысленно дрожать:
Там есть одна отчетливая фраза —
О том, что надо всё-таки сажать.
Весь прочий фон настолько густо вышит,
Что начисто закрыт видеоряд, —
Но эту фразу, думаю, услышат
И даже в жизнь охотно претворят,
Не отделяя праведных от гадин,
Добро от зла, торговцев от менял...
Она и есть сигнал, который даден.
И если б я посланье сочинял,
То я б его построил много проще,
Понятнее для всякого ума:

— Настала осень, облетели рощи.
Я думаю, потом придет зима.
Рискну ещё заметить дерзновенно,
Что лучше автопром, чем нефтехим,
Что лошади едят овес и сено,
Что быть хорошим лучше, чем плохим.
Люблю цветы. Прекрасен вкус компота.
Отчизну любит каждый патриот,
А если кто-то где-нибудь кого-то,
То это лучше, чем наоборот.

Прекрасное должно быть величаво.
На вкус приятна вкусная еда.
Когда ученый кот идет направо —
Заводит песнь, а сказку никогда.
Бездельнику безделие отрада,
А труженик обычно любит труд...
Но главное — сажать, конечно, надо.

Пускай меня в спичрайтеры берут!

201

Адронное

Ребята-физики, мы с просьбою огромной
К вам обращаемся. Серьезно говоря,
Уймите как-нибудь коллайдер ваш адронный,
Опять запущенный к исходу ноября.
Не черных дыр боимся мы, на самом деле:
У нашей Родины особенная статья,
Мы столько лет уже в такой дыре сидели,
Что от коллайдера чернее ей не статья.
Не то чтоб русичи конца боялись света:
В своей истории, дырявой и худой,
Мы столько раз уже испытывали это,
Что он нам кажется естественной средой.
Проблема в том, что меж правителем законным,
Чьим попечением Россия вознеслась,
И этим долбаным коллайдером адронным
Осуществляется мистическая связь.
При первых признаках рабочего режима
Машины адовой — сейчас же, как назло,
Он принимается острить неудержимо.

Как пишут классики, Остапа понесло.
Едва поднимемся, едва поправим имидж,
Едва научимся общаться с Dawning street —
Как имидж рушится, и фиг его поднимешь,
Когда он заново чего-нибудь сострит.
Всех этих выходов, ужасных и неожиданных,
Причиной страшное подземное кольцо.
Ведь вы же физики, адепты точных данных!
Закономерности, как видим, налицо.

Допустим, осенью две тысячи второго,
Едва строительству был шумный дан почин,
Он при значительном стечении народа
Про обрезание в Брюсселе отмочил.
Мы сразу поняли, что дело тут нечисто.
Вы только вырыли гигантский котлован —

202

А он решил уже обрезать журналиста.
Ваш бублик атомный его заколдовал.
Когда ж построилась коллайдера основа
И в нём забегали протонные пучки —
В начале осени две тысячи восьмого
Остатки выдержки утратил он почти.
Остроты сочные пошли тогда сплошные:
Желая вывалить противника в грязи,
За место некое сулил Саакашвили
Повесить лидер наш в беседе с Саркози.
Потом вы гепнулись, случился промежуток,
Публично каялся проектный институт —
И пару месяцев мы прожили без шуток,
Но вы исправились, и шутки тут как тут.
Спросили зрители: ужели вы решили

Покончить с Грузией, повесив заодно
За место нежное одно Саакашвили?
И он ослабился: не только за одно!
Он этой шуткою с Отчеством поладил,
Неприхотливые порадовав умы;
Шутил и дальше бы, но, к счастью, ваш

коллайдер

Из строя вылетел до будущей зимы.

И вот вы заново пустили эту штуку,
Хоть мир испуганный протесты заявлял,
И он, почувствовав, опять озвучил шутку —
Опять по адресу грузин и киевлян.
Теперь он выступил острей и ядовитей
На тему давнего грузинского греха —
Мол, пусть без галстуков гуляют Миша с Витей,
А то ведь слопают! (И пресса: ха-ха-ха!)
Ведь это уровень уже страны-изгоя,
Взамен аттической — слабительная соль...
Ну пошутил бы он про что-нибудь другое,
Не столь убогое, дворовое не столь!

203

Острота, плоскостью сравнивая с оладьей;
Намки толстые, как холощенный кот...
Что будет с Родиной, коль этот ваш коллайдер
Не остановится ещё хотя бы год?

Какого юмора сподобимся тогда мы,
Когда раскрутится проклятое кольцо?
Про что пошутит он? Про темноту Обамы?
Про душу Хиллари? Про чье-нибудь яйцо?

Про косу Юлии, про отравленье Вити,
Про истребление оранжевой чумы?

Я вас заранее прошу: остановите.

Когда не шутит он, не так рыдаем мы.

Самооборонительное

Виват, виват, Рашид Гумарыч,
Визирь по внутренним делам!
Услышав то, что ты гутаришь,
Мы раскололись пополам.
Уже давно таких изюмин
Не выдавал ничей язык.
Одни кричат, что ты безумен,
А я скажу, что ты велик!
За ужас «Невского экспресса»
И за разборки меж братвой
Тебя и так терзает пресса,
Но это грех не только твой.

204

Не оправдав тебя ни разу,
Не стану поднимать пращу:
Ты выдал нам такую фразу,
Что я за всё тебя прощу.
Развязному центуриону
Ответ отныне будет быстр:
Мандат на самооборону
Нам выдал профильный министр.
Коль мент превысил полномочья

И очевидцы не спасут —
Его не стану в суд волочь я:
Видали мы российский суд.
Победа в нём невероятна,
Прошу простить за прямоту.
Теперь мы вправе адекватно
Ответить этому менту.
Увидев взор его звериный
(А так взирает большинство),
Мы можем дать ему дубиной,
И нам не будет ничего.

Хоть поздно, перед Новым годом, —
Но правда произнесена:
Меж государством и народом
Идет горячая война.
Такой почин достоин гимна,
Как сцена «Ленин и бревно».
Отныне будет всё взаимно,
Зеркально будет и равно.
Законной яростью ведомы,
Мы поглядим по сторонам —
И к вам применим все приемы,
Что прежде применялись к нам.
Не называйте это бредом-с:
Приметы времени круты.
Теперь мы ждем от прочих ведомств
Такой же честной прямоты.

205

Что делать, солнце не без пятен.
Пришла пора ответных мер:
Ведь может быть неадекватен

Не только милиционер.
Иной налоговый инспектор
Налит такую чернотой,
Что самый злобный вивисектор
На фоне этого — святой.
Иной крутой судебный пристав,
Привыкший всех рубить сплеча,
Так беспардонен и неистов,
Что просто просит кирпича!
Когда гаишник-шизофреник
Нарушит правила свои —
Потребовать мы вправе денег
От представителя ГАИ.
Вчера терпели, как овечки,
Но нынче всё наоборот —
И при отсутствии аптечки
Пускай он платит пару МРОТ.
Я знаю аргументы эти,
Мне предъявляли их сполна:
«Шеф, у меня жена и дети,
И мне не платят ни хрена».
И сумму требует по смете.
А я отвечаю в наши дни:
«Теперь у всех жена и дети!
Плати иль палочку гони».

О, счастье местного разлива —
Побыть с властями заодно!
Кассиру крикнуть: «Живо, живо!
Вы тут одна, а нас полно!»
У продавца, как некий витязь,
Урвать излишек ветчины.

Сказать врачу: «Не суетитесь,
Вы всё равно обречены!»

206

Не дожидаясь угнетений,
Когда идешь голосовать,
Подделать сотню бюллетеней,
А в прочих член нарисовать...
Пускай дурной учитель в школу
Приводит дряхлого отца,
И тот, потупив очи долу,
Скрипит: «Простите сорванца...»
А можно, предложить рискую,
Засесть пред линзой голубой,
Включить программу новостную,
Жену для смеха взять с собой,
Позвать друзей, накрыть поляну,
В петлицу сунуть микрофон —
И врать в лицо телеэкрану,
Пока не покраснеет он.

В душе я пацифист отчасти
И зла не знаю за собой.
Я не хочу ответить власти
Ни катаклизмом, ни борьбой,
Ни буйным маршем, ни террором —
Всё это в общем перебор;
Но всем, кто клал на нас с прибором,
Давно пора вернуть прибор.
Проснется Родина не скоро,
Но это важная черта —
Хамить нахалу, грабить вора,
Обороняться от мента...

Хоть этот путь ещё в начале,
На нём величия печать.

Вы нас любили. Мы крепчали.
Настало время вам крепчать.

207

Футурологическое

Когда-нибудь — хоть, думаю, нескоро —
Прогнав вопросы через решето,
В эфире для прямого разговора
Появится Ещё Не Знаю Кто.
Немало лет, а то десятилетий
Пройдет, пока пробьется в теледом
Не Первый, не Второй, а кто-то Третий,
Во что сегодня верится с трудом.
Не знаю, сколько лет ему сегодня:
Десятый класс? Детсад? Четвертый курс?
Откуда он — Коломна, Лобня, Сходня?
(Боюсь, что Питер выбрал свой ресурс.)
Не знаю, из каких он вышел партий,
Кого он любит, на кого сердит,
Чем занят он — сидит ли он за партой,
В песочнице иль попросту сидит, —
Но разговор наедине со всеми
Останется и в эти времена.
Он будет вечен, как программа «Время»,
И так же откровенен, как она.

Я так и вижу это, ибо видел
Таких мостов не менее шести.

Как ни зовись национальный лидер,
Но ритуал он должен соблюсти.
Сначала он стране раздаст подарки,
Как подобает первому лицу:
Часы — бойцу, учителям — приварки,
Очки — слепцу, припарки — мертвецу...
Отвалит пару бабок паре бабок,
Заменит в Чухломе сливной бачок;
В избушку, завалившуюся набок,
Пришлет джакузи — мойся, мужичок!
Короче, будет всё по вечной схеме,
Чтоб веселей смотрел простолудин;

208

Но в рубрике «Наедине со всеми»
Имеется вопрос ещё один.
Мацкявичус, уже седоволосый,
Подтянут, но морщинист и согбен,
Озвучит как бы нехотя вопросы
Об участии известного NN.

Кокетничая малость перед массой
Российской, самой массовой из масс,
Премьер ответит с легкою гримасой:
«Я говорил об этом много раз.
Совсем недавно, кажется, в Париже
Мне задали на брифинге вопрос
Об этом же, и кажется, что вы же.
За этим я вас, собственно, и вез.
Сейчас, ввиду такого многолюдья,
Немного повториться — не беда:
Всё происходит в рамках правосудья.
Ведь вы же жили, кажется, тогда?»

Все помнят эти подкупы и взятки,
Лавину умолчаний и подмен.
Да там убийств доказанных десятки,
Хоть убивал, конечно, не NN!
Конечно, нет. Ещё бы не хватало.
Надежно были спрятаны концы:
Довольно было окрика, сигнала,
А действовали верные борцы.
Не для себя ж старались эти перцы,
Безликое, тупое большинство,
Его единоверцы, селигерцы,
Надежные сопитерцы его?
Однако счета мы сводить не будем,
Хоть кое-кто порою норовит.
В России насладиться правосудьем
Имеет право каждый индивид.
Приятный факт я вам припас нарочно,
Коль зритель справедливости взалкал:

209

Вот этот «Группфинанс»... не помню точно...
Там упомянут, кажется, Байкал...
Так вот, поскольку он во время оно,
Что было от коррупции черно,
Присвоил деньги не вполне законно —
Народу это всё возвращено.
Бабло пошло на пенсии, на детство,
На стариков, изношенных трудом,
Построен целый дом на эти средства —
Прошу вас, покажите этот дом!
А прочее досталось людям верным:
Весь капитал без ложного стыда
Яразделил с проверенным концерном

«Финанс-арест-инвест-туда-сюда».
Пускай они не светятся публично,
Не открывают честного лица —
Однако мне они известны лично
И преданы свободе до конца!».

Простой народ, не сдерживая пыла,
Приветствует закона торжество...

Хочу ли я, чтоб это так и было?
Нет, не хочу. И более того:
Я не люблю ликующего быдла.
Признаться, парадигма эта вся
Уже давно Отечеству обрыдла.
Зачем менять гуся на поросю?
Так было при татарах, при хазарах...
Я не хочу — подальше от греха —
Ни МБХ держать на жестких нарах,
Ни тех, кто слал на нары МБХ.
Покуда месть пирует в наших душах,
Отчизна не увидит перемен.
Хотел бы я, чтоб на вопрос ведущих
Об участи известного NN

210

Ответил так преемник сухопарый,
Сплошных зубов показывая ряд:

— Живет в Европе. Пишет мемуары.
Задумался о многом, говорят.

Тарифное

Вот тут кричат, что подняли тарифы
На ЖКХ, на воду и на свет,
И все клюют правительство, как грифы,
А я его за это клюну? Нет.
Теперь тарифы вырастут на четверть,
Так порешили властные слои —
Но требует признать простая честность,
Что их расходы выше, чем мои.
«Давайте все поддерживать корону!» —
Воскликнет государственный-поэт.
Им надо, например, на оборону.
А нам на оборону надо? Нет.
Мы требуем от Родины мачизма.
Дрожи, сосед, и в ужасе глазей.
В кольце врагов живет моя Отчизна,
А я, наоборот, в кольце друзей.
Мне надо, чтобы денег ей хватало,
И чтоб она всегда была права,
И чтоб хоть через раз над ней взлетала
Экстримная ракета «Булава».

211

Пусть увеличат хоть наполовину
Тарифы эти в пять ближайших лет.
Им нужно, например, на медицину.
А мне на медицину надо? Нет!
Подобно древнеримскому герою,
Я помощи подобной не хочу,
Я сам себе скорее вены вскрою,
Чем сдамся участковому врачу.

Его глаза прицельные не лживы.
Он аспирин мне бросит, как врагу,
И мысленно взревет: «Зачем вы живы?!» —
И я ему ответить не смогу.
Я лучше как-нибудь самолечением —
Отварами, настоями, драже...
И, кстати, точно так же с обучением:
Оно нужнее им, а я уже.

Иной ещё, конечно, скажет сдуру,
Что жаль отдать заветных пять монет, —
Но государству нужно на культуру.
А мне на это дело надо? Нет.
Им надо патриотов настоящих
Воспитывать, чтоб социум крепчал,
Им надо миллиард на зомбоящик,
А я его забыл, когда включал.
Политика — отдельная отрада,
Хоть от неё, похоже, только вред:
На выборы им тоже денег надо,
А у меня и выбора-то нет.
Мне были бы колбаска, сыр, заварка,
Заветный микояновский овал...
Я позабыл, когда голосовал-то,
И не пойму, зачем голосовал.
Им надо и на армию, зараза,
На МВД, на ГРУ и ФСБ,
На водный транспорт, на добычу газа
(Ко мне он сам приходит по трубе)...

На всё потребна звонкая монета,
Без этих служб не выстоять Руси,

А мне-то разве нужно ФСБ-то?
Совсем не нужно, Боже упаси!
Опять же инновации, да нано,
Да корпораций жадная орда, —
А мне-то это нано разве надо?
Его я и не видел никогда...
Я отдавал бы пять шестых зарплаты,
Дойдя до состояния мощей:
Ведь у страны — немыслимые траты
На тысячу бессмысленных вещей.
О, эти ниши! Надо содержать в них —
Прошу заметить, в кризисном году, —
Бездельников тупых и кровожадных
Разнузданную жирную орду,
От госпожарнадзора и до ФСИНа,
И всем вручать кокарды и значки...
А нам с женою — только дочь и сына,
И то дочурка замужем почти.
Мы вам отдать последнее готовы:
Зарплату, кухню, спальню, кабинет...
Юстицию мне эту надо? Что вы!
Милицию мне эту надо? Нет!
Всё это надо вам, налогосборцам,
Вы это для себя и завели —
А я доволен чаем, разговорцем,
Родным автомобилем «Жигули»,
Супруги понимающей ухмылкой,
Романом, что дорос до трех частей...
Порою гости явятся с бутылкой —
Но я могу и выставить гостей!
Потребности у нас давно немноги,
Пускай гламуром балуется гнусь:

Утройте все тарифы и налоги —
Я вам за это в ноги поклонюсь.

213

Возьмите всё. Оставьте мне за это
Привычный стол, двуспальную кровать
И сколько вам не жаль воды и света
(При этом газа можно не давать).
Пускай кровать поскрипывает ржаво,
Пускай на плитке хлюпает омлет...

Вам надо делать вид, что вы держава.

А у меня такой проблемы нет.

Ура, Науру!

Нам было бы стыдно, когда б,
Цедя новогодние вина,
Свой истинный новый масштаб
Отечество не предъявило.
Два мощных прорыва подряд,
О коих на Западе сдуру
Порой со смешком говорят, —
Полет «Булавы» и Науру.
Как много России дало
Родство Дорофея и Кони!
(И Думу ещё прорвало*.
Но это бледнеет на фоне.)

214

Сюрпризы планете неся,

Мы смотримся жирно и росло.
Во-первых, Норвегия вся,
От дальних провинций до Осло,
Трепещет на зимнем ветру,
Заметивши над головою
Большую-большую дыру,
Пробитую там «Булавою».
Глядят из космической тьмы
Смущенные фактом светила...
А если бы целились мы?
А если б удачи хватило?
Взлетела неправильно — пусть;
Сюда б Королева — да где он...
Но если проваленный пуск
Такого эффекта наделал —
Представьте, какие слова
Вы все закричите, забредив,
Когда полетит «Булава»
Туда, куда скажет Медведев!
Вот будет effet politique** —
А то уже больно вы прытки...
Она полетит, полетит,
Хотя и не с первой попытки!
Тогда мы при всех, на миру,
Предстанем сильнее и краше.
Пока же смотрите в дыру —
В ней видно грядущее ваше.

Вот вы говорите, развал —
А нашу, пардон, креатуру,
Абхазию, нынче признал
Атолл под названьем Науру.

Иной бы качнул головой —
Чего там, коралловый бублик! —
Но это ж рекорд мировой,
Мельчайшая, блин, из республик!

215

Вмести это чудо в уме,
Задумайся к Новому году:
Там площади — двадцать кэмэ,
Там нет городов, а народу —
Не более тысяч шести;
Но всё-таки любят культуру,
Россия там вечно в чести,
А в гимне поется: «Науру,
Науру превыше всего!».
По-моему, очень неслабо.
Мне видится в этом родство
И тайное сходство масштаба.
Когда-то Гагарин летал,
И все любовались на Юру,
Но старится даже металл.
И мы поравнялись с Науру.
Как любит мечеть муэдзин,
Как любит Петрарка Лауру,
Как в Киеве любят грузин,
Так русские любят Науру.
Поистине, дожили мы,
Что русскую нашу натуру
Не все понимают умы,
А только Науру, Науру!
Наглядный построился ряд,
Простой и любимый, как мама.
Про нано везде говорят —

И вот оно в действии, нано!
Взгляните на русскую власть —
Я сроду такого не видел, —
Куда ещё можно попасть,
Став незаметней, чем лидер;
Припомните наноитог
Всего, что страна воротила,
Вступивши на новый виток
Стабильности и позитива,

216

Припомните книг большинство
И общества температуру, —
И вот увенчанье всего:
Признание атоллom Науру!
Вот символ текущей поры,
Кокосовый остров прогретый,
По площади меньше дыры,
Пробитой российской ракетой.
Лети же, моя «Булава»,
Быстрее лети и смелее!
Плебеи рулили сперва,
Но их победили пигмеи.
Во дни удалого зверья
Россия твердила: «Гренада!»

Науру, Науру моя!
Другого припева не надо.

** Прорыв отопления в Думе 15 декабря
вывел из строя машину для голосований.*

Пирамидальное

Навстречу 130-летию «отца народов»

Мне снился сегодня Египет,
Пустыня, что пылью дымит,
Отеля параллелепипед
На фоне седых пирамид,
Привычные увеселенья
Меж пляжей, барханов и гор,
Но главное — всё население
Втянулось в мучительный спор.
Один ко мне тоже прискребся,
Вцепился зубами, как мопс,
И спрашивать стал про Хеопса:
Товарищ, а как вам Хеопс?
На фоне правителей юга,
Под пологом местных небес,
Он был, безусловно, зверюга —
Ужасней, чем даже Рамзес;
Славянства вожди и арапства
Пред ним — эталон белизны;
Ужасное, знаете, рабство,
Убийства, растрата казны,
Утрата товарного вида,
Забыты порядок и честь...
Но всё-таки вот — пирамида!
А что у нас кроме-то есть?
Осталась от этого гада

И тешит туристам глаза.
А то бы сплошная Хургада.
Вы против, камрад, или за?

Немного помявшись для виду,
Я так отвечаю во сне:
Конечно, я за пирамиду,
Но рабство не нравится мне.

218

Конечно, я против холопства,
Позиция, в общем, проста —
Но это же время Хеопса,
Две тысячи лет до Христа.

Неужто он так актуален,
Велик, справедлив и толков,
Что вы из-за этих развалин
Беснуетесь тридцать веков?
О да, говорит египтянин,
В ответ предлагая вино.
Наш спор для стороннего странен,
Но нам он привычен давно.

Мы ляжем со временем в гроб все,
Придя и уйдя нагишом, —
А всё-таки спор о Хеопсе
Останется неразрешен.
Как некая вечная оспа,
Хеопс заразил большинство.
Одни у нас против Хеопса,
Другие убьют за него.
Покуда Египет не спекся,

Он тот ещё был исполин, —
А собственно, кроме Хеопса,
И вспомнить-то нечего, блин.
Любого спроси и уверься —
Историк тебе подтвердит:
Ни больше подобного зверства,
Ни больше таких пирамид.
Туристы бегут с перепугу,
Узнав, что за этот предмет
Терзаем мы глотки друг другу
Четвертую тысячу лет:
Мы движемся в ритме рапида.
Былая угроза грозна.

219

Одни говорят: пирамида!
Другие: пустая казна!

Ведь Власть не бывает плохой,
Он всё-таки был божество,
Он принял Египет с сохой,
А сдал с пирамидой его,
Он вырастил три поколенья,
Он справился с местным ворьем,
А что сократил население —
Так все мы когда-то умрем!

Оставь либеральную гниду
Томиться подсчетом гробов —
Но где ты видал пирамиду,
Построенную без рабов?
Естественно, каменоломни,

Тесальщики, грузчики, ад,
Бесправие, казни — но помни:
Лес рубят, а щепки летят.

Он видел сквозь годы и дали,
Забвения тьму разрубал...
Рабы, безусловно, страдали.
Но было что вспомнить рабам!
И всюду, куда я ни сунусь —
На пляж, в забегаловку, — опс!
Повсюду, из комнат и с улиц, —
Веселое имя Хеопс.

Идут несогласные строим,
В коросте от множества ран:
Одни обзывают героем,
Другие рыдают: «Тиран!».
Запрусь ли я даже в удобства,
В сортир, по-мужски говоря, —
Там надписи лишь про Хеопса
Про грозного чудо-царя.

220

«И как мне вас жалко, ребята, —
Кричу я, уставши от фраз, —
Что вас истреблявший когда-то
Вас так занимает сейчас!
Довольно великого жлобства,
Довольно исхоженных троп-с,
Попробуйте жить без Хеопса —
На что он вам сдался, Хеопс?!»
Но стонут они от обиды:
Заткнись, о кощунственный жид!
И грозная тень пирамиды

На улицах тяжело лежит.

Проснулся я рядом с женою
В квартире своей городской,
Томимый неясной виною
И зимней холодной тоской,
И думаю в утренней рани,
На фоне редющей тьмы:
Как славно, что хоть египтяне
Не так безнадежны, как мы!

221

Какой был год, какие персонажи!

В моем окне порхает снег московский.
От перечня обломов и обид,
От слов «Медведев», «кризис», «Ходорковский», По
совести, уже в глазах рябит.
Не хочется на это силы гробить,
А хочется лирических стишков:
Рождественское что-нибудь, как Роберт, Пушистое, как
Алексей Пушкин...
Был год, конечно, так себе, но братцы!
Среди петард, в рождественском дыму
Гляжу назад — и очень может статься,
Что мы ещё заплачем по нему.

Согласно новогодних вечных правил,
Я б несколько примет его назвал.
Был недоцарь, который нами правил,
Был явно углубившийся развал.
То кризис, то Саяны бьют по нервам,

А вы чего хотели? Поздний Рим...
Формально первый так и не был первым,
Хотя уже не хочет быть вторым.
Кто виноват? Какой заморский Даллес
Взрастил для россов этот корнишон?
Ничьи надежды вновь не оправдались,
А пару раз он просто был смешон —
С Калашниковым, скажем, с поясами,
Возникшими бог знает почему...
Но может статься, мы ещё и сами
Когда-нибудь заплачем по нему.

А что? Среди всеобщего распада
Уже созрели новые плоды.
Есть те, кто четко ведает, как надо.
Они уже едины и тверды.

222

Для них важнее действовать, чем кушать;
Для них важнее сущность, чем фасад,
И государство местное обрушить
Им проще, чем два факса отослать.
Что говорить про наше государство,
Тем более сейчас, под Рождество?
Ему присуще низкое коварство,
Идиотизм, а также воровство;
Во мне не усмотрите святотатца,
Порой оно похоже на тюрьму,
Порою на бордель... но может статься,
Что мы ещё заплачем по нему.

Да, масс самодеятельность — не шутка,

Но мы крепчаем, если нас гребут.
Гниенья сорок лет представить жутко,
Не менее печален русский бунт,
И я готов к подобному сюрпризу.
Кто перемен боится наверху —
Тот может получить однажды снизу
Внушительное русское ху-ху.
И если мы заварим эту кашу
В стократно перестроенном доме —
То, допускаю, зная нашу Рашу,
Что мы ещё заплачем по нему.

Отечество привыкло к неудачам
И не привыкло, чтоб наоборот,
Но мы ведь и по ним охотно плачем.
Мы очень ностальгический народ.
Посмотрим, плечи старые ссутулив,
Подобный трехрублевой колбасе
Застойный «Кабачок «13 стульев» —
И плачем, а тогда плевались все!
Где так умеют вещь одну и ту же
То оплевать, то в перлы произвести?

223

То ль наша жизнь становится всё хуже,
То ль мы себе не нравимся как есть —
Но жизнь без ностальгического флёра
Всегда напоминает нам чуму.
Нам тошно от всего. Но очень скоро
Мы, может быть, заплачем по всему.

Посмотрим же без долгих разговоров

На нынешний из будущего дня.
 Байсаров, Орбакайте и Киркоров —
 Какая прелесть! Ближе, чем родня!
 Дымовский! Евсюков, его коллега!
 Движенье «Наши» — детский грех Кремля!
 Премьер, критиковавший меч Олега,
 Сурков, застывший около ноля,
 Чичваркин, Исмаилов и другие,
 Байкал, футбол, Кобзон и «Черкизон»...
 Ах, дорогие! Что за ностальгия!
 Я тронут, умилен и прослезён.
 Все вынули платки, никто не ропщет...
 «Здесь лучший вид, — замечу я, грустя, —
 На город, если сесть в бомбардировщик,
 А на эпоху — двадцать лет спустя.
 Какой был год, какие персонажи!»
 Не сборище козлов, а сонм планет...
 По совести, мне как-то жалко даже,
 Что я такой посредственный поэт —
 Гомера им! Но как-то нет Гомеров
 В тандемоуправляемой стране.
 Терпи меня такого, критик херов.
 Лет через сто всплакнешь и обо мне.

224

Зеленый друг	1
Обама и мы.....	2
Патриарх Кирилл.....	4
Демидов-обозник.....	5
Победитель.....	6
И это всё устроила Морарь!.....	8

Аршавянка.....	11
Министр Голикова.....	12
Шпики на пике.....	14
Кризисная баллада.....	17
Картина.....	21
Вечная Раша.....	25
Синоптическое.....	28
Злорадное.....	31
Рассасывающий.....	34
Мамо, не горюй!.....	37
Ты понимаешь нас, Ражуелина?.....	40
Мне хочется избратся в мэры Сочи....	43
No escarapan.....	46
Чрезвычайщик.....	50
Приходь-ка!.....	51
Решительные мэры.....	53
Второй том.....	54
Бестселлерное.....	56
Дмитрий и Гарри.....	59
Доставший Воронин.....	61
Их не догонят.....	62
Папа и батька.....	64
Повапленное.....	66
Нерублевый Лукашенко.....	69
Медведев. Год.....	71
Наш	
рыбак.....	72
Честь имеют.....	74
Разборное.....	75
Фальсификация.....	79

Баллада о другом месте.....	82
Пикалёвская порка.....	85
Сказ про казака.....	87
Зурабов – посол отсюда.....	88
Кавказский пасьянс.....	90
Перезагрузка.....	91
МЭРило поэзии.....	93
Светлана-булава.....	94
Кирилл и Ровно.....	96
На выздоровление Евкурова.....	98
Взаимость.....	99
Отпускник.....	100
А что у вас?.....	102
Сборная России.....	104
Кавказский пленник.....	105
ПРО и контры.....	107
Всё в Тине.....	109
Рулевой.....	110
Резервист.....	112
Три богатыря.....	114
Брат Сильвио.....	116
Майор на миг.....	117
Дмитрий Медведев.....	119
Медвед и Гус.....	121
Вещий Олег.....	123
Сон папы.....	124
Возвращенцы.....	126
Битый Сильвио.....	128
Юбилейное.....	130
Китайская элегия.....	132
ЧеТВерка смелых.....	135
Путеводительское.....	137

Защитительное.....	141
Живописное.....	145
Наценочное.....	148
Назначенческое.....	151
Парное.....	155
Заразное.....	158
На	
дне.....	161
Десять лет спустя.....	165
Зоологическое.....	168
Aposalypse now.....	171
Баллада об Arctic Sea.....	174
Публицистическое.....	177
Видеообращение.....	180
Однокровное.....	183
Баллада о нисхождении.....	185
Процентное.....	189
Историческое.....	192
Ваших	
нет.....	195
Посланческое.....	199
Адронное.....	202
Самооборонительное.....	204
Футурологическое.....	208
Тарифное.....	211
Ура,	
Науру!.....	214
Пирамидальное.....	218
Какой был год, какие персонажи!.....	222